

Министерство культуры
Хабаровского края

Хабаровский научный
центр ДВО РАН

Дальневосточная
государственная
научная библиотека

научно-практический журнал

*История
и
Культура
Триамурья*

1 (5)/ 2009

Состав Редакционного совета

Минакир Павел Александрович
председатель
(Институт экономических исследований
ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович
сопредседатель
(министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич
(Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН)

Букреев Александр Иванович
(Российская национальная библиотека,
г. Санкт-Петербург)

Гринкрук Лев Соломонович
(Дальневосточная государственная
социально-гуманитарная академия)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный
университет)

Качанова Елена Юрьевна
(Хабаровский государственный институт
искусств и культуры)

Климов Сергей Михайлович
(Межрегиональная общественная
организация «Общество «Знание»,
Санкт-Петербургский институт
внешнеэкономических связей,
экономики и права)

Костенко Михаил Иванович
(Дальневосточный государственный
гуманитарный университет)

Кудашов Виктор Николаевич
(Хабаровский институт инфокоммуникаций,
филиал Сибирского государственного
университета телекоммуникаций и
информатики)

Кузьмин Алексей Сергеевич
(Национальный Университет —
Высшая Школа Управления, г. Москва)

Лихобабин Владимир Алексеевич
(Хабаровская государственная академия
экономики и права)

Мальшев Владимир Сергеевич
(Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С. Герасимова)

Островский Александр Борисович
(Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург)

Разлогов Кирилл Эмильевич
(Российский институт культурологии,
г. Москва)

Солонин Юрий Никифорович
(Санкт-Петербургский государственный
университет)

Флиер Андрей Яковлевич
(Высшая школа культурологии Московского
государственного университета культуры и
искусств, г. Москва)

Чибанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Государственный арктический институт
искусств и культуры Республики Саха
(Якутия), г. Якутск)

Шумейко Александр Александрович
(Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет,
г. Комсомольск-на-Амуре)

Актуальная проблема

Н.И. Евсеенко

Об итогах работы краевых театрално-концертных и образовательных учреждений края в 2008 году и перспективах их развития в 2009 году

4

Д.Н. Солянов

Об итогах работы учреждений культуры края в 2008 году и задачах на 2009 год

12

Социокультурная реальность

О.И. Леховицер

Социальные проблемы региона и развитие социального пространства

В статье раскрываются социальные проблемы и их взаимосвязь с развитием социального пространства региона

20

Точка зрения

С.Н. Скоринов

Мифотворчество как основа художественной деятельности

В статье высказывается не всеми учёными разделяемая идея о мифотворческой основе художественного творчества. Показано, что миф — исторически изменчивый феномен культуры, является благодатной почвой для художественной профессиональной и любительской деятельности

32

Историописание

О.Н. Иванова

История развития культуры в Амурском районе (1963—2008 годы)

Статья об истории развития культуры, образования, здравоохранения, строительства в Амурском районе, подготовленная на основе архивных документов

42

А.А. Асеев

Традиционное воспитание коренных народов Дальнего Востока и образовательная политика советского государства в 20—30 годы XX века

Статья посвящена проблемам образования коренных народов Дальнего Востока в период становления советской власти

50

Е.А. Базылева

Библиотека Приамурского отдела ИРГО

История образования библиотеки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, формирования и пополнения её фондов

58

Диалог культур и этносов

О.В. Богодайко

Космогония орочей XIX — начала XX века

О мифопредставлениях орочей и их проявлениях в повседневной жизни

64

Н.А. Леховицер

Декоративно-прикладное искусство нанайцев: проблемы сохранения, перспективы развития

Исторические и современные аспекты декоративно-прикладного искусства нанайцев

..... 74

Художественная сфера

Б.В. Панков

Дальневосточные реалии народной музыки

О русских музыкальных инструментах на Дальнем Востоке и развитии этнической музыки

..... 86

В.С. Захарченко

Традиции живая нить

О народно-певческом и хоровом исполнительстве на Дальнем Востоке России

..... 92

Наследие

Станислав Понятовский

Неизвестная этнографическая экспедиция

Продолжение публикации материалов дневника польского учёного Станислава Францевича Понятовского (1884—1945), который в 1914 году провёл этнографическое исследование среди народов Приамурья. (Начало в номере 1/ 2007, с. 176—181; 2/2007, с. 188—199)

..... 104

С.С. Феоктистова

Народная песня отца

Литературно-художественное эссе о создании хрестоматийной песни «Шуми, Амур...», о судьбе песни в культурной жизни советского Дальнего Востока

..... 154

Библиография

Н.К. Лютова

Русское географическое общество: от истоков до начала XX века

Рецензия на книгу: Базылева Е.А. Русское географическое общество и книга

..... 158

А. Владимиров

Высшая школа на Дальнем Востоке: сохраняя отечественные традиции, формируем инновационную систему образования

Рецензия на книгу: Совет ректоров вузов Хабаровского края и Еврейской автономной области. Страницы истории.

..... 160

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию

..... 163

Состав Редакционной коллегии

Главный редактор:

Скоринин Сергей Нестерович

Заместители главного редактора:

Филаткина Ирина Викторовна

Бляхер Леонид Ефимович

Руководители направлений:

Байков Николай Михайлович

Ярулин Илдус Файзрахманович

(Актуальная проблема, Точка зрения)

Кузнецова Алла Геннадьевна

Городилова Людмила Михайловна

(Социокультурная реальность, Кафедра, Персоналии)

Дубинина Нина Ивановна

Романова Виктория Валентиновна

(Историописание, Наследие)

Шевкомуд Игорь Яковлевич

Рубан Николай Иванович

(Артефакт)

Гонтмахер Петр Яковлевич

(Диалог культур и этносов)

Бузуев Олег Александрович

(Художественная сфера)

Наумова Раиса Вячеславовна

(Библиография)

Предпечатная подготовка

Редакционно-издательский отдел ДВГНБ

Дизайн:

А.М. Тен, Н.А. Табаева

Верстка, редакция:

Е.Н. Холодилов

Выпускающий редактор:

Е.В. Глебова

Журнал зарегистрирован

в Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Дальневосточному федеральному округу.

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС 150636 от 29.11. 2007

Учредители:

Министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский научный центр ДВО РАН, Дальневосточная государственная научная библиотека

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск,

ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72

Тел/факс: (42-12) 32-52-90

Email: ivfilat@mail.ru; rnaumova@mail.ru

Актуальная проблема

Евсеенко Николай Иванович,
первый заместитель министра
культуры Хабаровского края

Об итогах работы краевых театрально-концертных и образовательных учреж- дений края в 2008 году и перспективах их развития в 2009 году

Подводя итоги прошедшего года следует отметить, что 2008 год был годом не только богатым на события, но и очень весомым по своему вкладу в развитие нашей отрасли. 70 лет краю, 150 лет г. Хабаровску, 150 лет подписанию Айгунского договора — это далеко не весь перечень событий, в которых работники культуры и искусства края были не просто участниками, но и организаторами и инициаторами.

Яркими страницами в историю культуры края будут вписаны масштабный массовый праздник, посвященный 70-летию края в СЗК «Платинум Арена», краевой рождественский фестиваль духовной культуры, Дальневосточный театральный форум и другие фестивали и праздничные мероприятия, посвященные юбилею.

Серьезная работа была проделана по выполнению Комплекса мер по развитию культуры в Хабаровском крае в

2006—2008 годах, итоги которой были подведены на заседании Правительства края в ноябре 2008 года.

За отчётный период бюджетные вложения в развитие краевых учреждений искусства и образования и поддержку творческих союзов выросли на 20 %, с 234 до 280 млн. руб. Серьёзный вклад в развитие своей экономики и экономики края внесли и сами учреждения искусства, собственные доходы которых выросли с 60 до 89 млн. руб., что на 35 % выше уровня 2008 года и является одним из самых высоких темпов роста за последние годы.

Все без исключения учреждения искусства выполнили годовой план как по финансовым, так и по объёмным показателям.

Особенно следует отметить тот факт, что растёт не только совокупный доход, но и его удельный вес в бюджете учреждений искусства. Так его доля в 2008 году возросла до 27 %, что соответствует показателям мировых грандов театрального искусства, таких, например, как «Гранд-опера» в Париже.

Всего расходов на ТЗУ в 2007 году было 261,5 млн.руб., а в 2008 году они уже составили 320,2, в том числе платные услуги — 85,96 млн.руб. против 64,2.

Продолжала развиваться и гастрольная деятельность. И хотя в абсолютном выражении доходы от её осуществления снизились на 7 % или на 1,7 млн.руб., но отдача на каждый вложенный рубль стала выше. Так, если затраты на гастроли в 2007 году составили 14,8 млн.руб., а доходы 18 млн.руб, то в 2008 году это соотношение изменилось: 13,0 млн.руб к 17 млн.руб, то есть в целом прирост составил 31 % или почти 4 млн.руб. дохода.

Активную гастрольную деятельность осуществляют такие учреждения искусства, как краевое объединение детских театров, краевой музыкальный театр, Хабаровская краевая филармония, руководством которой в целях совершенствования концертного обслуживания

населения края создана сеть представительств в Комсомольске-на-Амуре, Советской Гавани, Николаевске-на-Амуре, Ванино и Чегдомыне, что позволило охватить концертной деятельностью все 19 городов и районов края.

Расширяется география выездного обслуживания. Краевой музыкальный театр выезжал на гастроли в Южно-Сахалинск, Николаевск-на-Амуре, Биробиджан, Бикин, посёлок Переяславка. Краевой театр драмы выступал в городах Биробиджане, Комсомольске-на-Амуре, Бикине, Вяземском, Лучегорске, посёлках Чегдомын, Нижний Ургал. Коллектив краевого объединения детских театров выезжал в Южно-Сахалинск, Благовещенск, Амурск, Комсомольск-на-Амуре, Николаевск-на-Амуре.

Несмотря на экономические трудности, продолжала укрепляться материально-техническая база учреждений искусства. Всего в 2008 году на краевых объектах культуры театрально-концертного направления освоено и профинансировано строительно-ремонтных работ в объёме 81,5 млн.руб. или 100 %.

Капитально отремонтирован фасад здания краевого колледжа искусств по ул. Волочаевской, 162; осуществлён ремонт платформы краевого музыкального театра; продолжены ремонтно-реставрационные работы зданий краевого объединения детских театров по ул. Муравьёва-Амурского, 10—12 (ТЮЗ).

Произведён выборочный текущий ремонт помещений краевой филармонии, колледжа искусств, театров юного зрителя и кукол краевого объединения детских театров (КОДЕТ), театра драмы и музыкального театра. В театре юного зрителя сдан в эксплуатацию малый зал, в музыкальном театре — зал для проведения заседаний и конференций.

За отчётный период краевым учреждениям культуры театрально-концертного направления было выделено 30,1 млн.руб. на приобретение свето-

звукового и прочего оборудования, автотранспорта, оргтехники, музыкальной аппаратуры и инструментов, мебели, инвентаря и т.д.

В 2009 году краевым театральными концертными учреждениями запланировано выделение 13,4 млн.руб. на завершение ремонтно-реставрационных работ зданий краевого объединения детских театров по ул. Муравьева-Амурского, 10-12 (ТЮЗ), здания краевого колледжа искусств по ул. Волочаевской, 162; частичный ремонт и разработку проектной документации на ремонт вновь приобретённого здания колледжа искусств по ул. Краснореченской, 113 «б».

И всё-таки надо признать, что экономический рост и укрепление материальной базы всего лишь следствие и условие для главного: развития творческого потенциала наших учреждений искусства, предоставление максимальных возможностей для заполнения досуга хабаровчан и жителей края.

Прошедший год в творческом плане за последние два десятилетия был одним из самых успешных.

Серьёзными достижениями ушедшего года стали успех музыкального театра на самом престижном театральном фестивале России «Золотая маска» в г. Москве, а также успех театрального объединения КОДЕТ на фестивалях в гг. Кемерово и Москве.

Самым значительным театральным проектом года стал первый региональный театральный фестиваль «Лучшие российские спектакли в Хабаровске», проведённый совместно с оргкомитетом «Золотая маска» и посвящённый 70-летию Хабаровского края. В рамках фестивальной программы на сцене музыкального театра прошли спектакли Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова и государственного академического театра балета под руководством Бориса Эйфмана из Санкт-Петербурга, музыкального театра «Геликон-опера», театра-студии «Московский ангаже-

мент», работы Евгения Гришковца. С большим успехом прошли концерты оркестров «Солисты Москвы» и «Виртуозы Москвы» под управлением народных артистов Советского Союза Юрия Башмета и Владимира Спивакова. Высокая оценка творческих достижений ряда наших коллективов дана такими признанными деятелями искусств России, как критик, доктор искусствоведения, профессор В.Б. Оренов, председатель московской секции театральных критиков, кандидат искусствоведения И.Г. Мягкова, главный редактор московского журнала «Страстной бульвар, 10» А.И. Лаврова, редактор «Петербургского театрального журнала» М.Ю. Смирнова-Несвицкая, профессор Дальневосточной академии искусств Г.Я. Островская. Успехи на фестивалях, привлечение в край лучших коллективов страны послужили серьёзным стимулом к повышению зрительского интереса и к творчеству хабаровских коллективов.

Вместе с тем, что не менее важно, это явилось серьёзной школой и профессиональной учёбой для самих творческих работников учреждений искусства края. Организация и участие в мероприятиях такого уровня позволяет активно обмениваться опытом и расширять творческие контакты, которые необходимы в условиях нашей удалённости, оторванности от крупнейших культурных центров страны.

Понимая всю важность этого вопроса, министерством культуры края совместно с Союзом театральных деятелей России впервые в истории театрального дела на Дальнем Востоке и России был организован и проведён Дальневосточный театральный форум, в котором приняли участие более 40 театральных деятелей Дальнего Востока и России. В рамках форума лучшие педагоги столичных театральных вузов и театральных школ проводили мастер-классы, лекции, творческие лаборатории для 400 представителей театральных коллективов Камчатки, Сахалина, Приморья, Амурской области, Якутии и Хабаровского

края.

В этом мероприятии многое было впервые, но самое важное, что впервые федеральная структура экономически и на уровне первых лиц (А.А. Калягин, А.А. Смирнов) активно участвовала в работе форума.

Следует и дальше развивать и углублять отношения с центром, переходя на «адресную» работу и работу по отдельным специализациям и учреждениям. Думается, необходимо разработать и отдельную программу повышения квалификации в отрасли, и в первую очередь там, где нет своих специалистов соответствующего уровня (например, художники-постановщики, осветители, гримёры, постижёры, специалисты по сцендвижению и т.д.). Это осознанная необходимость еще и потому, что подготовка кадров в крае отстает от потребностей в сфере искусства.

Несмотря на серьёзные положительные изменения в образовательных учреждениях культуры, связанных, прежде всего, с приходом к руководству новых людей (директор колледжа С.Н. Назаров, ректор ХГИИК С.Н. Скоринов), система профессионального образования требует значительной доработки. Прежде всего это касается вопросов профориентации и, как ни громко это прозвучит, но и воспитания патриотизма по отношению к своему краю и профессии. По-прежнему недостаточно специалистов, выпускающихся в наших учебных заведениях для учреждений искусства. Необходимо более плотно увязать подготовку детей в учреждениях дополнительного образования с колледжем и институтом, как базой начального профобразования для этих учебных заведений. Необходимо расширить перечень специальностей в краевой школе искусств, осуществившей первый набор в этом учебном году. Так, мы предлагаем открытие хореографического отделения с использованием площадей краевого музыкального театра, а впоследствии

интеграция обучения в нём с обучением в колледже, перед которым стоит задача лицензирования специальности «Хореография».

Несмотря на то, что в крае колледжем и институтом ежегодно выпускается около 250 человек, кадровая проблема по-прежнему остается самой острой. Причем следует отметить, что в нашей отрасли старый и немного забытый лозунг «кадры решают все» особенно актуален. В нашей профессии, как нигде, индивидуальность яркая и самобытная является главным в творческом процессе.

За примерами далеко ходить не надо. У всех на слуху имена Т. Маслаковой, В. Павленко, А. Затева, семей Желтоуховых, Мосиных, Гогольковых, и др., а приход в коллективы Дальневосточного симфонического оркестра и ансамбля «Дальний Восток» таких руководителей, как И.Н. Дербилов и С.В. Осадчий и вовсе придало этим коллективам новое звучание.

Вместе с тем в наших учреждениях искусства недостаёт драматических артистов, солистов-вокалистов в музыкальном театре и филармонии, артистов оркестра, не говоря уже о более узких специализациях художников-постановщиков, художников по свету, бутафоров, гримёров-постижёров и т.д.

В своей практике учебным заведениям необходимо перестроить свою работу с учётом имеющихся потребностей в учреждениях искусства и культуры, особое внимание уделив качеству подготовки, что послужит престижу и авторитету этих учебных заведений. Думается, следует продолжить и активно развивать имеющуюся практику совместной подготовки специалистов с участием мастеров искусств нашего края для конкретных учреждений, в том числе используя их базу и возможности. При существующем дефиците кадров учебными заведениями на подготовку студентов затрачивается ежегодно более 130 млн. руб. Только в колледже один учащийся обходится

в 168 тыс. руб. в год.

В крае работает 46 музыкальных школ и школ искусств, в которых обучаются 9000 детей. Однако отдача от их деятельности для краевых учреждений ничтожно мала. Ежегодный выпуск учащихся школ искусств составляет около 1000 человек. В наши учебные заведения поступают из них менее 100 человек, а до учреждений искусства доходят единицы. Так, в 2008 году поступило на работу в краевые и муниципальные учреждения искусства и дополнительного образования всего 15 человек.

К сожалению, в этом направлении не сложилась система взаимных обязательств учебных заведений, ТЗУ со студентами по отработке ими по окончании учебного заведения хотя бы нескольких лет по специальности.

В крае нет стройной системы профориентации, недостаточно ведётся пропаганда творческих профессий. По-прежнему в среде школьников бытует распространённое убеждение, что работа в учреждениях искусства не престижна и низкооплачиваема. Вместе с тем это не совсем так. Заработная плата в учреждениях искусства выплачивается вовремя, средняя заработная плата в них составляет 16148 руб., что сопоставимо с заработной платой врача или педагога, а у ведущих артистов таких учреждений, как музыкальный театр, филармония, симфонический оркестр в среднем по году она составила от 17,6 тыс. руб. до 31,5 тыс. руб. Хотя это и не отменяет того факта, что она все ещё не соответствует тому социальному статусу, который имеют люди творческих профессий, но это значительно выше, чем во многих отраслях. И это является одной из проблем, которую наряду с министерством должны решить в 2009 году руководители коллективов. Необходимо очень вдумчиво подойти к предстоящему в апреле пересмотру заработной платы, чтобы создать в рамках общего повышения серьёзные стимулы к труду, активно поощряя тех,

кто достойно работает и представляет лицо нашего искусства, главным в котором является человек творчества.

Отвлекаясь от общих проблем и рассматривая деятельность каждого учреждения отдельно, оценивая, как были выполнены решения прошлогодней коллегии, следует сказать, что, участвуя в масштабных краевых мероприятиях, тем не менее, каждый коллектив предложил свою программу в юбилейном году.

Так, оправдались ожидания в отношении одного из старейших коллективов — музыкального театра. Случилось то, на что надеялись, но может быть, не до конца верили. Им завоёвана главная театральная награда страны в главной номинации: «Золотая маска» за лучший спектакль в своем жанре, а кроме того, и в номинации «Лучшая мужская роль». Отмечая творческие достижения этого коллектива, следует отметить и то, что они переросли в экономические. Так, совокупный доход 2008 года составил 127,4 млн. руб., что на 23,6 руб. больше, чем в 2007 году. Успешно проведены гастроли в г. Южно-Сахалинске, заработано около 9 млн. руб. И хотя гастрольная линейка стала короче, но отдача на 1 вложенный рубль стала выше, соотношение затраченных средств 6,95 млн.руб. к 8,97 млн. руб.

Оправданной оказалась и практика проведения крупных фестивалей, таких как «Лучшие Российские спектакли в Хабаровске», «Амурская осень», где затраты составили 6,6 млн. руб., а доходы 8,4 млн. руб.

Увеличение доходов от платных услуг позволило существенно поднять заработную плату творческому персоналу, постановочной части. Заработная плата артистов-вокалистов в 2008 году увеличилась на 43 % и составила 30,5 тыс. руб (2007 г. — 21,3 тыс. руб.), постановочной части на 33 % и составила 15,3 тыс. руб. (2007 г. — 11,5 тыс. руб.).

Особо следует поблагодарить этот коллектив за его участие в первом Дальневосточном театральном форуме, где

он стал фактически штабом проекта, взял на себя большую часть организационных проблем.

Сильная труппа, разнообразный репертуар этого театра завоевали ему большую популярность не только в Хабаровске, но и на Дальнем Востоке и в России. Однако перед театром стоят большие задачи по реформированию музыкального театра: предстоит укрепить труппу вокалистами, набирать балет, усилить оркестр, и первым шагом должно стать приглашение главного дирижёра, с которым руководство этого театра ведёт переговоры.

Продолжая разговор о том, что не только затратами и доходами измеряется успех нашей работы, а способностью и умением донести до людей высокое искусство, познакомить жителей края с новыми исполнителями и творческими коллективами, следует сказать о филармонии, чей опыт в этом отношении особенно показателен. Филармонией организовано и проведено 1627 концертов, что на 56 концертов больше, чем в 2007 году и на 5 % выше плана. Этим коллективом обслужено 160,2 тыс. зрителей, на 19,3 тыс. больше, чем в 2007 году или 114,4 % к плану 2008 года. Создано 47 новых программ, заработано свыше 22 млн. руб.

Необходимо отметить работу руководства филармонии (директор А.П. Емельянов, художественный руководитель И.Э. Мосин) по обслуживанию районов и городов края (свыше 600 концертов в гг. Комсомольске-на-Амуре, Амурске, Советской Гавани, Николаевске-на-Амуре, а также Бикинском, Ванинском, Вяземском, Верхнебуреинском, Комсомольском, районе им. Лазо и других муниципальных районах края). Широко известны в крае такие артисты и коллективы, как заслуженная артистка России Вероника Касьянова, Владимир Будников, Елена Кретова, Валерий и Ольга Ткачёвы, оркестр камерной музыки «Глория», ансамбль народной музыки «Коробейни-

ки» и др.

В составе филармонии работает Дальневосточный симфонический оркестр под управлением художественного руководителя, главного дирижёра И.Н. Дербилова. Молодой талантливый дирижёр много делает для знакомства горожан с классической музыкой, добивается творческого роста оркестра. Продолжается поиск своего творческого лица у отметившего свое 30-летие концертного ансамбля «Дальний Восток».

К сожалению, руководству филармонии не удалось грамотно выстроить гастрольную политику с привлечением лучших творческих коллективов на самокупаемой основе с прибылью. По-прежнему перед ним стоит задача укрепления творческими кадрами. Проведённая аттестация только подтвердила существование этой проблемы. В условиях кризиса остро стоит задача увеличения собственных доходов.

Продолжала укрепляться материальная база краевого театра драмы, проведены работы по текущему ремонту на сумму 2555 тыс. руб., приобретено оборудование на сумму 3465,4 тыс. руб. Театром с напряжением, но был выполнен план по объёмным и финансовым показателям. В 2008 году начала возрождаться гастрольная и выездная деятельность. Театром было поставлено пять премьерных спектаклей. Тем не менее, следует отметить, что, несмотря на крепкий административный потенциал, творческого роста в прошедшем году не произошло.

Оставляет желать лучшего репертуарная политика, продолжает оставаться неоднократно отмечавшийся критикой разного уровня низкий постановочный уровень ряда спектаклей, таких как «Свадьба Кречинского» (режиссёр Н. Елесин), «Стакан воды» (режиссёр С. Таюшев). На всём этом серьёзно сказывается отсутствие творческого лидера — главного режиссёра. К сожалению, Николай Елесин в этом качестве не состоялся. Всё это отрицательно сказывается на уровне

доходов театра, и, как следствие, творческих работников, а также на настроениях коллектива.

Наряду с приглашением на работу нового главного режиссера, в 2009 году руководству театра (А.В. Сосида) предстоит решать сложную проблему укрепления творческого состава и формирования репертуара с целью привлечения новых зрителей, в том числе и во вновь открытый малый зал театра.

Применительно к творческому объединению детских театров можно сказать то же, что и о музыкальном театре: они оправдали наши ожидания. Подтверждением высокого профессионального статуса коллектива стала заслуженная победа спектакля ТЮЗа «Про кота в сапогах» на I межрегиональном фестивале спектаклей для детей и юношества «Сибирский кот» в г. Кемерово в номинации «Лучшая режиссёрская работа» и его участие в Международном фестивале кукол им. С.В. Образцова в г. Москве.

Продолжают расти посещаемость спектаклей и собственные доходы. В 2008 году на 767 спектаклях объединения побывало 82,2 тыс. зрителей против 73,5 тыс. в 2007 году, а доходы выросли с 8,2 млн. руб. до 10,9 млн. руб.

Все объёмные и финансовые показатели театром выполнены с превышением плана: по спектаклям на 112,8 %, по зрителям на 110,3 %, по доходам на 100 %.

Особенно следует отметить активную гастрольную деятельность, в которой объединение лидирует. Так, количество спектаклей на выезде выросло от 55 до 109 (+ 54), зрителей до 15,7 тыс. чел. (+ 9,4 тыс. чел.), а полученные доходы от гастролей составили 1 млн. 612 тыс. руб., что почти в три раза больше предыдущего года. Расширилась и география гастролей. Коллективы объединения побывали с гастролями в городах Южно-Сахалинске, Благовещенске, Комсомольске-на-Амуре, а также в Амурском, Солнечном, Верхнебуреинском районах. Всё это не просто цифры.

Руководству этого коллектива (К. Кучикин) удалось сделать главное – создать ту творческую и рабочую атмосферу, которая позволила преодолеть бытовавшую ранее инертность и увлечь всех решением творческих задач, мобилизовавшими коллектив на достижение высоких результатов.

Немало усилий приходится прилагать для решения своих, как творческих, так и производственных проблем муниципальным театрам — драмы в г. Комсомольске-на-Амуре и «Триада» в г. Хабаровске. Не подлежит сомнению любовь зрителей к этим творческим коллективам. В необычайно сложном положении находится коллектив театра «Триада». Просчёты бывшего руководства управления культуры и правовая безграмотность сегодня завели театр в тупик в борьбе за собственность. Чтобы сохранить театр городом, как единственным учредителем, должны быть найдены неординарные решения, чтобы в правовом поле найти выход из этого тупика.

В прошлом году исполнилось 7 лет краевому цирку. Располагая одной из лучших в России базой, включающей в себя и собственную хорошо оборудованную гостиницу, этот коллектив сумел принять на своей арене свыше 50 лучших цирковых программ с участием известных цирковых династий и коллективов нашей страны. Самыми запоминающимися из них в прошедшем году стали «Восемнадцать суматранских тигров», «Северное сияние» и представление Московского цирка Ю. Никулина на Цветном бульваре.

Всего в 2008 году было дано 136 представлений, на которых побывало 87 тыс. зрителей. До 22 млн.руб. выросли доходы цирка. Однако в целом для киноциркового объединения это было трудное время. Выход из объединения кинотеатра «Гигант» остро поставил перед руководством объединения задачу восполнения выпадающих доходов. Пришлось решать задачу строительства

нового зала в кинотеатре «Совкино». К чести руководства объединения (Н.И. Ершов), оно сумело решить многие из возникших в связи с этим проблемы.

Вместе с тем в 2009 году перед руководством объединения по-прежнему стоит задача оптимизации расходов и поиск новых источников доходов. Одна из возможностей развития объединения — это открытие нового зала в кинотеатре «Совкино», а также приглашение новых цирковых программ высокого качества и продвижение их дальше на территорию края в г. Комсомольске-на-Амуре. Одним из резервов является более эффективное использование гостиничного комплекса.

В 2008 году министерство культуры края продолжило работу по поддержке творческих союзов и объединений. Важными событиями года стали Региональная художественная выставка «Дальний Восток — 10», Дальневосточный театралный форум, ассамблеи Дальневосточных композиторов. В 2009 году планируется создание альбома истории Союза художников, поддержка творческих проектов Союзов композиторов и писателей, проведение фестивалей и других акций Союзом театралных деятелей, помощь в учёбе одарённой молодёжи — это далеко не полный перечень тех направлений, по которым будет оказана поддержка.

Выявленные в ходе реализации в 2008 году Комплекса мер проблемы в развитии отрасли требуют принятия дополнительных организационно-административных и финансово-экономических мер по их решению. В

этой связи на ваше рассмотрение выносятся конкретные предложения, направленные на развитие деятельности краевых учреждений искусства в 2009 году.

В текущем году приоритетными направлениями в деятельности министерства, краевых учреждений искусства должны стать укрепление материально-технической базы, повышение сценического и исполнительского мастерства, активизация гастрольной деятельности творческих коллективов, укомплектование штатов в краевых театрах и филармонии.

Особое внимание следует обратить на качество предоставляемых учреждениями услуг, повышение ответственности руководителей за рациональное использование выделяемых бюджетных средств, мобилизацию доходов и дополнительных инвестиций из федерального бюджета в развитие учреждений.

2009 год начался как год мирового экономического кризиса, его влияние уже сказывается и на нашей отрасли. Культура края испытывает серьёзное воздействие ряда негативных факторов, обусловленных развитием кризисных явлений в экономике.

Сегодня перед учреждениями искусства стоит важнейшая задача рачительного отношения к выделенным бюджетным средствам, введения строгого режима их экономии и мобилизации всех источников дохода.

Нам необходимо не только пережить это время и не растерять достигнутого, но и идти вперёд к новым творческим рубежам.

Актуальная проблема

Солянов Дмитрий Николаевич,
заместитель министра культуры
Хабаровского края

Об итогах работы учреждений культуры края в 2008 году и задачах на 2009 год

Подводя итоги работы учреждений культуры края за 2008 год, следует отметить, что он стал годом подведения итогов работы отрасли за период выполнения краевой программы развития на 2006—2008 годы и проведения масштабных мероприятий, посвящённых знаменательным датам.

За отчётный период расходы на содержание учреждений культуры в бюджете края составили 1,8 млрд. рублей, (1,840 млрд. рублей), что на 45 процентов выше расходов 2007 года (1,270 млн. рублей). Финансирование на культуру из краевого бюджета составило 567 млн. рублей, что значительно выше уровня 2007 года — на 61 процент.

Краевыми учреждениями культуры оказано населению платных услуг на сумму 42 млн. рублей, дополнительно привлечено нефинансовых доходов в объёме более 13 млн. рублей, в том числе из федеральных организаций на сумму более 10 млн. рублей.

Доходы от уставной и предпринима-

тельской деятельности муниципальных учреждений культуры увеличились в среднем на 19 % и составили около 42,5 млн. рублей. Наиболее существенный рост заработанных денежных средств по отношению к 2007 году отмечен в Амурском, Аяно-Майском, Нанайском, Солнечном, Хабаровском, имени П. Осипенко муниципальных районах, городе Комсомольске-на-Амуре.

На развитие материально-технической базы учреждений культуры муниципальных образований было направлено 165 млн. рублей, что почти в 2 раза больше, чем в 2007 году (85,2 млн. рублей).

В настоящее время в крае работают 603 учреждения культуры, из них 18 музеев, 275 библиотек, 303 культурно-досуговых учреждений, 5 парков.

Уменьшение сети произошло в связи с включением 48 муниципальных библиотек в состав культурно-досуговых учреждений.

Восстановлена библиотечная система в районе им. П.Осипенко — шесть библиотек, переданных ранее на поселения, стали структурными подразделениями Межпоселенческого информационного библиотечно-музейного центра. Библиотека села Де-Кастри вышла из состава Центра культуры и досуга Де-Кастринского сельского поселения и стала филиалом Межпоселенческой библиотеки Ульчского района.

В 2008 году в фонд муниципальных библиотек поступило 164 тысячи экземпляров новых изданий стоимостью 14,5 млн. рублей, из них около 2,9 млн. рублей субсидии муниципальным бюджетам на комплектование библиотечных фондов.

Обменно-резервным фондом Дальневосточной научной библиотеки передано 4 тыс. изданий на общую сумму 3,0 млн. рублей.

Объём средств от оказания платных услуг увеличился по сравнению с 2007 годом на треть и составил около 8 млн.

рублей.

В рамках грантовой деятельности библиотеками четырёх муниципальных районов реализованы проекты на суммы 500 тыс. рублей (Амурский, Николаевский, Вяземский, Хабаровский).

На базе отдела редких и ценных изданий ДВГНБ открыт краевой научно-исследовательский центр книжных памятников с лабораторией, оснащённой современным оборудованием.

Усовершенствована технология выпуска изданий на специальных форматах в краевой специализированной библиотеке для слепых, приобретено специализированное программное обеспечение.

С целью оказания методической помощи специалистами ДВГНБ осуществлены выезды в библиотеки Амурского, Бикинского, Верхнебуреинского, Вяземского, Солнечного и Хабаровского районов.

На базе районных библиотек проведены научно-практические конференции в Солнечном, Хабаровском, Верхнебуреинском районах.

Музейные фонды увеличились на 11 тысяч экспонатов и составили более 780 тысяч предметов материальной и духовной культуры народов России и зарубежья.

Из краевого бюджета на приобретение культурных ценностей выделено 1,5 млн. рублей, финансирование из муниципальных бюджетов на развитие музеев увеличилось на 70 %.

Укрепляется материальная база музеев:

— состоялось открытие нового здания краевого музея им. Н.И. Гродекова площадью 3,2 тыс. кв. метров с новыми экспозициями, современным фондохранилищем;

— улучшены условия хранения и экспонирования музейных предметов в Амурском, Бикинском, Солнечном, Аяно-Майском музеях и города Комсомольска-на-Амуре. На реконструкции в связи с

расширением экспозиционных площадей находится музей истории города Хабаровска. В 2008 году начата реконструкция здания для Николаевского-на-Амуре краеведческого музея;

— качественно обновились экспозиции музеев Амурского, Охотского, Бикинского районов.

Дальневосточным художественным музеем продолжена работа по реализации проекта «Близкое искусство» в муниципальных образованиях края, осуществлены крупные художественные проекты «Будущее зависит от тебя. Новые правила» из коллекции современного искусства Пьера Броше (г. Москва) и «Люди Амура».

Музеем им. Н.И. Гродекова получен Грант Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства.

На начало 2009 года на государственном учете в крае состоит 1351 недвижимых памятников истории и культуры (из них памятников истории — 150, архитектуры и градостроительства — 404 и монументального искусства — 16, ландшафтного искусства — 4, археологии — 777.)

Краевым научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры продолжена работа по выявлению, обследованию, научному документированию и паспортизации памятников истории и культуры; обеспечению сохранности, техническому обследованию и реставрации объектов культурного наследия края.

Проведены комплексные и фрагментарные ремонтно-реставрационные работы на 36 памятниках архитектуры городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, археологические разведочные работы на территории Ульчского, Бикинского, Ванинского районов и аварийно-спасательные работы на памятниках археологии Комсомольского, Хабаровского

и Вяземского районов.

Наметилась тенденция увеличения дохода от кинопроката. Если в 2007 году доход муниципальных кинотеатров составлял 1млн. 600 тыс. рублей, то в 2008 году — 3,1 млн. рублей.

Закуплена и установлена видеопроекторная аппаратура в селе Булава Ульчского района, в селе Шереметьево Вяземского района.

Остаётся тенденция снижения числа киноустановок: в 2006 году их насчитывалось 57, в 2008 — 49.

Причинами сокращения киносети в сельской местности по-прежнему остаются недостаточное финансирование киноотрасли, ухудшение состояния материально-технической базы киносети.

Проблемы развития киноотрасли края обсуждались на совете Глав городских поселений и муниципальных районов края при Губернаторе Хабаровского края.

Развивается культурно-досуговая деятельность и народное творчество. Общее количество мероприятий, проведённых учреждениями края в 2008 году, составило более 53 тысяч, что не превышает предыдущих показателей в связи с ликвидацией двух учреждений в Комсомольском и имени П. Осипенко районах и проведения реконструкций и капитальных ремонтов 13 Домов культуры.

Вместе с тем, открылся Дом культуры в с. Невельское района имени Лазо и сдан в эксплуатацию краевой Дворец культуры и спорта «Русь».

В настоящее время в крае работают 2023 клубных формирования, в которых реализуют свои способности более 30 600 человек, в том числе около 18 тысяч детей.

Количество клубных формирований в целом по краю увеличилось на 18 единиц. Наибольший рост произошёл в Амурском (11), имени Лазо (11), Вяземском (10) и Верхнебуреинском (9) районах.

Особое внимание уделялось проведению краевых мероприятий непосредственно в районах, что способствовало широкому привлечению зрительской аудитории, творческому обмену, усилению внимания администраций муниципальных образований к вопросам развития культуры. Организатором этих мероприятий является краевое научно-образовательное творческое объединение культуры.

В отчетном году состоялись краевые фестивали: «Лики наследия» — в городе Хабаровске и Амурском районе, селе Троицкое Нанайского района; «Бубен дружбы» — в Чегдомыне, Среднем Ургале Верхнебуреинского района, городе Амурске и селе Ачан Амурского района. Краевой фестиваль «Люблю тебя, мой край родной» прошёл в Бикинском, Вяземском, Хабаровском, Ванинском, Нанайском, Советско-Гаванском, Верхнебуреинском, Комсомольском, имени П.Осипенко и Лазо муниципальных районах.

Наиболее значимыми стали:

— V Всероссийский конкурс оркестров и ансамблей русских народных инструментов имени Н.И. Калинина, проведённый совместно с Государственным Российским Домом народного творчества;

— фестиваль народного творчества «Россия начинается с Востока», посвящённый 70-летию края. Творческими коллективами были представлены все муниципальные районы края, а в заключительном этапе приняли участие 57 творческих коллективов и солистов почти всех жанров и направлений народного творчества;

— ярким событием года стало театрализованное представление «Хабаровский край, где родился и вырос!», в котором было задействовано более тысячи участников — лучшие артисты и творческие коллективы края.

В фестивалях и праздниках международного, всероссийского, регионального и краевого значения в истекшем году приняло участие около 200 творческих коллективов и более 3000 участников художественной самодеятельности.

В целях сохранения традиционной народной культуры проведены творческие смены «Дети Амура» и «Славянский дом» в детских оздоровительных лагерях. Ежегодно в них участвуют более 300 детей из национальных и фольклорных коллективов края.

Учебно-методическим центром КНО-ТОК осуществляется система повышения уровня квалификации специалистов учреждений культуры. Проведено 13 курсов, на которых прошли обучение 481 человек (из края — 358), что на 70 специалистов больше, чем в 2007 году, и около 100 специалистов повысили свою квалификацию на выездных семинарах, состоявшихся в Бикинском и Нанайском районах.

В крае действуют 3 зоопарка и ботанический сад. Своё пятилетие отметил краевой парк имени Н.Н. Муравьёва-Амурского, где стало традиционным проведение концертов Дальневосточного симфонического оркестра и художественных коллективов.

В отчётном периоде проведены реконструкция, капитальный и текущий ремонты объектов культуры на общую сумму 491 млн. рублей, в том числе из краевого бюджета — 374,8 млн. рублей, что составляет 97,4 % от плана, а муниципальных учреждений — 116,2 млн. рублей, что соответствует 95 %.

Завершена реконструкция краевого Дворца культуры и спорта «Русь», сдано в эксплуатацию здание «Музей Амура» краевого музея имени Н.И. Гродекова.

Произведён капитальный ремонт зданий Дальневосточной государственной научной библиотеки по улицам Калинина и Ленинградской; текущий ре-

монт помещений по проспекту 60 лет Октября; разработана проектная документация на ремонтно-реставрационные работы основного здания и на автоматическое пожаротушение помещений по улице Тургенева.

Завершено строительство первоочередных объектов этнокультурного комплекса в селе Сикачи-Алян Хабаровского района, реконструкция Домов культуры в сёлах Новый мир, Верхнее-Тамбовское, Верхняя Эконь Комсомольского района, продолжена реконструкция зданий межпоселенческого социально-культурного центра в селе Аян Аяно-Майского района и краеведческого музея в Николаевскена-Амуре.

Производился капитальный ремонт центра национальной культуры с. Джари Нанайского района; центральной детской библиотеки им. Гайдара, центра народной культуры и досуга п. Берёзовка и Детской музыкальной школы № 4 Хабаровска; районного Дома культуры Охотского района; Дворца культуры и межпоселенческой библиотеки Амурска; районного Дома культуры, Детской школы искусств № 2 рп. Заветы Ильича и Дома культуры рп. Майский Советско-Гаванского района; Домов культуры посёлков Дуки и Сусанино Ульчского района; Дома культуры с. Восточное Хабаровского района; Детской школы искусств п. Берёзовый и Дома культуры п. Горный Солнечного района; Дома культуры с. Удское Тугуро-Чумиканского района; домов культуры «Строитель» и «Алмаз» Комсомольскана-Амуре.

Текущий ремонт учреждений культуры различной степени сложности производился на 94 объектах.

В течение года осуществлялось взаимодействие с муниципальными образованиями:

— работал Координационный Совет руководителей органов управления культуры;

— в рамках подписанных Соглашений о совместной деятельности проводились мероприятия, направленные на поддержку и развитие культуры районов.

Обязательства министерства культуры края в части финансирования расходов из краевого бюджета на выполнение планов мероприятий в рамках Соглашений выполнены на 131 % и составили более 15 млн. рублей.

В рамках ежегодно проводимого конкурса по развитию культуры села министерством культуры поддержано 5 проектов, представленных шестью муниципальными районами (Ульчским, Бикинским, Комсомольским, Солнечным, Ванинским, Верхнебуреинским) на общую сумму 1 млн. 200 тыс. рублей.

Значимым прошедший год стал для муниципальных образований, отметивших свои юбилейные даты: это города Хабаровск, Амурск, Бикин, Ульчский, Амурский и Ванинский муниципальные районы. Здесь проведены крупные праздничные мероприятия, в организации которых министерством оказана существенная помощь.

Не остались в стороне учреждения культуры в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации. Краевыми учреждениями культуры проведено более 50 выездных концертов и спектаклей в 12 районах края. В день выборов состоялось более 1200 праздничных мероприятий, в которых было задействовано свыше 13 тысяч участников профессиональных и любительских коллективов.

Отмечая положительные результаты в работе учреждений культуры, необходимо остановиться на проблемах, требующих решения.

Первое. В условиях экономического кризиса главной задачей является сохранение сети учреждений, рациональное вложение бюджетных средств в их деятельность и мобилизация собственных

доходов. В связи с этим, считаем целесообразным продолжить оправдавшую себя практику создания на базе учреждений культуры многофункциональных административно-культурных центров, позволяющих уйти от излишних материальных затрат на их содержание.

Второе. Необходимость улучшения материально-технического состояния муниципальных учреждений культуры.

Проведённая в 2008 году инвентаризация выявила неудовлетворительное положение в обеспечении светозвуковым, компьютерным, специальным фондовым оборудованием, музыкальными инструментами, мебелью, костюмами. Износ оборудования в краевых учреждениях составляет 33%, в муниципальных — 62%. Компьютерная обеспеченность отрасли — 15%, библиотек — 26%.

Капитального ремонта требуют 40 муниципальных учреждений, из них в аварийном состоянии находятся 2 (Дома культуры села Мичуринское Хабаровского и посёлка Харпичан Солнечного района).

В целях решения проблемы:

— по краевым учреждениям культуры на 2009 год запланировано 134,4 млн. рублей, в том числе по капитальному строительству 102 млн. рублей (Досуговый центр краевого парка и сохранение памятника «Жилой дом В.Ф. Плюснина»), капитальному ремонту пяти зданий научной библиотеки, разработку проектной документации Дальневосточного художественного музея на 19 млн. рублей.

— по муниципальным учреждениям культуры запланировано 139,2 млн. рублей: на реконструкцию учреждений 183,3 млн. рублей (Николаевский краеведческий музей — 30,3 млн. рублей (28 млн. рублей краевого бюджета); межпоселенческий социально-культурный центр в селе Аян Аяно-Майского района 3 млн. рублей; кинотеатр «Комсомолец» в Комсомольске-на-Амуре — 15 млн. рублей).

— в 7 муниципальных образованиях на сумму 75,6 млн. рублей запланирован капитальный ремонт: Хабаровский район — 5,7 млн. рублей (ДК сёл Ракитное, Осиновая речка, Князе-Волконское, МК ДМЦ); г. Хабаровск — 14,1 млн. рублей (детские музыкальные школы № 1 и 5, «Тополёк», детские художественная и хореографическая школы); г. Комсомольск-на-Амуре — 46,0 млн. рублей (музей изобразительных искусств, ДК «Строитель», памятники); район имени Лазо — 1,4 млн. рублей; Ульчский район — 1,5 млн. рублей (ДК с. Тахта); Вяземский район — 4,2 млн. рублей (Центр культуры и досуга «Радуга»); Советско-Гаванский район — 1,3 млн. рублей (ДК рп. Майский, детская школа искусств № 2, РДК).

— в 15 муниципальных образованиях на сумму 15,3 млн. рублей запланирован текущий ремонт, на приобретение основных средств — 23,5 млн. рублей.

Для решения этих вопросов в течение 2009—2011 годов министерству и органам местного самоуправления следует разработать механизм модернизации материально-технической базы муниципальных учреждений культуры на условиях софинансирования и привлечения внебюджетных средств.

Третье. По-прежнему актуальными остаются проблемы комплектования муниципальных библиотек новой литературой, организации подписной кампании, а также низкая обеспеченность библиотек компьютерной техникой (26 %).

Недостаточными темпами идёт информатизация библиотечной сети края. Для решения данной проблемы в течение трёх лет необходимо на краевом уровне модернизировать систему автоматизации библиотек, а на муниципальном — активизировать работу по оснащению библиотек компьютерами с целью объединения электронных информационных ресурсов.

Четвёртое. В целях совершенствова-

ния музейного дела в крае предстоит:

— осуществить капитальный ремонт исторического здания Гродековского музея;

— в 2009 году ввести в эксплуатацию Краевую художественную галерею площадью 10 тыс. кв. метров;

— продолжить дальнейшую работу по выполнению мероприятий «Комплекса мер по обеспечению безопасности и сохранности музейного фонда на период 2006—2010 годов», организацию систематического контроля исполнительных органов муниципальных образований за соблюдением нормативных требований в области учёта и хранения музейных коллекций.

Пятое. Продолжение работы по модернизации киносети, перевод сельских киноустановок на видеоносители.

Шестое. В связи с тем, что кадровый дефицит творческих работников и специалистов, особенно в сельской местности, сохраняется, число работающих пенсионеров в среднем по учреждениям культуры в крае составляет более 24 %, а совместительство растёт, будет продолжена целевая подготовка специалистов в отраслевых учебных заведениях — Краевом колледже искусств и Хабаровском государственном институте искусств и культуры.

Планируется совместная работа с региональным центром повышения квалификации и переподготовки кадров работников культуры Хабаровского государственного института искусств и культуры.

Седьмое. Краевому научно-образовательному творческому объединению культуры необходимо акцентировать своё внимание на проблемах развития народного художественного творчества в муниципальных образованиях края.

Подводя итоги, необходимо сказать, что 2009 год станет годом проведения

краевых мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского. Этот год должен стать годом активной подготовки к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Это участие во Всероссийской выставке художественного творчества детей «Я горжусь, что родился в России, и я помню заветы отцов», Всероссийском смотре художественных коллективов ветеранов войны и труда, Всероссийских фестивале-конкурсе патриотической песни «Я люблю тебя, Россия», фестивале оркестров народных инструментов, конкурсе муниципальных и военных оркестров, посвященных памятной дате истории России. В 2009—2010 годах пройдет Всероссийский фестиваль народного творчества «Салют Победы». В сентябре нынешнего года в Хабаровске планируется проведение регионального этапа с приглашением победителей зональных этапов муниципальных образований.

Министерством культуры начата подготовка к проведению торжественных и праздничных мероприятий, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Обеспечить их проведение на высоком организационном и художественном уровне — одна из главных задач работников культуры края.

В этом году юбилейные даты отмечает Вяземский и Нанайский районы (75 лет), 150 лет со дня основания села Троицкое. В связи с этим министерством запланирован ряд мероприятий по оказанию помощи в организации и проведении юбилейных дат.

2009 год — первый год исполнения перспективного программного документа отрасли, принятого на заседании Правительства края. Он должен стать определяющим для выработки стратегии дальнейшего развития учреждений

культуры края.

От имени министерства культуры края разрешите поблагодарить руководителей краевых учреждений культуры, органов управления культуры, заместителей глав районов за помощь и под-

держку в совместной работе, в общем деле сохранения и развития культуры в крае.

Только объединение усилий позволит выполнить поставленные задачи.

Социокультурная реальность

Леховицер Олег Израильевич,
заместитель Председателя
Правительства Хабаровского края
по социальным вопросам

Социальные проблемы региона и развитие социального пространства

*В статье раскрываются
социальные проблемы и
их взаимосвязь с разви-
тием социального простран-
ства региона.*

Социальные проблемы региона являются следствием недостаточно продуманной политики реализации задач построения социального государства и использования социальной функции региона для этих целей. Задача социальной функции региона состоит в обеспечении социальной защищённости личности, нормальных условиях жизни для каждого члена общества вне зависимости от их непосредственного участия в производстве различных благ.

В первую очередь, социальная политика государства предполагает распределение социальных благ независимо от трудового вклада для того, чтобы обеспечить тех, кто в силу различных объективных причин не может полноценно трудиться: больным, инвалидам, пожилым людям, студентам и детям.

Кроме этого любое правовое государство выделяет необходимые сред-

ства на здравоохранение, культурный отдых, просвещение, строительство жилья, чёткую работу транспорта и связи. Таким образом, должна обеспечиваться надлежащая реализация прав граждан на охрану здоровья, на отдых, на жилище, на образование, на пользование различными достижениями культуры, то есть тех социальных прав, которыми должны в максимальном объёме пользоваться все граждане государства. Например, социальная функция в области поддержки культуры реализуется через учреждение сети государственных театров, кинотеатров, музеев, финансирования различных выставок и других культурных мероприятий.

Немецкий историк Г.А. Риттер выделяет три типа социального государства. Первым типом Г.А. Риттер определяет «позитивное государство», в котором социальное обеспечение основано на индивидуализме и защите корпоративных интересов и в котором государственная социальная политика является лишь средством контроля. Второй тип — собственно социальное государство, в котором обеспечивается гарантированный минимальный уровень жизни и равенство шансов на успех. Третьим является «государство благоденствия», в котором «обеспечивается равенство, кооперация и солидарность» с одинаковой социальной политикой; в нём должны уменьшаться различия в зарплате, гарантироваться полная занятость, обеспечиваться трудящимся доминирующее место в политике государства.

Необходимо отметить, что, будучи только моделями, эти типы социального государства нигде не были реализованы в полной мере и лишь отражают основные тенденции в социальной политике современного Запада. В этом

смысле следует добавить, что идея социального государства имеет двойственный характер. Социальная функция государства призвана обеспечивать равенство как юридическое, так и материальное, что идёт в противоречие с идеей свободы и концепцией правового государства, в котором вмешательство государства в частные и общественные дела ограничивается необходимым минимумом. Как подчеркивает в своей работе Риттер, социальное государство содержит в себе опасность установления тотального контроля и управления обществом «сверху», но оно же одновременно способствует росту реальной свободы, ликвидируя бедность и социализацию индивида.

Современное российское государство также имеет социальные гарантии, закреплённые в Конституции РФ в статье 8:

«1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». Тем не менее, Россию нельзя назвать социальным государством, потому что оно не обеспечивает своих граждан приемлемым уровнем социальных гарантий и обеспечения своих сограждан.

На современном этапе развития Российского государства объективной

реальностью стало обострение социальных проблем. В период экономических реформ и социально-политических преобразований произошло резкое ограничение деятельности государства в социальной сфере, что поставило большую часть населения на грань выживания. И это несмотря на то, что Конституция РФ 1993 года в статье 7 провозгласила Россию социальным государством. В связи с этим в ряду актуальных общетеоретических проблем, имеющих важное научно-практическое значение, существенное место принадлежит социальной функции государства.

Осуществление этой функции обеспечивает достойное существование и развитие каждого человека, создаёт условия для самореализации личности. Этим определяется её особое положение в системе внутренних функций государства. В настоящее время социальная функция наполнилась новым содержанием, что связано с движением России к социальному правовому государству.

Социальный принцип государственности актуален как для мирового, так и для российского политического развития. Практика большинства демократических стран (Германия, Франция, Дания) показывает, что у государства есть реальные возможности обеспечить достойный уровень жизни своим гражданам в рамках функционирования социального государства. Следует заметить, что социальная государственность в России должна строиться с учётом специфики страны. Важнейшей нашей особенностью в этой области является острое противоречие между сформировавшимися представлениями людей о высокой социальной защищённости, существовавшей во времена командного социализма, и ограниченными возмож-

ностями современного государства в выполнении социальной функции. Поэтому необходимо выработать собственную модель социального государства, отвечающую национально-правовому, экономическому и культурному развитию нашей страны.

Социальная функция государства реализуется в социально-экономическом пространстве. Проблема конструирования властными структурами социальной реальности является актуальным вопросом политической практики и научной проблемой. Целый ряд гуманитарных наук занимается исследованием возможности манипулирования массовым общественным сознанием на основе конструирования социальной реальности с заданными параметрами. Направления и уровни этого процесса детерминированы интересами субъекта конструирования.

На определённых этапах общественного развития властные структуры государства становятся заинтересованными в возникновении региональной идентичности, которая, становясь социальной реальностью, позволяет: достичь социально-политической целостности регионального сообщества, решать мобилизационные задачи общества и государства, сохранять преемственность общественного (регионального) развития. Наибольший интерес в этом отношении вызывает советский опыт конструирования региональной идентичности. Отношение к этому феномену социальной реальности у представителей высшей власти советского государства прошло эволюцию от полного неприятия и борьбы с этим явлением до инициирования и стимулирования процесса его формирования в границах доминирующей советской идентичности. Таким образом,

формирование региональной идентичности в условиях советской действительности приобретает характер целенаправленной деятельности властных структур различного уровня.

Анализируя проблему конструирования социальной реальности в направлении формирования региональной идентичности можно сказать, что она решается путём создания для личности социального и концептуального пространства.

Социальное пространство региональной идентичности конкретно и ограничивается административными границами региона. Следует отметить, что провозглашение некоторой совокупности территорий «регионом» возможно лишь при наличии всех или части следующих признаков: общности исторических судеб, особенностей материальной и духовной культуры, географического единства территории, некоторого общего типа экономики, совместной работы в региональных организациях.

Иными словами, для региональной идентификации принципиально важным является представление о территориальных связях, возникающее на основе совместного или соседского проживания членов социальных групп различного масштаба и различной культурной идентификации. В связи с этим можно говорить о некотором базовом, географически и исторически сложившемся пространстве, параметры которого достаточно устойчивы и слабо поддаются социальному или политическому конструированию. К их числу относятся геополитические параметры региона, его климатические условия, которые определяют некоторые особенности культуры, традиций и быта, а также особенности организации эко-

номической инфраструктуры региона. Именно эти параметры позволяют говорить о наличии пространства, в границах которого возможно возникновение региональной идентичности. Учёт этой базовой составляющей является необходимым условием эффективной организации социального пространства любой региональной идентичности. В тоже время, социальное пространство региональной идентичности может конструироваться посредством региональной и социальной государственной политики. Региональная политика государства решает две основные задачи: осуществление пространственной организации экономической деятельности, при которой жители всех регионов имеют более или менее равные возможности достичь благосостояния; организация рационального использования производственного потенциала каждого региона в целях общенационального благосостояния.

Для советского государства безусловным приоритетом региональной политики являлся интерес государства, который и определял место и роль, а следовательно и конкретные действия власти в отношении региона. К примеру, отношение к Сибири в советский период определялось парадигмой «сдвига производительных сил на Восток», формирование которой относится ещё к периоду создания Урало-Кузбасского комбината и достигает своего апогея в годы Великой Отечественной войны. В соответствии с этой идеей принимались основные правительственные решения по развитию производительных сил Сибири, в результате которых произошли существенные изменения в социальном пространстве региона. Изменилась не только экономическая, но и социальная

инфраструктура региона. Значительные изменения произошли в структуре быта, культуры и ментальности населения.

В современный период приоритетность задач региональной политики российского руководства меняется. На смену парадигмы «сдвига на Восток» приходит идея «саморазвития региона». Теперь центральное место в создании социального пространства региона играют региональные власти. Именно их действия, направленные на формирование благоприятной социально-экономической ситуации, напрямую связаны с формированием позитивного отношения к региону со стороны населения.

Наряду с региональной политикой, значительную роль в формировании социального пространства играет социальная политика. Анализируя социальную политику с позиции формирования региональной идентичности, нас в большей степени интересуют те её направления, которые тем или иным способом «закрепляют» население на конкретной территории. То есть, путём принятия тех или иных властных решений формируются социально-экономические условия, в которых региональное сообщество ощущает себя защищённым, а созданные условия считает комфортными для проживания и деятельности. Анализируя социальную политику государства и её роль в формировании социального пространства региона, необходимо подходить к этой проблеме с позиции историзма.

В условиях советской действительности социальная политика в отношении граждан, проживающих на различных территориях, также зависела от места и роли региона в социально-экономической системе советского го-

сударства, от возможности решать те или иные значимые общенациональные задачи. Не последнюю роль играла и лояльность по отношению к центральной власти. В советскую эпоху сформировалась целая система социальной защиты граждан отдельных регионов, оказавшаяся востребованной и в условиях постсоветской России. Так, например, произошло с труднодоступными районами Сибири и Крайнего Севера, в освоении которых остро нуждалось советское государство в связи с открытием здесь месторождений нефти и газа. Советская социальная политика, с одной стороны, способствовала решению общегосударственных проблем, но, с другой, порождала ситуацию дифференциации регионов по уровню комфортности среды обитания. Ситуация усугублялась тем, что в границах отдельных регионов степень дифференциации также могла быть достаточно высокой. Она зависела от факторов, как объективного, так и субъективного характера, часто не связанных с официальной социальной политикой.

Наиболее заметно влияние субъективного фактора на формирование социального пространства проявляется в условиях режима «согласований» в 70-е годы XX века, когда особое значение имела личность руководителя области, края, автономного образования, его «вхожесть» в кабинеты высших партийных и министерских функционеров. Но, тем не менее, в рамках социалистической системы уровень дифференциации социального пространства региональных идентичностей не являлся ярко выраженным и нивелировался за счёт существования общенациональной идентичности и идеологии социального равенства.

Российское руководство в условиях радикального реформирования государства и общества в 90-е годы XX века перераспределяло полномочия по организации социально-благоприятных условий в регионах местным властным структурам. В постсоветской России региональные власти обеспечивали благосостояние граждан за счёт внутренних ресурсов, что усугубило ситуацию дифференциации социального регионального пространства. В рамках регионов появляются территории с высоким и низким уровнем доходов, соответственно с более и менее стабильной социальной ситуацией. В качестве примера можно привести ситуацию в Сибири, где в этот период выделяются ресурсные территории, имеющие «сверхдоходы» от добычи нефти и газа и территории с аномально низкими доходами, ориентированными, как правило, на аграрное производство. Следствием этой ситуации становится массовая миграция населения, как в границы России, так и выезд за её пределы. Этот пример лишней раз подчёркивает актуальность проблемы конструирования социального пространства региональной идентичности.

Таким образом, возможности конструирования социального пространства региональной идентичности исходят из наличия в каждом регионе специфических природно-климатических условий, формирующих определённую культурно-историческую общность. Сами по себе эти условия могут оказаться более или менее привлекательными для населения. Регулирование этого процесса требует от властных структур целенаправленной деятельности по формированию привлекательного имиджа региона через продуманную региональную и социальную политику. В то же время эффек-

тивность конструирования региональной идентичности будет значительно выше при условии формирования его концептуального пространства, под которым понимается формирование образа и представлений о регионе как социально-привлекательной, успешной и перспективной среде обитания. Концептуальное пространство региональной идентичности призвано сформировать ощущение себя частью регионального сообщества.

К числу направлений формирования концептуального пространства региональной идентичности относится создание позитивного геополитического, геокультурного образа и символов территории. Под геополитическим образом региона понимаются чётко структурированные представления о географическом пространстве, включающие наиболее яркие и запоминающиеся символы, знаки, образы и характеристики региона, маркирующие их с политической точки зрения. Власть формирует своеобразный заказ, реализация которого осуществляется, в первую очередь, через образование, искусство, средства массовой информации. На местах приоритетным в развитии культуры становится местная тематика.

Геокультурные, геополитические образы и символы региона тесным образом связаны с культурно-историческими традициями конкретной территории. В связи с этим особое значение в развитии региональной идентичности имеет обращение к исторической памяти. «В ней заложены представления о победах после поражений, величии после унижений. Именно эти глубинные исторические аспекты начинают работать на формирование идентичности». Не случайно попытки формирования локальных и региональных идентичностей, как, впро-

чем, и борьба с ними, связана с историческим краеведением. Региональные власти инициируют создание краеведческих организаций и изучение истории родного края в учебных заведениях, стимулируют развитие олимпиадного краеведческого движения. Обращение к истории региона является наиболее эффективным способом формирования патриотических чувств, составляющих основу региональной идентичности.

Формирование образа и обращение к исторической памяти связано с определённым мифотворчеством. С помощью мифа человек создаёт картину мира, интерпретирует природные явления и общественные процессы по отношению к самому себе, и в этом смысле мифы, создаваемые как самим человеком, массовым сознанием, так и властными структурами являются частью идентичности. На этой основе происходит кристаллизация коллективного «мы» — базового для идентичности любого уровня и типа. Идентичность формируется по отношению к серии различий, которые социально осознаются. Именно поэтому и возникают соответствующие политические отношения, что требует разработки, регулирующих их норм. Фундаментальную роль в подобных отношениях играет власть. Коллективное «мы», возникающее на основе осознания своих особенностей и отличий от других, является результатом как целенаправленной деятельности местной власти, так и осознания геокультурных образов, исторического прошлого региона и его социального пространства в общественном сознании. На определённых этапах развития региональной идентичности коллективное «мы» может выступать в качестве мобилизационного ресурса, следова-

тельно, искусственно культивируемым и поддерживаемым местной властью. В то же время конструирование концептуального пространства региональной идентичности происходит в пределах, ограниченных и контролируемых государством, так как логическим завершением процесса мифотворчества может стать идеология региональной исключительности и самодостаточности.

Проблема пределов развития региональной идентичности не является единственной. При анализе конструирования его социального и концептуального пространства необходимо учитывать тот факт, что, как правило, региональная идентичность состоит из локальных идентичностей отдельных городов и посёлков региона. Для их властных структур характерны собственные модели конструирования социальной реальности исходящие из особенностей «места». Эти локальные модели могут вступать в противодействие и даже в конфликты друг с другом. Могут выступать в качестве коллективного «они» и соперничать друг с другом за лидерство, но при этом социальное и концептуальное пространство региональной идентичности будет единым по базовым показателям.

Социальное пространство может осваиваться на основе инновационных подходов. Это реализация социальных и благотворительных программ, основанных на принципе инвестирования в социальную сферу; использование корпоративных социальных программ, направленных на развитие территорий, относящихся к сфере интересов компаний; развитие взаимодействия бизнеса и власти с целью повышения эффективности муниципального управления и решения социальных проблем населения

региона.

Участие компаний в социальной сфере территорий сопровождается ростом взаимных ожиданий органов региональной и местной власти и бизнеса. С одной стороны, рост ожиданий органов региональной и местной власти от бизнеса может привести к тому, что социальные программы бизнеса могут восприниматься как обязательное, а не добровольное участие компаний в развитии социальной сферы территорий. Подобная позиция приводит к усилению давления на бизнес со стороны органов власти, выраженное в феномене «добровольно-принудительной благотворительности», прямым следствием которой является снижение эффективности социальных программ бизнеса. С другой стороны, у бизнеса, финансирующего социальную сферу, растёт недовольство тем, как органы местного самоуправления расходуют бюджетные средства и управляют социальной сферой. Это вызывает желание бизнеса совместно с органами региональной и местной власти определять приоритеты социальной политики и области, в которой бизнес может принять активное участие.

Взаимодействие бизнеса и органов региональной и местной власти может приносить в социальную сферу недостающие ей принципы эффективного управления. Региональные программы социальной направленности становятся сегодня важным элементом деятельности крупных российских корпораций. Примерами инновационных подходов в реализации бизнесом социальных программ совместно с органами региональной и местной власти могут служить конкурсное финансирование проектов по развитию социальной ин-

фраструктуры, социальных услуг (ООО «ЛУКОЙЛ-Пермьнефть», программа по оптимизации расходования бюджетных средств (ГМК «Норильский никель», ЗАО «ЛУКОЙЛ-Пермь»); разработка программы социально-экономического развития городов на основе взаимодействия, баланса интересов между крупным бизнесом, государственной властью и местным самоуправлением. Однако несмотря на известные примеры, системы инновационных подходов к решению проблем ответственности за социальное благосостояние территорий пока не найдено. Определённые резервы решения данных проблем заложены в некоммерческих организациях. Вместе с тем, законодательная база для некоммерческого сектора весьма противоречива и следует предпринять ряд действий по устранению этих противоречий. Процесс законотворчества для некоммерческих организаций бессистемен. Ни в одной стране нет такого количества организационно-правовых форм (ОПФ) НКО, как в России (а у нас их 29), в нашей стране не ведутся обстоятельные исследования по правовому положению НКО, региональное законодательство находится в плачевном состоянии. Следует ввести мораторий на принятие новых законопроектов и всерьёз разобраться со всеми противоречиями, которые имеются в действующих законах. В частности, надо срочно устранять противоречия относительно ОПФ, которые серьёзно влияют на содержание деятельности НКО. Она считает, что из находящихся в портфеле законодателей 10 новых проектов, некоторые законопроекты следует снять (о социальном заказе), другие — скорректировать и ускорить рассмотрение (о некоммерческих фондах, о добро-

вольцах, об основной и предпринимательской деятельности НКО).

А. Брукс (США) считает, что ключевым аспектом в развитых странах является то, как и кто выявляет общественные предпочтения и ожидания населения. Многое зависит от качества предоставляемых услуг, а не от того, к какому сектору принадлежат организации предоставляющие услуги. М. Чирхарт (США) утверждает, что в деятельности некоммерческих организаций ежегодно участвует около 59 млн. человек. Эта работа стимулируется, а права работников законодательно закреплены, действуют волонтерские центры. В секторах социальной сферы особенно активизирована работа добровольцев. Государство должно умело регулировать и поддерживать деятельность добровольцев.

Существуют особенности налогообложения НКО в России. После введения в действие последних глав Налогового кодекса РФ все НКО оказались мгновенно в «новом мире». Суть инноваций в том, что резко сужены возможности для развития и выживания НКО. Например, из-за нового налога на прибыль не только сняты все льготы для доноров, ограничен круг целевых поступлений, сформирована область неопределённости по критериям целевого использования средств, но деятельность НКО, которые зарегистрированы, как автономные некоммерческие организации, по сути заморожена (им практически не разрешено привлекать никаких средств, включая пожертвования), ключевая идея фондов развития местного сообщества уничтожена на корню (им не предоставлено возможности для капитализации). Налогом на добавленную стоимость усложнены условия для бла-

готворительной деятельности: для того, чтобы обосновать возможность её ведения, требуется собрать огромное количество документов. Имеются и сложности в работе НКО, возникшие в связи с новым налогом на физических лиц.

Существует новое научно-практическое направление — межсекторное социальное партнерство (МСП). Можно дать новую типологию некоммерческих организаций, назвав их «элитарными» (бизнес-ассоциации, представляющие интересы крупного капитала, «VIP-аэродромы», российские филиалы различных зарубежных фондов и благотворительных организаций, фонды-пристанища для родственников бизнесменов, представительств международных организаций в России, смешанный государственно-некоммерческий тип); зонтичные и квази-зонтичные некоммерческие структуры и профильные (отраслевые) организации низового уровня, имеющие несколько десятков подвидов.

Усиление инициативы бизнеса в разработке и реализации социальных программ всё чаще приводит к тому, что бизнес проявляет желание участвовать в разработке и реализации социальных программ наравне с органами региональной и местной власти, а иногда выступает с инновационными предложениями. Из того, в чём бизнесмены могут оказать государственным служащим реальное содействие в преодолении кадровых проблем, было отмечено дополнительное обучение госслужащих управленческим навыкам. Опыт показывает, что уже реализуется ряд инициатив бизнеса, направленных на повышение эффективности управления в органах региональной и местной власти. Объединяющей концепцией яв-

ляется «новое лидерство»: успешный менеджер, где бы он не работал, в бизнесе или в муниципалитете, обладает способностью выстраивать алгоритм принятия решений в условиях экономически неопределённого, вероятностного пространства, удерживать многозначность и несимметричность вариантов развития одной и той же ситуации.

Необходимо активно развивать межсекторное социальное партнерство: представители власти и ведомств должны иметь конструктивные намерения в отношении гражданского общества, выводящие на конкретные механизмы межсекторного взаимодействия.

Исследования показывают, что российское социальное пространство в движении. Оно очень разноуровневое и неравновесное. Идёт реформирование государственного сектора, расширяется бизнес-сектор, укореняются организации третьего сектора. У каждого свои особенности и проблемы развития. Далеко от совершенства правовое поле для развития самих секторов и для выстраивания конструктивных взаимодействий между ними при решении социальных проблем. Важно, что интерес к расширению и укреплению взаимодействий, созданию и продвижению работоспособных механизмов взаимодействия, к сотрудничеству проявлен со стороны каждого сектора. И не просто «нащупаны» направления развития межсекторных взаимодействий, но уже существуют практические примеры сотрудничества и партнёрства. Более того, заложены основы построения теории межсекторного социального партнерства (МСП): принципы, модели, механизмы, пространство и поля и др.

Теория МСП пребывает в начале своего развития, каждый из секторов

находится в состоянии перманентной динамической трансформации. Можно ожидать, что развитие теории МСП пойдёт по двум направлениям: более глубокое изучение отдельных полей и дальнейшее развитие базисной концепции на основе обобщения практического опыта создания и продвижения механизмов МСП.

Регион есть социокультурная общность, организованная в соответствии с конституционно-правовым статусом региона и предоставляющая его жителям условия для их деятельности в русле региональных и общероссийских социальных институтов. Для выявления социокультурной специфики российских регионов важно обращение к вопросам, выходящим в сферу понимания самоценности региона для самих его жителей. Так, к примеру, для жителей краевого центра, города Хабаровска, это ориентация на поддержание природной и культурно-экологической уникальности города, на последовательное осуществление программы культурного развития областного центра; осознание необходимости создания в городской среде некоторого инновационного пространства; признание важности сохранения и развития человеческого потенциала города; наконец, понимание значения развития технологической, коммуникационной и социально-организационной инфраструктур в осуществлении региональной социальной и культурной политики.

Для жителей Хабаровского края, проживающих в сельской местности, акценты будут несколько иными. Как показывают результаты социологического исследования, для жителей сёл на первый план выходит проблема занятости, трудоустройства, проблема востребо-

ванности потенциала личности, её профессиональных качеств. В ряде районов края, особенно северных территориях, сегодня фиксируется снижение темпов промышленного производства и уменьшение потенциала рынка труда.

Примечательно при этом, что население северных и сельских районов, оставшееся в значительной степени без работы и, соответственно, практически без средств к существованию, тем не менее, продолжает «несмотря ни на что, надеяться на лучшее». Среди ценностных приоритетов, выделяемых населением этих территорий, на первый план выходят ценности семьи, здоровья, материального благополучия и уверенности в завтрашнем дне. В отношении данных районов края необходимо усиленное внимание к воплощению в жизнь соответствующих экономических программ, создание новых производств, поддерживаемых государственными инвестициями, создающих новые рабочие места и задающих действительную перспективу социально-экономическому развитию сельских районов.

Следует увязать воедино программы социально-экономического и культурного развития отдельно взятого региона, инновационные проекты преобразования этого региона с особенностями образа жизни его населения, он нацелен на выявление, а затем на преодоление и на разрешение «нестыковок» различного характера, на выработку соответствующей социокультурной политики.

Одной из таких нестыковок является несбалансированность социальных функций регионов. Им выделяются в соответствии с антропосоциетальным (социокультурным) подходом четыре ключевые функции регионов: жизнеобеспечивающая, духовно-интегрирующая,

статусно-дифференцирующая и властно-регулирующая. Обозначенные функции в своей совокупности воспроизводят социокультурное содержание территориальной общности.

В рамках составления социокультурного портрета Хабаровского края, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на позитивных тенденциях, способствующих повышению его имиджевой и инвестиционной привлекательности, а также проявить проблемные точки, препятствующие развитию региона. Так, анализ статистических материалов демонстрирует бесспорное нарастание социально-культурного потенциала в крае. Обозначим в связи с этим некоторые моменты. Край обладает развитым научно-образовательным комплексом, располагающим довольно прочными историческими традициями, а также многопрофильностью и кадрами. Данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют о том, что в Хабаровском крае наблюдается устойчивый рост промышленного производства, денежных доходов населения, грузоперевозок, объёма розничной торговли, количества зарегистрированных предприятий. Уровень общей и зарегистрированной безработицы в крае ниже средних показателей по стране.

В последние годы наметился перелом тенденции снижения посещения театров, музеев, библиотек. Нарастают темпы строительства спортивных сооружений — стадионов, спортивных залов, плавательных бассейнов, различных спортивных сооружений. Специалисты отмечают наличие в крае значительного культурно-исторического и культурно-экологического потенциала, который может быть проявлен в раз-

витии туристско-рекреационной сферы экономики региона.

Помимо того, в культурной жизни населения края следует отметить укрепление православной традиции: неуклонно возрастает количество храмов русской православной церкви, а также количество прихожан.

Обозначим также некоторые проблемные точки, затрудняющие эволюцию социокультурной жизни региона. В первую очередь, это монофункциональность большей части населённых пунктов края. Исследование проблем занятости населения, выявили нарастание напряжения рынка труда в северных и сельских районах. Потенциал же самозанятости населения в данных территориях обнаруживает тенденцию к самоисчерпанию. Научно-исследовательская деятельность испытывает недофинансирование. Наконец, следует отметить довольно сложную экологическую об-

становку в регионе и недостаточное использование культурно-исторического потенциала области в целях развития рекреативной политики.

Таким образом, сегодня в условиях серьёзных социально-экономических преобразований российского общества вполне правомерна постановка вопроса о необходимости выявления законов и тенденций естественного развития социально-культурных целостностей, каковыми являются регионы России и, в частности, наш Хабаровский край, а также выработки соответствующих стратегий поддержки функционирования и развития этих целостностей, усиления их социокультурного потенциала. Только при выполнении данных условий можно вести речь о действительных перспективах развития социокультурного потенциала в регионах России, одним из которых является Хабаровский край.

Скоринов Сергей Нестерович,
ректор Хабаровского государственного
института искусств и культуры,
доктор культурологии,
кандидат исторических наук, доцент

Мифотворчество как основа художественной деятельности

В настоящей статье высказывается не всеми учёными разделяемая идея о мифотворческой основе художественного творчества. Показано, что миф — исторически изменчивый феномен культуры, является благодотворной почвой для художественной профессиональной и любительской деятельности.

В настоящее время культура России переживает период сложных трансформаций. В эпоху перемен возрастает роль мифотворчества — двуединого креативного процесса производства и модернизации мифов. Являясь продуктом деятельности как мифологического сознания — некоего структурно иерархизированного, архетипического фонда или матрицы мифологем, так и мифологического мышления — механизма их функционирования, мифотворчество отличается от других явлений культуры своей инновационной сущностью.

В результате мифотворческой деятельности, использующей лишь часть знаково-символического и образного потенциала мифосознания, образуются новые мифы или иные варианты ранее бытовавших мифопредставлений. Впоследствии они в качестве фрагментов объединяются в целостную, но в то же вре-

мя мозаичную или калейдоскопическую по своему характеру структуру той или иной этносоциальной мифологии. Мифотворчество как процесс личностного и коллективного образно-символического обновления миропредставлений обладает значительными синэргетическими возможностями: оно способно не только сохранить и транслировать традицию, но и преобразовать существующий мир.

Признавая историческую изменчивость мифа, его ярко выраженную антропологическую сущность, мы тем самым раскрываем новые исследовательские перспективы, позволяющие нам осмыслить художественный процесс как один из способов общественной и личностной мифопроекции, как средство воспроизводства, репрезентации, трансляции и трансформации этнических мифологических смыслов и символов, адаптации их к новым условиям поликультурного бытования.

В научной литературе проблема смыслового соотношения понятий «мифическое» и «художественное» практически не разработана. Тем не менее, постановка этого вопроса особенно важна как при исследовании художественного творчества, так и осуществления художественно-эстетического образования. Для достижения этой цели воспользуемся методом самопогружения в мифическое бытие и взглянем на искусство как на некую особым образом проявленную мифическую реальность.

Общей синкретой мифологического и художественного творчества является символ как особая форма выражения действительности. Только в символе, в отличие от других форм выражения, например, знака, образа, схемы, аллегории, реализуется гармоническое «равновесие» внутреннего и внешнего, идеи и формы, идеального и реального.

Такие научные категории как знак, образ, символ, соотносятся между собой

по принципу изоморфизма. Знаком принято считать какой-либо материальный объект, являющийся в информационном процессе аналогом другого природного или культурного объекта (предмета, свойства, явления, понятия, действия). Как правило, совокупность чаще всего однотипных знаков, объединяются в знаковые системы, к числу которых относятся как естественные, так и искусственно созданные языки [2; 8].

Мысль Г.В.Ф. Гегеля о том, что образ «являет нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную её действительность», стала аксиомой понимания этого термина в современной философии и психологии [3]. В каком-то смысле образ как носитель информации и генератор значения есть не что иное, как знак. Но в отличие от него он представляет собой некую целостность, состоящую из формальной стороны — чувственно воспринимаемой «оболочки» — изобразительной или иконической, и содержания — идеи и эмоции [3]. Следовательно, образ — это знак-изображение.

Знак и образ — это два первичных культурустроительных элемента, способствующих материализации (фиксации, репродукции, трансляции) информации о человеке и его бытии в мире природы, обеспечению коммуникации, сотворению проектов культурного устройства места обитания и достижения этносоциальной солидарности. При этом образ в силу наглядности, повышенной эмоциональности, импульсивности, инверсионности и прочих обладающих сильными воздействующими непосредственно на поведение человека и его общество качествами является одним из основных конструкторов как мифологической, так и художественной символики, операционным материалом мифологического и художественного сознания и мышления, основным средством художественно-эстетического образования.

Символ в отличие от знака и образа полисемантичен. Знак преобразуется в символ в результате накопления у него объёма иных отвлечённых значений, приводящий по причине их большей актуальности для конкретного коммуникационного события к частичному или полному замещению исходного (парадигмального) смысла только что образованным. В этих условиях постоянно расширяющегося семантического поля своего употребления знак, потеряв свою былую однозначность, неизбежно становится символом [6, с. 62—96].

Образ же превращается в символ посредством его подзарядки эмоциями, предающими ему психическую энергию, особую трепетность, динамизм, а самое главное, значимость [10]. Кроме этого необходимо отметить, что символ характеризуется не только своей многозначностью, но и более сложными механизмами функционирования, обусловленной его индивидуальной и коллективной интерпретацией как на уровнях репродукции и трансляции, так и эмоционально-экспрессивного восприятия. Ведь он, как и знак, и образ, частица жизни не только человека, но и его социума.

«Естественные» символы в отличие от привнесённых культурой возникают из бессознательного содержания психики и представляют собой бесчисленные вариации основных архетипических образов. Однако, пройдя через множество превращений и длительный процесс сознательной культурной рекомбинации и адаптации к условиям жизни человека, они стали коллективными образами, принятыми в социуме [10]. На наш взгляд, именно эти культивированные символы и следует называть мифосимволами.

Мифологические символы, став частью как общечеловеческой, так и конкретной этнокультуры, сохраняют значительный заряд своей первоначальной архетипической сущности. При этом

следует признать, что и «естественные» символы и производные из них символы культуры способны выражать такие представления, для которых ещё не существует точных определений [9, с. 44]. По всей видимости, функция мифосимвола — осмыслить и означить единичное, случайное и уникальное явление или событие, дать человеку программу ориентирования, прежде всего, в мире случайного. Ведь любое исключение из упорядоченности обычных явлений и событий для человека полно значений. Он группирует и возводит в ранг символа эти исключения, наделяет их повышенным смыслом. Они для него нечто «значат», а «значить» — это быть одновременно и самим собою (деревом, птицей, змеей и т. п.) и чем-то совсем другим, знаменем какой-то беды или блага [1]. Примечательно, что точкой отсчёта в этом символическом обживании пространственного и временного локуса стал не «мир», как это принято в современной науке, а сам человек, его программа действий, что и обусловило существование в архаические времена символического антропоморфизма, ставшего основой мифологического мышления.

Следуя логике вышесказанного, отметим универсальный характер мифа, вбирающего в себя не только весь смысловой континуум человеческого, но и космического бытия. Он выступает своеобразным медиатором между пространствами и временами, этносами и их культурами. Благодаря мифу макро- и микрокосм (природа и человек) оказываются изоморфными друг другу, и в древние времена человеческое тело или тело его сакрального предка — тотема выступают в роли идеальной модели конструирования всевозможных пространственно-временных форм: от космического до бытового хронотопа. Следовательно, миф — не просто структура сознания, способ и инструмент познания мира при-

роды, её явлений и основ мироздания, он еще и некий образец — модель, по подобию которой сотворяются эмпирическая, трансцендентная, художественная и другие реальности. Гениальным продуктом этого коллективного и индивидуального творения является и художественная культура, генетически несущая в себе мифологические черты и своеобразие.

Мифосимвол и художественный символ по отдельности образуют самостоятельные и самостоятельные действительности. Но при этом необходимо подчеркнуть, что они по отношению друг к другу гомологичны, но не тождественны. По терминологии Л.Г. Ионина и Ф. Тенбрука, между ними — «бесшовное соединение». Принципиальным отличием мифосимвола от художественного символа является то, что он не играет роль знака чего-то другого, заместителя или представителя чего-то другого. Он одновременно и обозначает самого себя и другого, то есть выступает в форме и обозначающего, и обозначаемого. В нём слиты в единое гармоничное целое идея, вещь и дело. Только этим можно объяснить наличие в мифе мощной энергетической силы, обеспечивающей его творческий потенциал, способность к различным изменениям.

По всей видимости, художественный символ производён от мифологического. В процессе художественного творчества мифосимвол выступает в качестве первоэлемента — мифологемы, одновременно синтезирующего в себе реалии двух планов: этносоциальной и ментальной действительности. Наполнение художественным смыслом мифосимвола, то есть целенаправленное придание ему в результате интерпретации некой отрешённости от первосмыслов способствует преобразованию его в художественный символ, осознаваемый человеком как результат искусственного творения воображения. Очевидно, механизм преобразования мифосимвола в религиоз-

ный, идеологический символ и научное понятие по форме своей идентичен художественному творчеству. В основе их, как и в искусстве, лежит процесс интерпретационной трансформации мифосимвола в иную знаково-символическую реальность: трансцендентную, идеологическую, научную и другие.

Подчеркнём, что мифосимвол в отличие от производного от него религиозного, художественного, идеологического и прочего символа сотворяется за пределами эмпирической реальности: он не придумывается с помощью разума, а производится в нас подсознанием спонтанно, как бы сам по себе мыслится. В этом смысле он и есть отражение внеэмпирической реальности, микрообраз, снятый нашим подсознанием с наших же психических и соматических структур. Но будучи созданным вне эмпирического мира символ всё-таки функционирует именно в нём и уже только по этой причине требует для себя рационалистического истолкования. Ведь нераспакованный, то есть не переведённый в знаковую систему понятий символ представляет собой, особенно в современное время, нечто абсурдное, лишённое какого-либо смысла. При этом любая расшифровка символа не раскрывает всю полноту его значений, так как понятие (знак) извлекает из символа лишь точечные смыслы. Символ понимается не умом, а сердцем, и в отличие от знака он не осознаётся, а переживается.

Следовательно, миф и художественная культура, миф и искусство относятся друг к другу, как относились бы друг к другу интуитивная рефлексия человека по поводу окружающего его мира и экспрессия по отношению к этой же самой рефлексии. Иначе говоря, всё, что связано с художественным творчеством, может нами восприниматься как мир двойного, а возможно, и тройного и тому подобного в числовом выражении сим-

волического кодирования, то есть мир некой переносной символической экспрессии. Таким образом, художественное творчество — это особый вид символической трансдукции мифореальности в мир художественного изображения, то есть — это некий процесс трансформационного переноса символического смысла из мифа в изобразительную форму выражения, приводящий к появлению на содержательном и формальном уровнях новых символических качеств: особого художественного хронотопа. Другими словами — это процесс художественной символизации мифомира.

В отличие от некой частичной спонтанности и безымянности мифологического творчества художественное творчество носит во многом авторский характер. В результате художественного творчества создаются художественные произведения — специфическая культурная форма [7], завершённые художественные системы, настоящие символические миры, способные оторвавшись от своего творца жить самостоятельной жизнью. Таким образом, художественная культура — это такая форма культуры, которая образуется в результате экспрессивной интерпретации мифомира и его выражения в особой системе вербального и невербального изображения для реализации социально значимых функций: коммуникации, образования, эстетизации, гедонизации жизни и других.

При этом необходимо подчеркнуть, что при всей дифференциации сознания и форм культуры, особенно в современном художественном творчестве, процесс символизации не имеет столь строгих регламентирующих канонов образования как в религии, науке, идеологии и т.д. Поэтому художественный символ, как ни какой другой, склонен к симбиозу разных смыслов, парадоксальному совмещению в себе разных значений, содержащихся

в мифологических, религиозных, идеологических, художественных символах и даже научных знаках. Отсюда его многозначность и многообразность, дающая простор для различных мифологических, религиозных, художественных, идеологических и научных интерпретаций [6, с. 62—96].

К сказанному выше необходимо также добавить, что новообразованным религиозным, художественным символам, как и научным понятиям свойственно порождать новые мифореалии: знаки, образы и их символы. Диалектика преобразования мифосимвола в религиозный, художественный и иной символ и научное понятие, а затем и наоборот, определяется особенностями этнопсихологии восприятия и отражения человеком окружающего мира.

Миф — фундамент и плодородная почва художественного мирозерцания. Миф, как мы его понимаем, личностен, историчен, словесен, чудесен, а художественное произведение, само по себе, как вещь, вне человека (правда, возможно ли такое?), как раз наоборот, внелично, вне-исторично, формально и не-чудесно.

Примеров отношения к искусству как ненужному, неценному предмету в истории человечества имеется немало. Достаточно вспомнить племена вандалов, варварски разрушивших в своё время великие памятники античной цивилизации; различных религиозных миссионеров, неистово истреблявших ненавистную им языческую культуру; бунтарский взрыв народных масс, во время которого бессмысленно уничтожались чуждые их духу художественные шедевры, а постоянный межпоколенный идейный конфликт отцов и детей, в жертву которого приносилось и до сих пор приносится культурное наследие минувших эпох и многое, многое другое. Да и то искусство, которое принято называть аборигенным,

давно ли стало ценным для так называемых цивилизованных народов? Поэтому, если и говорить об удивительности произведения искусства, то только потому, что оно само стало личностно значимым и поэтому историческим, словесно интерпретированным и вследствие этого чудесным. Иначе говоря, само художественное произведение суть миф. И художник, являясь не чем иным, как личностью, есть миф.

В чём же ещё различны между собой миф и искусство? Различны миф и художественное произведение по типу своей отрешённости от действительности. Миф не есть поэтическое и, если шире, художественное произведение в силу того, как справедливо говорил философ А.Ф. Лосев, что миф обладает особой «отрешённостью», отрешённостью от смысла, идеи повседневной жизни, но не от её факта. Поэтому мифическая действительность «есть реальная, вещественная, ...телесная, даже чувственная действительность, в отличие от поэтической или художественной отрешённости — отрешённости, прежде всего, от факта обыденной жизни, и поэтому художественная действительность «есть созерцаемая», или искусственная действительность. Дополнительно заметим, что миф при всей своей чудесности, а возможно, как раз и благодаря ей, всегда реален, он проживается, а произведение воспринимается зрителем ирреально, оно созерцается [5].

Но можно ли лишит миф поэтичности? Конечно же нет. Миф поэтичен настолько, насколько поэтичны природа, человек и сотворённая им культура. В каком-то смысле именно это предполагал немецкий философ Ф. Шлегель, утверждая, что «мифология — это поэма природы. В неё искусно вплетены самые высокие идеалы; всё в ней — взаимосвязь и трансформация, всё соединено и превращается друг в друга, и эта связь

и превращение составляют её неповторимый смысл, её внутреннюю жизнь, её метод».

Следовательно, говоря о мифе как о реальности, необходимо заметить, что эта реальность особого мифического рода. Но всё-таки из-за этого ни у кого не может возникнуть хоть малая доля сомнения в её истинности и действительности. Поэтому миф — это реальность, хотя и мифическая, но подлинно истинная, подлинно вещественная и в то же время в той или иной мере поэтическая, эмоционально-чувственная.

Творится ли миф? На наш взгляд, мифологическое и художественное творчество естественные и изначально данные человеку феномены. Мифы творятся индивидуально и коллективно, но во всём этом присутствует личностный фактор. Ведь личность и её историческое бытие и есть миф, и только они мифотворяют и мифотворимы. Отрицая факт сверхъестественного, всё-таки, на наш взгляд, необходимо признать наличие в самых потаённых для нас механизмах и процессах мифотворения космического источника — архетипа, кода, ключ к расшифровке которого, к сожалению, человечеством либо некогда был утрачен, либо до сих пор не подобран. Миф — явление космическое и в силу этого (возможно, и не только для сегодняшнего дня) — трансцендентное.

Творение мифа всегда связано с особым мироощущением возрождения: с первоначальным периодом космообразования. Процесс со-творения произведения подобен мифотворению: всё приходит в смятение — хаос, и вдруг искра вдохновения (что это — откровение, пророчество, интуиция, божественное или сверхчувственное видение?) охватывает художника и способствует рождению шедевра — особого художественного мира — микрокосма в макрокосме вселенной.

Итак, предлагается под мифотворчеством понимать процесс личностного развертывания магического имени во времени и пространстве, то есть некую мифическую рефлексию личности по поводу себя, окружающего мира и других личностей, или, другими словами говоря, личностное самоосознание своего «Я-Мы» во времени и пространстве.

Искусство же в таком случае — это экспрессивная рефлексия на миф, а художественное творчество — это процесс символизации мифомира.

На наш взгляд, личное общение с произведением искусства всегда мифологично, потому что оно всегда личностно переживаемо. По сути своей, произведение личностно непрочувствованное не является ценностно значимым для человека. В этом случае его можно назвать бесполезной вещью. Искусство же только тогда искусство, когда оно личностно со-пережито. Для этого самого сопереживания человек располагает определенным, назовём его, мифологическим инструментарием. Так, у каждого из нас своя мифология пространства, времени, зрения, слуха, жестов, мимики, движения и т.п. Таким особым мифоинструментарием, впрочем, обладает и аборигенное искусство.

Традиционное искусство, в том числе и коренных малочисленных народов Амура и Сахалина, по сути своей искусством как таковым и не является. Но причина здесь в ином. Дело в том, что традиционное искусство — культурное явление другого порядка, где себя ярко и полно проявляет как раз тот самый синтез мифического, религиозного и художественного, при котором данные составляющие его компоненты едва лишь различимы, границы между ними не точны и расплывчатые. Правильнее было бы говорить не об искусстве, а особом народном духотворчестве. Судите сами. Ритуал — это не светский церемониал, а таинство обще-

ния с сакральными мирами. Родовые реликвии — это не предметы декоративно-прикладного искусства, каковыми они представлены в современных музеях и многочисленных вузовских и школьных учебниках, а нечто священное и чудесное, важнейшие атрибуты магических ритуалов и обрядов. Фольклорное пение имело особую знаковую функцию: ведь «песня служит способом маркировать чей-то голос, передать прямую речь определённого персонажа». А рассказывание, пение, исполнение танцев, различные изображения на предметах понимались как магическое средство задобрить и умилистить божеств и духов, которые в ответ за услугу должны были ниспослать людям благополучие, удачу на охоте и рыбалке.

Примечательно, что даже в амурсахалинском шаманизме в силу его интерпретационной природы, ограничивающей догматизацию мифоструктуры, миф продолжал выполнять свою главную космообразующую функцию, проецируя идеи, образы, сюжеты, символы на свойственную только шаманизму ритуально-магическую и художественную деятельность.

Поэтому традиционное аборигенное искусство как никакое искусство иных времён, лишь внешне проявив себя в предметах культа, продолжало оставаться явлением по сути своей мифологическим.

Орнамент для аборигенов — это своеобразный мифохудожественный мир, в котором условным языком выражены их мысли, мечты, идеи о гармонии природы и человека. Художники не копировали окружающую действительность — они отражали в узоре то основное, что определяло смысл их бытия: реальное и ирреальное, родовое и личное, утилитарное и духовное, сопряжённое в диалектическом единстве знаков и символов. Орнамент изначально представляется явлением сакрально-ритуального значе-

ния. Подобно обряду, он символизирует и воспроизводит графическими средствами сакральный акт творения, тем самым дополняя и усиливая символический эффект магического действия. Таким образом, орнамент является важной составляющей обрядовой культуры, маркером его этнородовой принадлежности. Этим объясняются его основные художественные параметры — каноничность, стилизация, линейность, геометризм, графический и пространственный символизм и т.д.

Орнамент, материализуясь в различных предметах, оживотворял их своей сопричастностью к божественной истории вселенной и рода, и тем самым преобразовывал профанную вещь и окружающее её пространство в нечто сакрально осмысленное и необходимое. Не случайно все ритуальные атрибуты богато орнаментированы, а народные мастера и мастерицы во все века пользовались за свой «богом данный» талант большим уважением и почитанием среди единокровцев. Именно им поручали исполнить особо сокровенные ритуальные принадлежности. Умение и навыки рукоделия ценились у девушки — невесты, потому что её искусство не только эстетически облагораживало жилище, но и освящало его благорасположением всевозможных духов-покровителей, а магия орнамента, бережно передаваемого из поколения в поколение — от одной мастерицы к другой, охраняла от злых козней демонического сил.

Такое понимание роли художника соответствует народной мифотрадиции, так как мастер-творец — персона сакральная, облечённая духовной властью оживать всё неживое и неподвижное, именно он способен через различные материалы-посредники и при помощи магии своего таланта общаться с духами и божествами.

В современном народном искусстве коренных малочисленных этносов Амура

и Сахалина разными языковыми средствами сопрягаются в единое целое мифосмыслы прошлого, настоящего и будущего. Чудодейственная сила искусства посвящает всё новых и новых одарённых божественным талантом людей к таинству творения, тем самым, продолжая этот вечный круговорот развёртывания во времени и пространстве магического имени. Мифологическое и художественное творение нескончаемо, потому что миф и искусство есть вечно сообщающиеся сосуды, которые невозможно опорожнить и наполнить. Художественное мифотворение продолжается...

Символическим образом закодированный в продуктах художественного творчества миф не только проживает своё время актуального бытования в идеосфере этноса, но и, подвергаясь различной социокультурной интерпретации вплоть до своей музеефикации в качестве памятника духовной культуры, проникает в другие этнокультурные хронотопы. Именно благодаря особой энергетической силе мифа произведения фольклорного творчества и искусства способны вызывать у человека различных эпох определённый круг мыслительных и чувственных ассоциаций, воскрешать в своём сознании потаённые коды архетипов и мифологем, стимулировать, таким образом, дальнейшее этническое мифотворчество.

Современный фольклор коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина — уникальное явление. В нём особым образом интегрируются мифо-религиозные представления и народный быт, представленный различными сторонами жизни: от обычаев и обрядов до искусных поделок народных мастеров. В отличие от патриархально-родового общества в современной социокультурной деятельности человека важную роль играет индивидуально-личностная форма мифотворчества.

По мнению Е.Д. Бляхера, признав за

индивидом способность к образованию собственных мифологических смыслов и символов, в какой-то мере даже не зависящих от мифосмысловой доминанты этносоциума, следует также отметить присущую данной парадигме мифотворчества изначально сильнейшую трагическую окрашенность. Ведь затеявая интриги с миром мифосмыслов, индивид упорно ищет возможности превратить не свой мир в мир свой, приходя в экзистенциальное отчаяние от неосуществимости этой идеи. В целях снятия возникающего мыслительного противоречия у него возникает насущная потребность обратиться к художественному творчеству, искусству как мощнейшей мифогенной области. В ней он и даже в целом всё общество стремится обрести ту сферу личностного мифотворения, которая может оказаться способной преобразовать органически присущий избранной парадигме трагизм в жизнеутверждающую радость причастности к активному творческому процессу и к насыщению Бытия собственными мифосмыслами [1]. Заметим, что для коренных этносов Севера данный путь развития мифотворческого процесса в условиях их современного бытования в российском поликультурном пространстве стал самым продуктивным.

Но не всегда на этом пути можно преодолеть ощущение трагизма. Дело в том, что сам современный процесс создания произведения искусства с присущим ему языком, насыщенным сложнейшими специальными символами, как известно, не является в отличие от фольклорного произведения общенародным делом. Он доступен лишь обладающей профессиональными познаниями элите — определённому меньшинству современников, имевших возможность и желание погрузиться в особый художественный мир, освоить его систему видения и выражения. Возникает острейшее противоречие: горячо желательная и высоко ценимая

оригинальность творчества становится препятствием для осуществления всеобщего этночувствия, поскольку массы, которым эта сложнейшая символика недоступна, не могут слиться с национальной элитой в едином порыве творения нового этнокосма. Либо наоборот: вынужденная опускаться до уровня эстетического восприятия непрофессиональной массы, элита не может этого вынести и превращается в гордых и разочарованных одиночек — маргиналов, лишая сторонников идеи национального возрождения наиболее творчески активных адептов. Отмеченные нами особенности художественного мифотворчества характерны и для амуро-сахалинского аборигенного профессионального искусства и в частности для поведенческого регулятива и самих национальных деятелей искусств, и их сородичей по отношению к личности художника и его произведениям.

Как известно, индивидуально-личностная парадигма мифотворчества культуры тунгусо-маньчжуров и нивхов юга Дальнего Востока России находит своё яркое выражение в профессиональной художественной деятельности отдельных представителей национальной интеллигенции. Новым явлением в развитии их культур и становлении художественной интеллигенции стало появление письменности. Датой рождения младописьменных культур в России принято считать декабрь 1932 года — с момента официального утверждения для большей части языков народов Севера алфавитов. В конце 1936 — начале 1937 года был осуществлён перевод письменности коренных народов Севера, в том числе и амуро-сахалинских народов, с латинской на русскую графическую основу. На начальном периоде возникновения письменности на родном языке сыграло большую роль в зарождении у коренных народов Амура и Сахалина литературного творчества.

Именно персонифицированные мифы, претворённые при помощи средств художественной выразительности в творчестве национальных писателей, живописцев, графиков, народных поэтов, умельцев декоративно-прикладного искусства и организаторов празднично-ритуальной деятельности становятся основой новой общественно значимой аборигенной мифоидеологии, предметом реализующейся национальной образовательной и культурно-просветительской программы.

Подводя итог сказанному, хотелось бы сделать следующие выводы. В настоящей статье высказывается идея о мифотворческой основе художественного творчества как в традиционных, так и современных социумах. Показано, что миф — исторически изменчивое явление культуры, и что он является благотворной почвой для художественной профессиональной и любительской деятельности.

Во-вторых, процесс перехода от коллективных форм мифотворения к индивидуальным, в основном совершённый человечеством в эпоху Ренессанса, произвёл революцию в его мировоззрении, способствовал рождению искусства как самостоятельного феномена художественной деятельности и культуры в целом, породив тем самым новый вид индивидуального — художественного по своему характеру — мифотворения.

Используемый подход предоставляет возможность сформулировать по отноше-

нию к коренным малочисленным народам Севера авторскую концепцию саморазвития их этнокультур, рассматривающую миф и мифотворчество в силу их имманентной антропологической сущности в качестве средства самовоспроизводства этнической культуры при условии реализации особых технологий репродуктивного характера, к которым следует отнести функционирующие современные мифогенные формы этнокультуры — праздники, обряды, региональный компонент образования, национальное самодетальное художественное творчество и искусство.

И, в-третьих, признав художественную деятельность одной из форм мифотворческого процесса необходимо сделать и следующий шаг — признать и художественно-эстетическое образование, то есть совместное сопереживание учителем и учеником художественного произведения, постижение механизмов его творения не чем иным, как особым мифотворчеством, в результате которого каждый раз вновь и вновь создается ощущение художественного пространства, времени и своего «Я-Мы» в этом пространстве и времени. Из Хаоса незнания рождается Космос художественного знания, устанавливается неразрывность формы и содержания, идеи и образа, раскрывается вся архитектоника произведения, его символическая система, включающая в себя глубинные архетипические смыслы.

Список использованных источников

1. Бляхер, Е. Д. Мировое древо и мифологическая картина мира. Три лекции по спецкурсу «Мифология народов Приамурья и общая теория мифосимвола» / Е. Д. Бляхер. — Хабаровск, 1996. — 34 с.
2. Ерасов, Б. С. Значение / Б. С. Ерасов // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. — С. 129—132.
3. Забияко, А. П. Образ / А. П. Забияко // Культурология. XX век. Словарь. — СПб., 1997. — С. 322, 323.
4. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. — М., 1996. — 280 с.
5. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. — М., 1990. — С. 393—599.
6. Скоринов, С. Н. Мифологическая культура тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина XIX — XX вв. / С. Н. Скоринов. — М.; Хабаровск: Московский государственный университет культуры и искусств — Хабаровский государственный педагогический университет (ХГПУ), 2004. — 380 с.
7. Флиер, А. Я. Форма культурная / А. Я. Флиер // Культурология. XX век. Словарь. — СПб., 1997. — С. 499—502.
8. Шейкин, А. Г. Знак. Знаковая система / А. Г. Шейкин // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. — С. 124—128.
9. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. — М., 1994. — 331 с.
10. Юнг, К. Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг, Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. — М, 2002. — 304 с.

Иванова Ольга Николаевна,
начальник архивного отдела
администрации Амурского
муниципального района

История развития культуры в Амурском районе (1963—2008 годы)

В 2008 году Амурский район отметил 45-летие с момента образования. К юбилейной дате в местной газете была опубликована подготовленная на основе архивных документов статья, в которой рассматривается история развития культурных учреждений Амурского района с 1963 года.

Автор подробно освещает культурно-просветительскую работу, привлечение общественности к участию в становлении культурной жизни города, повествует о людях, внесших своими трудами немалый вклад в развитие и сохранение культуры Амурского района.

В преддверии празднования 45-летия образования Амурского района хотелось бы провести экскурс в историю развития культуры, образования, здравоохранения, строительства в Амурском районе, обратившись к архивным документам, которые являются свидетелями прошлого нашего района.

Сегодня проследим, как развивалась сеть культурных учреждений Амурского района с 1963 года.

Благосостояние культуры является показателем благосостояния общества. Именно через культурно-просветительские мероприятия идёт процесс воспитания молодого поколения страны. Очень часто приходится слышать, что в школах не осталось настоящих педагогов, что не работают учреждения досуга, что детей воспитывает улица. Конечно, это не так. Культура как структура претерпевала преобразования, но всегда была в жизни тех, кто «болел» ею, для кого материальное благо не затмевало духовное. образо-

вание Амурского отдела культуры прошло ряд этапов, но на каждом из них чувствовался дух эпохи. Рассмотрим их подробнее.

Просматривая архивные документы, можно отметить, что практически отсутствует обсуждение вопросов о деятельности культурных учреждений среди рассматриваемых на заседаниях исполкомов и сессий с 1958 по 1962 годы. Это и понятно, в строящемся новом посёлке, осваивая, прорубая тайгу, для первостроителей приоритетными вопросами были ход строительства, благоустройства, а также торговля, питание и жильё.

И уже в 1963 году с образованием исполнительного комитета Амурского промышленного районного Совета депутатов трудящихся на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 года № 5 и решения Хабаровского крайисполкома от 14 февраля 1963 года № 87 были созданы отделы, которые вели работу по своим направлениям, в том числе и отдел культуры, который охватывал сеть культурных учреждений 6 поселковых Советов — Амурский, Литовский, Эльбанский, Хунгаринский, Болоньский, Иннокентьевский и 10 сельских Советов — Селехинский, Хурмулинский, Эворонский, Хурбинский, Падалинский, Чепаевский, Нижне-Тамбовский, Джонкинский, Анюйский, Верхне-Маноминский.

Но уже с января 1965 года сеть культуры изменилась, т.к. вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 года «Об изменении административно-территориального деления Хабаровского края» и в Амурский район вошли 4 поселковых Совета — это Амурский, Болоньский, Литовский, Эльбанский и 5 сельских — Вознесенский, Голубиченский (с 28

октября 1971 года упразднён, образован — Санболинский), Джуенский, Омнинский и Падалинский. В 1974 году упразднён Амурский поссовет, а в 1977 году присоединился Ачанский сельский Совет. В таком составе Амурский район находится до сегодняшнего дня. Изменения границ района влияло на сеть культурных учреждений — их количество.

С момента образования районного отдела культуры перед ним стояла задача — создать сеть учреждений культуры. Руководство района подчёркивало, что «очаги культуры — клубы и библиотеки, художественная самодеятельность и кино — занимают важное место в коммунистическом воспитании трудящихся».

С 1963 год пос. Амурск является центром Амурского района. В связи с этим районная библиотека, находившаяся в пос. Селихино, переведена в районный центр, о чём было принято решение исполкома от 16 апреля 1964 года.

Из справки зав.отделом культуры В.В. Богданова о развитии сети учреждений культуры Амурского района на 1964 год видно, что «в 1963 году сеть учреждений культуры района имела 10 библиотек, из них 1 районную, 1 детскую, 1 городскую, 7 сельских, музыкальную школу на 50 мест, 23 профсоюзных клуба и 7 библиотек, 4 сельских клуба и 43 киноустановки и 8 профсоюзных. По народнохозяйственному плану в 1964 году предусматривается сохранить ту же сеть учреждений культуры».

Во все времена большое место в культурном развитии населения принадлежало книге. В тех посёлках и сёлах, где не было возможности создать библиотеки, действовали избы-читальни. Например, в протоколах

сессии имеются сведения о выделении в селе Падали помещения для избы-читальни. В Амурском районе были созданы районная, городская и сельские библиотеки, детская библиотека и библиотеки на общественных началах. Например, в поселке Иннокентьевка библиотека была организована на дому, когда книги разносились трудящимся на дом, охватывая книгой как можно больше населения. Но книги до каждой семьи в населённых пунктах не всегда доходили из-за недостаточного количества литературы и большого количества читателей. «Детская библиотека в пос. Амурск, открытая 1 июля 1962 года, имела фонд 3500 томов, читателей на 1 июля 1963 года — 700 школьников. Из-за недостаточного фонда, библиотека не имела возможности производить запись в число читателей большую часть учащихся. Такое же несоответствие населения и фондов в библиотеках наблюдалось в посёлках Иннокентьевка, Джонка, Селихино». Поэтому заведующий отделом культуры А.А. Богданов просил краевое управление культуры выделить деньги на приобретение литературы.

Для того чтобы охватить книгой каждый населённый пункт, каждую семью, создавались специальные передвижки, в том числе специализированные. Работники культуры, библиотекари приходили в цеха и на лесоучастки, «где зачастую люди не успевали сами прочитать газет или послушать радио». К работе по приобщению жителей района к культуре привлекали общественность. Например, библиотекарь пос. Лесной на общественных началах взялась за создание фонотеки классической музыки.

Хочется отметить интересную деталь той эпохи: в библиотеках и клубах

приветствовалось проведение «громких чтоток» по пропаганде решений партии и правительства. Связано это было, скорее всего, с тем, что не хватало литературы, а также по причине малограмотности части населения. Также библиотеки проводили обзоры книг, устные журналы, диспуты, оформляли книжные выставки, монтажи, плакаты. Дефицит книг ушёл в прошлое, а ведь прошло всего 15 лет со времён дефицитов.

Партия и правительство придавали огромное значение благоустройству быта трудящихся и идеологической культурно-воспитательной работе. «Н.С. Хрущёв в своих выступлениях постоянно обращал внимание партийных и советских органов, всех руководителей на усиление заботы о быте, культуре и нуждах трудящихся. Известно, что чем полнее будут удовлетворяться культурные и духовные запросы трудящихся, тем больше будет отдача на производстве, тем активнее будет трудиться человек, когда настроение хорошее, то и дело в руках спорится, растёт производительность труда».

В районе в 1963 году существовала широкая киносеть, которая размещалась в Амурском и Нанайском кустах. Новое молодое поколение даже не представляет, как сейчас можно жить без компьютеров, видеомагнитофонов, DVD, MP3-плееров, а тем более без телевизоров. А ведь в то время телевизоров почти не было, один на 10 квартир, в одной квартире собирались друзья, соседи и смотрели художественные фильмы и другие передачи, которых было очень немного, так как время вещания было ограниченное, только вечером показывал один канал, поэтому и ходили, в основном, смотреть фильмы в клубы, кинотеатры. Но и там не всё в порядке было.

В своём докладе председатель культурно-бытовой комиссии т. Подковыров Н.П. на 2-й сессии Совета депутатов трудящихся от 31 мая 1963 года «О культурно-бытовом обслуживании населения», резко критиковал работу киномехаников, «когда жители ЛЗУ «Северный» уже несколько раз приходили к своему киномеханику подшить сапоги, ибо его кроме «сапожник» никак не называют. Картины показывает плохо, часто рвутся, нередко идут вверх ногами». Также отмечал, что киномеханики и работники клубов должны были строго отбирать репертуар песен и фильмов, исключить из репертуара «слезливые песни, где слезливым голосом поётся, как он её бросил, она его любит, а у него жена и дети, и, дескать, поэтому хоть не живи», старые фильмы, а также «низкопробные заграничные фильмы». Позиция руководства в этом вопросе была однозначной: «Коммунисты, комсомольцы, весь народ ценит то, что полезно для строительства коммунизма — это наше, а то, что не полезно — не наше!» На экранах всё ещё много низкопробных заграничных фильмов, ничему хорошему не учащих трудящихся. Люди справедливо возмущаются, зачем такую дрянь ставить. Песни и фильмы должны звать вперед и вдохновлять трудящихся на новые дела во имя Коммунизма».

На них в действительности и воспитывалось поколение 1960-х, оптимисты, энтузиасты, патриоты, которым мы должны быть благодарны за наш построенный в невероятно трудных условиях красивый город Амурск.

Создавая клубы в населённых пунктах района, ориентировались на то, что «клуб — это прежде всего коллектив людей, объединяющихся для того, чтобы вместе полезно и увлекательно проводить свободное время», но чаще

всего случалось так, что клубное помещение было, а клуба в истинном смысле этого слова не было, поэтому критиковались заведующие клубами, которые свою работу сводили «к показу старых фильмов и танцам под радиолу в субботу». Например, по договору, заключённому между рабочим комитетом Комсомольского ЛПХ и Амурским отделом культуры, леспромхоз обязан был половину субботних и воскресных вечеров предоставлять для демонстрации фильмов. Кроме того, каждая киноустановка представляла отчёт о работе за прошедший месяц, но случались ситуации, когда план не выполнялся. А связано это было с тем, что все субботние и воскресные вечера в клубах были заняты для проведения танцев.

«Программа КПСС придавала большое значение формированию передового научного мировоззрения у всех членов Советского общества в период развёрнутого строительства коммунизма. В борьбе за формирование передового мировоззрения Советских людей на новом этапе развития нашей страны одной из важных задач являлось распространение новых советских традиций.

Для внедрения в быт новых традиций и обрядов должны быть созданы общественные комиссии по гражданским обрядам. Отмечалось, чтобы эти праздничные торжества не копировали друг друга, были разнообразны и в то же время традиционны по форме и содержанию. Можно превратить в большой праздник получение паспорта, первую получку молодого рабочего, начавшего свою трудовую жизнь, проводы в Армию, регистрацию брака и т.д.».

Давая справку для методического кабинета Управления культуры о работе по внедрению гражданских обрядов в быт, Г.П. Гусева писала: «При каждом сельсовете и поссовете были созданы

общественные комиссии по гражданским обрядам. Всего таких комиссий было 15. Они проводили работу по внедрению в быт советских людей безрелигиозных праздников и гражданских обрядов. Сценарии для праздников брали из методической разработки Д.И. Сидорова «Социалистическое переустройство быта и борьба за новые традиции». Наиболее удавшимися мероприятиями были массовые гулянья, торжественные вечера «День первой зарплаты» и «Вечер трудовой славы». А вот опыт проведения комсомольских свадеб был неудачным».

Как показывает время, многие праздники той эпохи традициями не стали. После перестройки стали возрождаться религиозные традиции и обряды: венчание, крещение, Рождество, святки и другие.

Еще одно долгожданное событие этого года — 27 августа был сдан в эксплуатацию широкоэкранный кинотеатр на 400 мест, открытие которого должно было удовлетворить потребность жителей посёлка Амурск и района в просмотре кинокартин.

Многие клубы стали центрами культурно-массовой работы. В области культуры получило широкое развитие «общественное начало», то есть работа клубов и библиотек строилась на энтузиастах и активистах. Регулярно работало около 50 коллективов художественной самодеятельности, ставились пьесы. На общественных началах в районе работали 37 клубных и библиотечных советов, 75 передвижек. Почти в каждом клубе работали кружки под руководством активистов-общественников. На общественных началах были открыты заочные курсы баянистов при музыкальной школе, создавалась киностудия. В посёлке Литовко создавался университет куль-

туры. В посёлке Амурск продолжал работать университет здоровья и родительский университет. В тоже время нехватка специалистов сказывалась на культурно-просветительской работе.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1973 г. «О преобразовании рабочего посёлка Амурска Амурского района Хабаровского края в город краевого подчинения» посёлок Амурск стал называться городом с 1 января 1974 года, а районный отдел культуры — городским отделом культуры.

В то время клубы и библиотеки района, развёртывая социалистические соревнования, добились определённого подъёма в массово-политической и культурно-просветительской работе среди населения. Проводились тематические вечера и устные журналы, лекции и беседы, театрализованные праздники, концерты, в летний период организовывались выступления выездных концертных бригад. Работники культуры боролись за звание «Библиотека отличной работы», «Клуб отличной работы», «Лучшая библиотека района».

Библиотеки и клубы выступали источниками информации и пропаганды, в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР и местные советы депутатов. Во всех клубных учреждениях оформляли «Уголки избирателей», где вывешивали «Положения о выборах», «Ход выполнения социалистических обязательств», стенды «Лучшие люди», библиотеки оказывали практическую помощь по оформлению красных уголков на производственных участках.

В период перестройки (конец 1980-х) для улучшения организации досуга среди молодёжи города Амурска была организована работа видеосалонов. Решением исполнительного коми-

тета Амурского городского Совета народных депутатов от 29.19.87 № 540 с 01.01.88 открыты видеосалоны в Доме культуры «Строитель», в общежитии завода Нестандартного оборудования, в доме быта райбытуправления, в бюро «Досуг» парка культуры и отдыха, в кафе общежития производственного объединения «Амурмаш», в коктейль-баре треста столовых и ресторанов, в доме культуры ЦКК, а потом их создавали и в перестроенных жилых помещениях на 1 этаже зданий.

С 1 января 1990 года отдел культуры Амурского горисполкома перешёл на «новые условия хозяйствования» и был реорганизован в Городское объединение культуры, структура которого состояла из объединений: *районное социально-культурное объединение* (парк культуры и отдыха, ботанический сад, 5 сельских Дома культуры, 3 сельских клуба, 2 агиткультбригады), *централизованное библиотечное объединение* (центральная библиотека, детская и 17 сельских и городских филиалов), *музыкально-художественное объединение* (3 музыкальных школы и детская художественная школа искусств), *видеообъединение* (кинотеатр «Молодость», видеопрокат и 19 видеосалонов), Амурский молодёжный театр, городской краеведческий музей.

1990-е годы для культуры, как и для многих отраслей, стали периодом упадка.

Последним учреждением культуры, построенным в г. Амурске, была детская художественная школа искусств.

В связи с низкой посещаемостью и высокими затратами на доставку и прокатную плату кинофильмов были закрыты киноустановки Амурского района: киноустановки с. Ачан, пос. Санболи, с. Джуен, п. Лесной, ст. Малмыж. С целью сохранения единой кинострук-

туры района с 16.03.95 создан Отдел кино Управления культуры с сохранением кинопередвижки.

Учитывая стопроцентный износ и списание аттракционов в Парке культуры и отдыха и отсутствием бюджетных средств на их приобретение и развитие учреждения, с 15.11.98 Постановлением главы г. Амурска с Амурским районом от 02.09.98 № 135 Парк культуры и отдыха ликвидирован без права перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам.

В связи с аварийным состоянием и непригодностью для дальнейшей эксплуатации зданий, решением исполкома Амурского городского Совета от 16.06.89 № 246 списан и снят с учёта клуб с. Даппы, постановлением администрации г. Амурска и Амурского района от 06.06.92 № 841 закрыт сельский Дом культуры с. Омми.

В связи с отсутствием средств на дальнейшее содержание объектов культуры в Падалинском и Литовском леспромхозах постановлением администрации г. Амурска и Амурского района от 01.06.93 № 577 с 20.05.93 в структуру Городского объединения культуры переданы Дома культуры пос. Известковый и пос. Лесной.

С 12.05.94 года постановлением администрации г. Амурска от 12.05.94 здание клуба на ст. Мылки изменило функциональное назначение — передано под торговую точку.

И такая судьба постигла многие клубы и библиотеки, особенно в небольших населённых пунктах Амурского района.

С 1 ноября 1994 года на основании постановления главы администрации г. Амурска и Амурского района от 19.10.94 № 377 Городское объединение культуры реорганизовано в Управление культуры администрации г. Амурска и

Амурского района с получением юридического статуса.

В системе культуры Амурского района на протяжении периода с 1990 года по сегодняшний день постоянно происходят преобразования, реорганизации, ликвидации и образования учреждений культуры.

Наряду со многими другими учреждениями, с 1 апреля 1997 года на базе ликвидированного Дома фольклора с. Ачан открыт национальный культурный центр «СИЛЭМСЭ» с. Ачан, который с гастролями успешно посетили Москву, Францию, Болгарию и другие города.

Мы можем гордиться успехами наших юных художников — лауреатов краевых и всероссийских конкурсов, завоевавших золотые и серебряные медали, а также ансамблей, творческих коллективов, краеведческого музея, Дворца культуры, Дома культуры пос. Эльбан и пос. Известковый, библиотечного объединения и многих работников культуры, которые стали победителями краевых конкурсов и заслуженно получили почётные звания и благодарности. Из 110 творческих коллективов 16 носят почётное звание «Народный» и «Образцовый» коллектив. В районе проводятся фестивали, конкурсы, концерты, традиционные народные игры, международные праздники хореографии и кинофестиваля.

За 45 лет, прилагая все усилия в развитии и сохранении культуры Амурского района, руководили отделом культуры: Богданов Владимир Владимирович с 07.01.63; Гусева Галина Петровна с 01.01.64; Иванова Мария Георгиевна с 15.12.66. Она руководила отделом культуры в течение 18,5 лет, и сейчас продолжает работать контролером-билетером во Дворце культуры Амурска. Мария Георгиевна была награждена благодарностями, почётными

грамотами, денежными премиями, ценными подарками, в том числе и от Крайсовпрофа, медалью «Ветеран труда», ей присвоено звание «Почётный гражданин города Амурска»; Иголкин Михаил Алексеевич с 27.08.85, на протяжении 22,5 лет остаётся начальником отдела, под руководством которого происходили радикальные изменения в самой системе управления культурой, его деловой подход позволяет развивать, сохранять и возрождать культурные ценности и творческое наследие района, имеет почётные грамоты, благодарности, награждён знаком «За достижения в культуре».

С образованием городского поселения «Город Амурск» в январе 2006 года при администрации создан отдел культуры (руководитель Меньшикова Александра Александровна) и в районе произошло разделение сети учреждений культуры. Часть учреждений города передана в ведение отдела культуры администрации городского поселения, часть остались самостоятельными, а в администрации Амурского муниципального района создан отдел культуры без права юридического лица.

В целях создания единого культурного пространства, координации деятельности учреждений культуры и искусства района с 1 января 2008 года отдел культуры администрации Амурского муниципального района преобразован в отдел культуры и искусства и приобрёл статус юридического лица.

В настоящее время в муниципальную сеть учреждений культуры и искусства Амурского района входит 37 учреждений: 12 учреждений клубного типа, 3 детские школы искусств и 1 детская художественная школа, 18 библиотек, кинотеатр «Молодость», районный молодёжный досуговый центр (бывший ДК и С «Строителей»), городской краевед-

ческий музей, Ботанический сад с фондовой оранжереей и лесопитомником.

Сегодня эти учреждения культуры в нашем городе и районе работают, но многие нуждаются в материальной поддержке, чтобы продолжать выполнять задачи, которые перед ними поставлены. И многое делается для этого. Например, на уровне Правительства решаются вопросы о компьютеризации библиотек, возрождении библиотечного фонда, чтобы библиотеки помимо выдачи, учета книг и пропаганды литературы стали широкопосещаемыми деловыми информационными центрами с предоставлением дополнительных

услуг по поиску информации в интернете и т.д. Выделены денежные средства на ремонт стадиона, ДК и С «Строитель», Дворца культуры и др.

Коммунистическая идеология ушла в прошлое, но активную гражданскую позицию надо воспитывать. Когда человек идёт в учреждения культуры и ждёт, что его кто-то будет развлекать, он становится всего лишь скучающим зрителем. А отдыхать, как и трудиться, надо активно, всей душой. Только в этом случае человек обогащает ум и развивает чувства.

Асеев Александр Александрович,
заместитель начальника отдела
организационно-территориального
управления Губернатора
и Правительства Хабаровского края,
кандидат исторических наук

Традиционное воспитание коренных народов Дальнего Востока и образовательная политика советского государства в 20—30 годы XX века

**Статья посвящена про-
блемам образования ко-
ренных народов Даль-
него Востока в период
становления советской
власти.**

Проблемы образования и воспитания коренных малочисленных народов Дальнего Востока России в настоящее время привлекают повышенное внимание ученых, специалистов и педагогической общественности.

Чем вызвано это внимание? Прежде всего тем, что в условиях возрождения России возникла потребность в разработке модели национального воспитания и образования. Сложившаяся в советский период система была построена по единому образцу во всех регионах страны. Ею не учитывались культурно-исторические традиции коренных малочисленных народов, особенности национального характера, их духовные ценности. Это стало одной из причин, приведших к разрыву связей

поколений коренных народов, повлекшей за собой негативные последствия.

Деградация традиционной культуры вследствие исчезновения из обихода родного языка, утрата промысловых навыков, привели к появлению в национальных поселениях Дальнего Востока определенной прослойки люмпенизированного населения, не обладающего какими-либо профессиональными навыками. Судьбы этих людей во многом трагичны. Такая картина характерна сегодня для многих национальных поселений на всей территории Дальнего Востока. Как её изменить? Нужен хорошо продуманный подход к данной проблеме с учётом национальных особенностей каждого народа, каждой территории их компактного проживания. Проводя государственную политику, школа должна объединить в себе образовательные и воспитательные интересы как государства, так и коренных народов.

Для более глубокого понимания проблемы, обращение к истории традиционной системы воспитания коренных народов, а также государственной политики в области образования коренных народов Дальнего Востока в советский период является актуальным. Это позволит глубже понять проблему для уяснения перспектив развития образования и воспитания представителей коренных народов как сегодня, так и в будущем. «Знание национальной системы воспитания, присущей тому или иному народу и вытекающей из специфических особенностей его истории, даёт возможность наиболее рационально строить школьное дело и всю систему учебно-воспитательной работы с детьми в школе» [1].

В историко-этническом смысле Дальний Восток является особой территорией страны. Общим признаком, объединяющим сложный этнический состав коренного населения Дальнего Востока является своеобразие хозяйственного и культурно-

бытового укладов их жизни, сложившихся в течение многих веков. Основой их существования исторически являлись: промысловый (присваивающий) тип экономики, доклассовая социальная организация, бесписьменная народная культура, выражающая их самосознание.

Все коренные народы Дальнего Востока имели определённую систему традиционного воспитания. Основной целью этого процесса являлось включение детей в бытовую и трудовую жизнь семьи, рода. Воспитательный процесс включал в себя подготовку ребёнка с раннего возраста к самостоятельной трудовой жизни и приобщение его к традициям своего народа. А носителями этих традиций являлись представители старших поколений. Традиционное воспитание коренных народов обеспечивало не только хорошее физическое развитие ребёнка, но и «овладение тем объёмом знаний, умений и навыков, без которых нельзя выполнить ту или иную практическую работу (забросить сеть, метко стрелять в зверя, поставить ловушку, снять шкуру и подвергнуть её необходимой обработке, управлять оленьей упряжкой, или нартой)» [2].

По мере расширения Российского государства коренные народы Дальнего Востока оказались поэтапно включёнными в его территориальные границы, политическое управление, экономические интересы и стали частью многонационального государства, состоящего из многих народов, различных по расовым, этническим, языковым, религиозным признакам, а также по уровню грамотности. О чрезвычайно низком уровне грамотности коренного населения Дальнего Востока в конце XIX века говорит тот факт, что, согласно сведениям переписи населения Российской империи 1897 года, среди чукчей грамотными оказалось 4 человека, из 6058 коряков — 50 человек. Среди 1099 эскимосов не оказалось ни

одного грамотного жителя [3].

Активная государственная политика, направленная на просвещение коренных народов Дальнего Востока, наиболее отчетливо просматривается в действиях советской власти в 20-30-е годы XX века. Вместе с тем, именно в этом периоде следует искать истоки проблем нынешнего положения коренных народов, о которых говорилось выше.

Одной из основных задач советской власти было формирование единой государственной идеологии, которая должна была стать основой единого мировоззрения граждан страны, независимо от национальной принадлежности. Но поскольку идеологическому воздействию в меньшей мере подвержены люди безграмотные, необходимо было создавать особую систему просвещения коренных народов, учитывающую их опыт традиционного воспитания. Поэтому на первом этапе развития советской системы просвещения было взято направление на сохранение традиционного образа жизни, развитие языков и культур коренных народов Дальнего Востока.

Уже в первых программных документах большевистской партии и советского правительства, в ряде других законодательных актов обращалось особое внимание на декларацию равных прав всех народов на их культурное развитие и образование.

Начало последовательной государственной политике советского правительства в области образования коренных народов было положено Декретом советского правительства «О создании школ для национальных меньшинств» 1918 года. Национальной школой представлялся такой тип учебных заведений, который обслуживает меньшинство населения, отличающееся от большинства своим языком и бытовыми особенностями. Преподавание в такой школе должно было вестись на родном (нерусском) языке. Об

этом свидетельствует одно из первых постановлений Народного комиссариата просвещения «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 года, в котором сказано, что «Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе» [4].

Вместе с тем, в первые годы советской власти существовали две противоположные точки зрения по вопросу создания национальной школы. Первая из них подтверждала право каждого народа создавать свою культуру и пользоваться для этого полной самостоятельностью. Другая точка зрения не разделяла национальных особенностей коренных народов и отстаивала принципы идейного и организационного единства процесса образования и воспитания любого народа, независимо от его культурно-исторических особенностей. Возобладала вторая точка зрения, согласно которой все национальные школы должны были строиться на единых принципах с идеологическими установками со стороны государства.

Гражданская война и военная интервенция значительно ухудшили положение образования на Дальнем Востоке, сократилось количество школ по сравнению с их количеством, действующих до 1917 года, не действовали первые декреты советской власти. Дальбюро ЦК РКП(б) отмечало «только с октября 1922 года после решительного поражения белогвардейщины... появилась возможность к созданию той системы народного образования, которая уже в течение нескольких лет до этого времени существовала на территории РСФСР» [5].

С включением Дальневосточной Республики в состав РСФСР, был образован Дальневосточный революционный комитет. Руководство народным образованием перешло к Дальневосточному отделу народного образования (ДальОНО) при

Дальревкомом, а в территориях — окружным, губернским и уездным отделам народного образования. В декабре 1922 года были созданы отделы народного образования при Камчатском губревкомом — Камчатский губернский отдел народного образования (губоно), к ведению которого относились школы Камчатки, Чукотки и Охотского побережья, при Амурском и Николаевском-на-Амуре окрревкомом — окружные отделы народного образования (окроно), в ведении которых находились школы Приамурья. В соответствии с декретом советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Дальревкомом принято решение о запрещении преподавания религиозных учений во всех учебных заведениях края, прекращена деятельность «Камчатского епархиального братства» [6].

В марте 1922 года был образован подотдел по управлению и охране туземных племён (Полярный подотдел) отдела национальных меньшинств Наркомата национальностей РСФСР. Задачей этого правительственного органа являлось управление туземными народами, исходя из особенностей их хозяйственного уклада и культуры. Помимо решения основных вопросов их жизнедеятельности, на Полярный подотдел возлагалась работа по улучшению культурно-просветительской работы, медико-санитарного обслуживания коренных народов с целью их скорейшего вовлечения в социальные преобразования страны [7]. Однако за короткий период деятельности подотдел не сумел сколько-нибудь значительно проявить себя и существенного влияния на уровень жизни коренного населения не оказал [8].

Постановлением ВЦИК от 20 июня 1924 года взамен ликвидированного Наркомата был создан Комитет содействия народностям северных окраин, или Комитет Севера. Школьную комиссию Комитета Севера возглавлял А.В. Луначарский.

Комиссия решала вопросы организации просвещения среди коренных народов, рационального размещения и строительства новых школ, создания письменности у народов, не имеющих её, издания учебной литературы и методических пособий. С деятельностью Комитета Севера связаны глубокие перемены, произошедшие в социально-экономическом облике коренных народов. За время своего существования Комитет Севера провел значительную работу. Основной задачей Комитета являлось «содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [9].

Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 23 февраля 1925 года были созданы комитеты Севера на местах. 12 мая этого же года был создан Дальневосточный комитет содействия народностям северных окраин при Дальневосточном краевом исполнительном комитете. Его возглавил Я.Б. Гамарник, его заместителем стал К.Я. Лукс. Такой же комитет был создан при Камчатском губревкомом (упраздненный в 1927 году). В задачи созданных комитетов входило изучение условий жизни и перспектив развития коренных народов Дальнего Востока, а также вопросы их просвещения. Наряду с другими, эту цель преследовал Первый туземный съезд ДВО, проходивший в Хабаровске с 15 по 20 июня 1925 года. В его работе приняли участие делегаты из числа орочей, нанайцев, удэгейцев, ульчей, нивхов, эвенков. Съезд имел большое значение для улучшения основных сфер жизни коренных народов, в том числе просвещения. В 1925—1926 годах также прошли съезды коренных народов Северо-Востока: Первый тунгусский съезд в Охотске, туземный съезд коряков-кочевников в Тигиле, эвенов в Оле, туземных народов Камчатки. В 1927 году подобный съезд прошел среди ко-

ренных жителей Чукотки.

В 1926 году Далькрайкомом РКП(б), Далькрайисполкомом и Дально было принято решение о подготовке к введению обязательного обучения в Дальневосточном крае. Именно в это время разворачивается работа по созданию национальных школ. Школы были открыты практически для всех коренных народов Дальнего Востока.

Однако несмотря на то, что Постановлением народного Комиссариата просвещения от 31 октября 1918 года «О школах национальных меньшинств» официально декларировалось право всех национальных меньшинств на обучение детей в школах на родных языках, из-за отсутствия письменности и педагогических кадров, знающих язык национальных меньшинств, обучение в школах было начато на русском языке. А.В. Луначарский, выступая в марте 1927 года на расширенном Пленуме Комитета Севера, говорил: «Раздробленность северных народностей и языков создаёт для нас чрезвычайные трудности в смысле обучения детей на материнском языке. Мы знаем, как уродливо, непедagogично учить детей на русском языке; но здесь ничего другого сделать нельзя, ибо учителей, которые говорят на родном для детей языке, почти нет; собственной интеллигенцией малые народы не обладают. Впоследствии мы, может быть, и сможем более или менее удовлетворительно разрешить эту задачу, но пока нам приходится делать отступления и обучение на родном языке временно отложить» [10].

Отсутствие у коренных народов Дальнего Востока своей письменности потребовало разработки алфавита. В октябре 1929 года комиссией национальных языков и культур северного факультета Ленинградского института живых восточных языков был подготовлен Единый северный алфавит. Единый северный алфавит был первоначально основан на латинской

графике.

VII расширенный пленум Комитета Севера в 1930 году в числе ближайших задач наметил создание письменности на языках народов Севера на основе нового алфавита, а также перевод преподавания в начальных классах туземной школы на родной язык обучения. До тех пор пока не была решена проблема создания письменности и педагогических кадров, преподавание в национальных школах продолжалось на русском языке [11].

В конце 20-х — начале 30-х годов была развернута подготовка и выпуск учебников на родных языках коренных народов. В 1927 были изданы «Букварь для северных народностей» В.Г. Богораза-Тана и С.Н. Стебницкого, «Наш север» Н.И. Леонова и П.Е. Островских. В 1928—1929 появились первые буквари для эвенкийских и нанайских школ, в 1932—1933 — буквари «Новая жизнь» — на нанайском языке для взрослых (А.П. Козловского и Н.Е. Афанасьева), «Новый путь» — на эвенкийском (Г.М. Василевич), нанайском (В.А. Аврорина), «Новое слово» на эвенском (В.И. Цинциус), нивхском (Е.А. Крейновича), «Красная грамота» на чукотском (В.Г.Богораза-Тана), корякском (С.Н.Стебницкого), «Наша грамота» — на удэгейском (Е.Р. Шнейдер), «Наша книга» — на эскимосском языке (Е.П. Орлова). Группа учащихся Хабаровского техникума народов Севера составила букварь «Будем учиться!» на ительменском языке. На русскую графическую основу письменность народов Севера была переведена лишь в 1937 году.

Острая нехватка педагогических кадров, отсутствие учителей из национальной среды, ставили под угрозу срыва обучение коренного населения на Дальнем Востоке, особенно в его отдаленных уголках. Но и приезжие учителя не были обеспечены самым необходимым: жильём, продуктами питания, а размер заработной платы не превышал её уровень

в центральных областях России. Слабо представлявшие специфику работы в национальной школе в столь суровых условиях, приезжие учителя при первой возможности покидали Дальний Восток. Их внезапный отъезд приводил к закрытию школ и срыву учебного процесса. В этой связи Совнарком СССР в 1927 году предложил Наркомпросу совместно с Наркоматом труда, ВЦСПС и Комитетом Севера увеличить ставки оплаты труда для педагогических работников. ЦИК и Совнаркомом СССР 3 июня 1929 года было принято Постановление «О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет». Согласно этому документу стаж учителей национальных северных школ исчислялся из расчета 2 года за 1 год [12].

В 1925—1926 учебном году была образована северная группа при рабфаке Ленинградского университета, позднее был основан Институт народов Севера, готовивший первые национальные кадры. Большое значение в решении вопросов обеспечения национальных школ педагогическими кадрами, в том числе из представителей коренных народов, имело открытие в 1926 году туземного отделения при Хабаровском педагогическом техникуме, которое с 1927 года стало самостоятельным учебным заведением — педагогическим техникумом народов Севера.

В этот период происходил активный поиск новых типов школ. С учётом особенностей сурового климата Дальнего Востока, образа жизни его коренного населения, его дисперсного расселения на огромных территориях, избирались такие типы школ, которые отвечали реальным дальневосточным условиям. Именно поэтому здесь появились красные яранги, культбазы, кочевые школы, школы-интернаты для кочевого населения. Культбазы действительно являлись «очагами цивилизации», поскольку кроме школы, клуба, музея там находились больница,

ветеринарный пункт, мастерские и даже научно-исследовательский пункт краеведения. На Дальнем Востоке действовало 7 культбаз. Первая из них — Чукотская культбаза была построена в 1928 году на берегу залива Св. Лаврентия. В 1929 году на Сахалине возникла Сахалинская, в 1930 году — Пенжинская культбаза в Корякском национальном округе. В дальнейшем были построены Чаунская, Вилюнейская, Восточно-Эвенская, Тугуро-Чумиканская.

Наиболее широкое распространение получили школы-интернаты, скорее всего потому, что такой тип школы позволял наиболее полно осуществлять идеологическое обеспечение учебного процесса. Необходимо подчеркнуть, что рассматриваемые типы школ не являются исключительно изобретением советской власти.

Попытку создания передвижных (кочевых) школ и идею об открытии школы-интерната, в котором бы учащиеся содержались за счет российской казны, впервые выдвинул глава духовной миссии архимандрит Иосаф Хотунцевский, направленный в 1742 году из Тобольской епархии на Камчатку. Его по праву следует считать первым просветителем коренных народов Дальнего Востока. Почти два века спустя его идеи окажутся востребованными и нужными в деле образования коренных народов.

Учитывая хозяйственно-бытовой уклад жизни, вновь создаваемые в 1920-е годы национальные школы сохраняли элементы традиционного воспитания, промысловый уклон. Некоторые из них держали оленей, имели свои промысловые угодья, промысловые орудия. В своей работе школа походила на производственное предприятие, имея свои планы по вылову рыбы, промыслу зверя, могла заключать договоры с заготовительными организациями, что позволяло учащимся овладевать трудовыми навыками охотников, рыбаков и оленеводов. Это

способствовало тому, что к 1929 году отношение народов Севера к образованию стало меняться. Если первоначально родители выступали против обучения своих детей, заявляя «...не хотим отдавать детей в школу, не хотим, чтобы наши дети перестали быть охотниками и оленеводами; пусть живут с нами и учатся тому, что надо в тундре» [13], то в дальнейшем стали требовать от школы, чтобы она учила хорошо читать и писать, а традиционному делу они сами научат [14].

Во исполнение решения XVI съезда партии ЦИК и СНК СССР 14 августа 1930 года было принято постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении и о мероприятиях по его практическому осуществлению». Документом предполагалось с 1930—1931 учебного года ввести всеобщее обязательное начальное обучение детей в объеме не менее четырехлетнего курса начальной школы, вне зависимости от их возраста. В связи с особыми бытовыми и организационными трудностями допускалось «...в некоторых отдаленных районах отступление (не более чем на 1-2 года) от указанных сроков». За невыполнение обязанности посылать детей на обучение на родителей, а также лица и учреждения, отвечающие за это, налагалось взыскание в виде штрафа [15].

В 1930-е годы начался период активной «советизации» жизни коренного населения, особенностью которого стала замена этнического самоуправления государственным. Были предприняты действия власти по изменению традиционного уклада их жизни и включению их в сложившуюся в стране систему общественных отношений. Конституция СССР 1936 года и Конституция РСФСР 1937 года уже не упоминала национальные меньшинства и народности Севера как носителей особых прав. В 1935 году был упразднен Комитет Севера. Следом за ним были ликвидированы все националь-

ные советы, а функции местных комитетов Севера были переданы отделам краевых и областных исполкомов. Согласно Конституции русский язык официально провозглашался государственным, что нашло отражение в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 13 марта 1938 года «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», которое в значительной мере повышало требования к учащимся национальных школ в знании русского языка [16].

Интенсивное освоение ресурсов Дальнего Востока, начавшееся уже в ходе первых пятилеток, резко увеличившийся приток русского населения, ознаменовали собой начало индустриального развития Дальневосточного региона. XVII съезд партии принял решение создать на Дальнем Востоке ряд крупных промышленных предприятий. За период первой и второй пятилеток Дальний Восток был превращён в огромную строительную площадку. Естественно, что в этот период значение русского языка, как в общении, так и в получении профессионального образования, увеличилось. В этой связи многие школы перешли на русский язык преподавания. Национальные школы стали по содержанию русскими, с преподаванием родных языков в качестве дополнительного предмета. Можно считать, что настало время поворота национального образования на единые принципы, без учёта национальных особенностей. Школа всё больше перестраивалась в интересах прибывающего на Дальний Восток населения, а особенности образования коренного населения отходили на задний план.

Это стало причиной того, что национальная школа на Дальнем Востоке постепенно стала терять особенности традиционного воспитания подрастающего поколения коренных народов и стала ориентироваться на просветительство и

подготовку молодежи к жизни в чуждой социальной среде. Полное государственное обеспечение, сведенное до минимума влияние традиционного родительского опыта, отрыв от природно-естественной среды обитания постепенно отрывали молодежь от традиционной жизни, способствовали утрате навыков.

Таким образом, можно считать, что образование коренных народов Дальнего Востока в первое десятилетие советской власти опиралось на сложившийся образ жизни, а воспитание и его содержание во многом определялось традициями систем традиционного воспитания коренных народов Дальнего Востока. Вместе с тем, государственная политика в области национального образования в 20—30-х годах XX века отчетливо характеризуется общей тенденцией к созданию унифицированной системы образования.

Свою роль в привлечении коренного

населения к образованию сыграли различные типы школ, однако наиболее широкое распространение получили школы-интернаты, как стационарный тип школы, в котором наиболее полно обеспечивался идеологический контроль за учебно-воспитательным процессом. Во второй половине 30-х годов появились явные признаки доминирования русского языка и культуры в образовании коренного населения Дальнего Востока, приведшего в дальнейшем к созданию школы по унифицированному государственному стандарту и постепенной утрате особенностей национальной школы.

В итоге следует сказать о том, что государственная политика советского государства в 1920—1930-е годы в области национального образования привела к созданию системы образования для коренных народов Дальнего Востока ценой потери их национальной самобытности.

Список использованных источников

1. Севильгаев, Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока / Г. Ф. Севильгаев. — Л. : Просвещение, 1972. — С. 9.
2. Там же. — С. 27.
3. Крушанов, А. И. О состоянии народного образования в Приамурском крае накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Сообщение ДВ филиала Сибирского отделения Академии наук Союза ССР. — Выпуск 176. — Владивосток, 1963. — С. 124.
4. Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. — М., 1919—1920. — Вып. 1—2. — С. 41.
5. Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока. — Изд-во Дальбюро ЦК РКП: Типография Забайкальского губернского Союза Кооперативов. — Чита, 1923. — С. 66.
6. Сборник постановлений Дальревкома за 1922 г. — Владивосток, 1923. — С. 1—2; Севильгаев, Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока / Г. Ф. Севильгаев. — Л. : Просвещение, 1972. — С. 178.
7. Балицкий, В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму / В. Г. Балицкий. — М. : Мысль, 1969. — С. 69—70.
8. Вдовин, И. С. Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти / И. С. Вдовин // Советская этнография. — 1967. — № 5. — С. 80.
9. Сергеев, М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера / М. А. Сергеев. — М-Л. : 1955. — С. 244.
10. Луначарский, А. В. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере / А. В. Луначарский // Северная Азия. — 1927. — № 3. — С. 18—22.
11. Чумак, Е. Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50 гг. XX века / Е. Г. Чумак // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2007. — № 8. — С. 111.
12. Севильгаев, Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока / Г. Ф. Севильгаев. — Л. : Просвещение, 1972. — С. 206.
13. Базанов, А. Г. Первые шаги советской власти в области строительства школ (1917—1930 гг.) / А. Г. Базанов // Просвещение на Крайнем Севере. — Вып. 15. — Л., 1967. — С. 27—42.
14. Базанов, А. Г., Казанский, Н. Г. Школа на Крайнем Севере. / А. Г. Базанов, Н. Г. Казанский. — Л. : 1959. — С. 79.
15. О всеобщем обязательном начальном обучении. Из постановления ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. // Народное образование: основные постановления, приказы и инструкции / сост. А. М. Данев. — М. : Учпедгиз, 1948. — С. 25—26.
16. Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. — № 324. Там же. — С. 53.

Базылева Елена Анатольевна,
кандидат исторических наук,
докторант Государственной публич-
ной научно-технической библиотеки
Сибирского отделения Российской
академии наук (Новосибирск)

Библиотека Приамурского отдела ИРГО

***История образования
библиотеки Приамурского
отдела Императорского
Русского географического
общества, формирования
и пополнения её фондов.***

Библиотека Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ПОИРГО) была создана в 1894 году при активном участии будущего генерал-губернатора Н.И. Гродекова. Библиотека отдела формировалась на книжные и денежные пожертвования учреждений и частных лиц, что было характерно для библиотек научных обществ дореволюционной России.

Следует отметить, что в 90-е годы XIX века, когда сеть отделений ИРГО охватила Дальний Восток, в регионе усилилась общественная потребность в книге и чтении, назрела необходимость в распространении культурных и технических знаний среди различных слоёв населения, что, естественно, нашло своё отражение и в формировании библиотек дальневосточных филиалов ИРГО, которым зачастую были присущи одновременно функции и научных, и публичных библиотек. Именно такой стала и библиотека Приамурского отдела. Первоначально предполагалось, что библиотека ПОИРГО будет научной, однако после крупного пожертвования наследником престола беллетристической и детской литературы при отделе была от-

крыта Николаевская публичная библиотека.

На заседании Распорядительного комитета 23 апреля 1894 года было решено выработать правила для пользования библиотекой, для чего была учреждена комиссия в составе: В.Н. Радакова, библиотекаря М.А. Соковнина (член-учредитель отдела, капитан Генерального штаба), В.В. Перфильева и правителя дел С.А. Монковского [1].

Уже на второй год существования в библиотеку отдела было выписано 34 журнала и газеты. В виду недостатка денег у отдела председатель Н.И. Гродеков ассигновал из личных средств 250 рублей [2].

К 15 февраля 1895 года была закончена расстановка книг, составлены временные «писаные» каталоги, и библиотека открылась для читателей, имея в своём фонде около 10 тысяч томов. В течение 1895 года были получены крупные пожертвования от членов императорской семьи, а также от статс-секретаря А.Н. Куломзина, вице-председателя ИРГО, сенатора П.П. Семенова-Тян-Шанского, покровителя ПОИРГО Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, председателя отдела генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова и др. Таким образом, на 1 июля 1895 года библиотека насчитывала 25 тысяч томов, не считая 3276 дубликатов [3].

Вследствие столь большого роста фонда библиотеки уже в 1896 г. помещение не удовлетворяло потребностям. По инициативе и на средства С.М. Духовского было изготовлено 20 книжных шкафов, которые были размещены следующим образом: 4 — в самой библиотеке, 6 — в военном собрании, 8 — в квартире председателя отдела Н.И. Гродекова и 2 — в помещении канцелярии генерал-губернатора. Подобная разбросанность фонда при незначительном штате библиотекарей, постоянном наплыве пожертвований, всё возрастающем числе посетителей и при отсутствии специального зала для научных занятий сотрудников отдела крайне затрудняли работу библиотеки. С целью расширения было принято решение при-

строить к имеющемуся зданию дополнительные помещения. В 1900 году было завершено строительство нового здания для библиотеки ПОИРГО [4].

Руководил Николаевской публичной библиотекой директор, который избирался из числа сотрудников ПОИРГО и входил в состав Совета. В его обязанности входило правильное размещение и систематизация по определённым научным отделам всех поступающих в библиотеку изданий; составление карточного и печатного каталогов. У директора был также помощник, который работал за определённую плату. На Совете директор докладывал о проделанной работе и ежемесячно предоставлял список лиц, не возвративших в положенный срок взятые из библиотеки книги [5].

Согласно инструкции в Николаевской публичной библиотеке велись инвентарные книги, где учитывались все поступающие издания, и систематический каталог. Пополнение библиотеки происходило за счёт покупки изданий на средства отдела, пожертвований и путём обмена. На хозяйственные нужды библиотеке ежегодно отпускалась определённая сумма денег, которая находилась в распоряжении директора. Также ежегодно выделялись средства на выписку книг, журналов и газет. Список приобретаемых изданий утверждался на Совете. Обо всех поступивших в библиотеку книгах немедленно извещался правитель дел [6].

Библиотека работала ежедневно, за исключением праздничных дней. Пользоваться изданиями можно было в помещении библиотеки бесплатно или на дому (только в Хабаровске) за установленную плату: 50 копеек ежемесячно с каждого читателя и 5 рублей залог за издания. За утрату книги удерживалась её стоимость из залога. Не выдавались на дом только издания, составляющие библиографическую редкость. О лицах, замеченных в порче книг, директор докладывал Совету, по решению которого такие читатели могли быть лишены права пользования библиотекой. Для занятий в читальном зале выдача книг не ограничивалась, но на абонементе выдавалось не более двух. Ежемесячные периодические

издания выдавались на дом не ранее, чем после получения следующего номера; еженедельные и ежедневные — через неделю после их поступления в библиотеку. На выдачу текущей периодики устанавливалась очередь, которую контролировал помощник библиотекаря. Книги выдавались на срок не более двух недель, новые поступления не выдавались вообще. За каждый просроченный день возврата книги взималась плата — 5 копеек. Получение изданий из фонда библиотеки фиксировалось в особой книжке читателя (*Е.Б.: формуляре*), где помощник библиотекаря делал отметки обо всех выданных и сданных книгах [7].

Среди общей массы книг уже в первые годы были выделены ценнейшие документы с автографами исследователей Дальнего Востока. Одновременно с общим фондом формировался редкий фонд библиотеки, который включал в себя ценные русские и иностранные издания по различным отраслям науки, выделенные как «библиографические редкости». Наиболее ценный по количеству и составу книг был отдел краеведческой литературы. В 1912 году вышел в свет его каталог (Вып. 1. Амурский отдел).

Первые годы были самыми плодотворными в развитии библиотеки, что в первую очередь было связано с энергичной деятельностью директора В.В. Перфильева. В конце XIX века поступил ряд крупных пожертвований. Среди жертвователей издатель А.С. Суворин, генерал-адъютанта К.П. Посьет, крупный специалист на Дальнем Востоке, инженер Розенгард, хабаровский врач А.Г. Рождественский, крестьянин Ф.К. Соловьев и др. В 1896 году поступил крупный дар от отставного генерал-майора, географа М.И. Венюкова.

Благодаря значительным пожертвованиям уже к концу XIX века в библиотеке ПОИРГО находилось большое число дубликатов изданий. В дальнейшем эти дубликаты были отправлены в филиалы отдела и другие учреждения, в частности, в библиотеку Читинского отделения ПОИРГО — 1705 экземпляров [8].

В 1907 году в ПОИРГО поступило два крупных пожертвования: библиотека не-

давно скончавшегося известного исследователя Амурского края М.И. Венюкова и состоявшая из английских книг библиотека П.Ф. Пахорукова. Кроме того, в библиотеку ПОИРГО продолжали поступать издания научных учреждений, находящихся во взаимоотношении с отделом [9].

Председатель ПОИРГО полковник С.Н. Ванков в своём письме от 20 декабря 1907 года обратился с ходатайством к Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру о выделении средств на предполагаемые материальные затраты, в связи с необходимостью приведения Николаевской публичной библиотеки в надлежащий порядок. По мнению С.Н. Ванкова, предстояло переписать и составить каталожных карточек не менее чем на 30 тысяч книг. Из расчёта того, что за час один человек может переписать не более 10 книг, то потребуется 3000 часов, а так как рабочих часов в день не более десяти, то одному человеку на выполнение всего объёма работы необходимо 300 рабочих дней. Если учесть, что в каждом месяце 25 рабочих дней, то получалось 12 рабочих месяцев. При распределении этого объёма работы на четырёх сотрудников требовалось три месяца. Общая же стоимость работы равнялась 480 рублям. Для составления карточного каталога необходимы были ещё два работника на то же время, за что им надлежало уплатить 240 рублей. Кроме того, на бумагу, карточки и пр. канцелярские расходы требовалось около 80 рублей. На издание составленных каталогов по отделам: 1) естествознание, 2) история и география, 3) военно-морской отдел, 4) беллетристика и детский отдел, 5) периодическая печать, 6) справочные издания, 7) юридический, финансовый, статистический отдел, 8) сибирский отдел, 9) история литературы, богословие, философия и педагогика, 10) техника, — потребуется 1000 рублей на печатание и 300 рублей на брошюровку (из расчёта при тираже 300 экземпляров). Таким образом, весь расход определялся в 2100 рублей [10].

Согласно архивным данным, в 1907 году библиотека работала ежеднев-

но, за исключением праздников. Читальный зал был открыт с десяти до двух дня и с четырёх до семи вечера, абонемент — с четырёх до семи вечера. По воскресеньям библиотека работала до обеда. Регистрация читателей не велась, но в среднем ежедневная посещаемость читального зала составляла около 25 человек, а за год — свыше 8000. В течение года было вновь записано 145 абонентов, выбыло 81 и общее число читателей на 1 декабря 1907 года составило 117. Нам дом выдавались преимущественно новые поступления периодических изданий и книги по таким отделам, как беллетристика, детский, сибирский и иностранный. Из других отделов книги спрашивались редко. Доход библиотеки по статьям «плата за чтение книг» составил 479 рублей 30 копеек, «штрафы за просроченные книги» — 67 рублей 05 копеек. В библиотеке работало два платных библиотекаря, годовая зарплата которых составила 739 рублей 30 копеек. На выпуску книг и журналов было израсходовано 747 рублей 45 копеек, за переплёт изданий — 75 рублей [11].

В 1907 году в библиотеке продолжалось составление нового каталога по отделу беллетристики. Старый каталог, составленный девять лет назад, к тому времени уже не соответствовал требованиям, что было связано с расширением систематизации и неправильной каталогизацией. Ситуация складывалась так, что уже не возможно было найти какую-либо книгу или подобрать литературу по определённым вопросам. Именно поэтому главной задачей библиотеки стало приведение её обширных книжных богатств в надлежащий порядок, в основу чего была положена одобренная наукой и практикой карточная система [12].

В 1908 году на выпуск книг для библиотеки было выделено 700 рублей, которые планировалось потратить на обновление отдела беллетристики. Здесь многие сочинения были разрознены, новых поступлений почти не было. Этот отдел было необходимо значительно улучшить, так как именно он приносил библиотеке основной доход [13].

В 1908 году директором библиотеки Б.Ф. фон Беше в очередной раз отмечалось, что большая часть книг в библиотеке хранилась не расставленной и не систематизированной, что, естественно, затрудняло поиск необходимых изданий и лишало возможности пользоваться книгами. Принятая ранее система расстановки книг по отделам, впрочем, приведённая в полный беспорядок, не позволяла отражать книги, относящиеся к нескольким отделам одновременно. Всё это очень затрудняло выполнение заказов и справок в библиотеке, а для лиц незнающих фонд было вообще не возможно. Именно поэтому было столь необходимо составить карточный каталог на все книги, хранящиеся в библиотеке, а затем на его основе составить каталоги по отделам. Кроме того, для выполнения различных справок необходим был каталог авторов, сочинения которых имелись в фонде. Б.Ф. фон Беше указывал также на то, что помещение библиотеки не ремонтировалось в течение многих лет и крайне нуждалось в капитальном ремонте. Ставился вопрос о проведении электрического освещения, так как работа при свечах грозила пожаром. Книжные шкафы (низкие и широкие) были не удобны, потому что книги в них стояли в три ряда. Б.Ф. фон Беше предлагал продать имеющиеся шкафы и на вырученные деньги приобрести книжные полки, на которых книги бы стояли в один ряд [14].

К 1909 году на все книги, хранящиеся в библиотеке, были составлены каталожные карточки и осталось только перенести эти данные в каталоги по отделам, то есть составить своего рода систематический каталог. ПОИРГО планировал завершить начатую работу по каталогизации библиотеки при наличии строжайшей денежной экономии. Несмотря на то, что работа по приведению Николаевской публичной библиотеки в надлежащий порядок всё-таки приближалась к концу, однако, в 1909 году из-за возникших материальных затруднений ПОИРГО закрыл читальню при библиотеке и прекратил выпуск новых книг, журналов и газет. Читальня требовала большого расхода на своё содержание,

поэтому отдел решил сосредоточить внимание только на научной библиотеке необходимой для работы ПОИРГО. После принятых мер ежегодное содержание библиотеки сократилось до 1100 руб. [15]. В 1910 г. положение несколько улучшилось: Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер назначил отделу единовременное пособие в размере 3000 рублей, из которых первая половина предназначалась на снаряжение экспедиций, а вторая — на содержание библиотеки и музея [16].

В 1912—1913 годах обязанности директора Николаевской публичной библиотеки и правителя дел исполнял Л.И. Звездин. В течение отчётного года (с декабря 1912 года по ноябрь 1913 года) библиотека работала регулярно, без перерывов и была открыта 328 дней. Наблюдался рост числа абонентов. Если в декабре 1912 года числилось 155, то в ноябре 1913 года — 190 человек.росло также и число посетителей с 315 в декабре 1912 года до 479 в ноябре 1913 года. В целом за отчётный год посещаемость составила 3972, а книговыдача — 6293, из них: беллетристика — 4167 (66,2 %), научные издания — 742 (11,8 %), журналы — 1384 (22 %). Такая же картина наблюдалась и в состоящей при библиотеке читальне. За отчётный год в читальне посещаемость составила 6075 человек, что в сравнении с предыдущим годом было больше на 1767 (29,1 %) [17].

В доход библиотеки за отчётный год поступило 388 рублей 50 копеек за чтение и 80 рублей — штрафы. На выписку периодики было потрачено 397 рублей 89 копеек. Среди них 23 журнала — «Библиотекарь», «Вокруг света», «Всемирная новь», «Всходы», «Вестник Азии», «Вестник Европы», «Вестник знания», «Вестник иностранной литературы», «Естествознание и география», «Землеведение», «Золотое детство», «Искры», «Исторический вестник», «Маяк», «Нива», «Природа и люди», «Пробуждение», «Родина», «Русская мысль», «Русское богатство», «Свет», «Сельский хозяин», «Современный мир»; и 10 газет — «Биржевые ведомости», «Голос Москвы», «День», «Новое время», «Петербургский листок», «Россия», «Русские ведомости»,

«Русское слово», «Речь», «Свет». Бесплатно по взаимнообмену поступило 68 журналов (преимущественно издания научных учреждений и вузов) и 13 газет (в основном местные — дальневосточные и сибирские). К сожалению, за недостатком средств библиотека не смогла пополнить фонд книгами ни научными, ни краеведческими. Как и в прежние годы, в библиотеку продолжали поступать многочисленные пожертвования. В связи с трудным материальным положением ПОИРГО обратился с ходатайством и Хабаровская Городская Дума постановила с 1914 года выдавать отделу на содержание Николаевской публичной библиотеки ежегодно 2000 рублей вместо прежних 675 рублей [18].

В 1914 году в фонде библиотеки насчитывалось более 70 тысяч названий. Здание библиотеки стало настолько тесным, что книги, поступившие за последние два года, было просто негде складывать, они лежали на полу. Отдел ходатайствовал перед Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти о назначении пособия на расширение здания библиотеки и на пополнение фонда текущей литературой. В последствии от Н.Л. Гондатти, а также и от Министерства внутренних дел, поступил отказ в выдаче субсидии в виду «переживаемых Россией чрезвычайных событий» [19].

Очевидно, что в XX в. происходил постоянный спад в работе библиотеки. Н.И. Гродеков уехал из края, В.В. Перфильев ушёл из библиотеки. Негативную роль сыграли и события русско-японской войны. Только в 1913—1915 гг. наблюдался незначительный подъём в работе библиотеки: из общего фонда были выявлены 140 редких книг и составлен каталог «Библиографические редкости». Но революционные волнения в преддверии 1917 года сказались крайне отрицательно: книжные фонды не пополнялись, библиотека фактически стала «замкнутым» учреждением [20].

Здесь следует упомянуть о том, что до 1917 года отделом был напечатан ряд каталогов библиотеки: «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Вып. 1» (Хабаровск, 1894), «Каталог Нико-

лаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Вып. 2» (Хабаровск, 1898), «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Вып. 3» (Хабаровск, 1898), «Каталог книг Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Отдел переводной беллетристики» (Хабаровск: электропечатня Товарищества «Приамурье», 1909), «Каталог книг Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Отдел русской беллетристики» (Хабаровск, 1909), «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Вып. 1. Амурский отдел» (Хабаровск, 1912), «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Вып. 2. Азиатская Россия и Кавказский край» (Хабаровск, 1913). Печатные каталоги библиотеки свидетельствуют как об активном пополнении её фонда, так и о необходимости его использования.

Приведённые выше факты подтверждают, что в дореволюционный период фонд библиотеки ПОИРГО комплектовался преимущественно за счёт книгообмена и пожертвований и гораздо в меньшей степени путём покупки изданий. Благодаря книгообмену библиотека могла постоянно приобретать периодические и продолжающиеся издания, как русские, так и иностранные. Библиотека стала своего рода хранилищем краеведческих изданий, так как при комплектовании её фонда делался в первую очередь акцент на местную периодику, на страницах которой публи-

ковались сведения по статистике, этнографии, географии и истории региона, столь необходимые сотрудникам географического общества для проведения научных исследований в крае. В связи с тем, что библиотека ПОИРГО выполняла двойные функции научной и массовой библиотеки, то помимо научных и научно-популярных изданий в фонде имелся значительный процент беллетристики. Комплектование фонда происходило с учётом потребностей массового читателя, а не только узкого круга специалистов. Николаевская публичная библиотека способствовала повышению культурного уровня местного населения.

Несмотря на положительные моменты библиотека ПОИРГО, впрочем, как и многих других дореволюционных научных учреждений, созданная для содействия развитию науки и культуры, в значительной степени не выполняла свои функции научной библиотеки. Недостаток финансирования, а также удалённое положение от центра страны, не позволяли целенаправленно и систематически пополнять фонды библиотеки новейшей научной литературой. Несмотря на имевшие место трудности, библиотека Приамурского отдела ИРГО стала очагом накопления духовных ценностей, своего рода проводником научных знаний, хотя и для избирательного круга читателей, преимущественно сотрудников географического общества.

Список использованных источников

1. ГАХК, ф. И—2, оп. 1, д. 1, л. 66.
2. Там же, л. 281.
3. Краткая история Приамурского отдела ИРГО за 20 лет. 1893—1903. — Хабаровск, 1913. — С. 10—11.
4. Там же. — С. 11—12.
5. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 225, л. 60.
6. Там же, л. 60об.
7. Там же, л. 60об—61.
8. Пайчадзе, С. А. Книжное дело на Дальнем Востоке. Дооктябрьский период / С. А. Пайчадзе. — Новосибирск, 1991. — С. 129.
9. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 225, л. 181об.
10. Там же, л. 161—161об.
11. Там же, л. 181об—182, 184—185.
12. Там же, л. 182.
13. Там же, л. 186.
14. Там же, л. 186об—187.
15. Там же, л. 250, 254—255.
16. Там же, л. 263.
17. ГАХК, ф. И—2, оп. 1, д. 4, л. 55—57об.
18. Там же, л. 58—60об.
19. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 387, л. 29—35, 54.
20. Лютова, Н. К. Из истории создания и формирования редкого фонда Хабаровской краевой универсальной научной библиотеки / Н. К. Лютова // Библиотечное дело на Дальнем Востоке: Новая ситуация. Достижения. Проблемы. Перспективы : материалы науч.-практ. конф. библиотеч. работников Дал. Востока, 17—19 мая 1994 г., г. Хабаровск. — Хабаровск, 1994. — С. 51—52.

Диалог культур и этносов

**О мифопредставлениях
орочей и их проявлениях в
повседневной жизни.**

Богодайко Ольга Викторовна,
доцент филиала
Санкт-Петербургского института
внешнеэкономических связей,
экономики и права в г. Хабаровске

Космогония орочей XIX — начала XX века

Методология историко-культурологической ретроспекции позволяет частично реконструировать бытовавшую в XIX — начале XX века у одного из малочисленных коренных народов Приамурья — орочей — космогоническую этномодель мира, восходящую, по всей видимости, к одному из древнейших мифов о Мировом древе [21], датируемого верхним палеолитом, временем появления «человека разумного».¹

Условно в традиционной ороческой космографии можно выделить три части как по вертикали: верхний — небесный *буа*, средний — земной *на* и нижний — подземный *буни* миры; так и по горизонтали: водный, горно-таёжный и центр.

1. Можно считать вполне доказанным, что миф о Мировом древе имел всеобщее распространение, так как он бытовал у аборигенов Австралии, заселивших континент около 30000 лет назад и ведущих вплоть до XIX века изолированный образ жизни [Бляхер Е. Д. Мировое древо, с. 14; Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки... с. 14-35].

Предполагается, что этой модели предшествовала бинарная космография, в основе которой лежало противопоставление центра — мира людей и иного — по ту сторону лежащего мира нелюдей, нежити [18, с. 100]. Необходимо заметить, что все потусторонние миры — это своего рода зеркальные отражения реального мира, историко-культурной эволюции человека [19, с. 10—33].

Вселенная для орочей — это мир живых существ. По древнейшим мифопредставлениям орочей, вселенная *буа* (*буга*) подобна всякому живому существу: они видели её в образе огромной лосихи, шерсть которой — леса, живущие в шерсти паразиты — таёжные звери, а вьющиеся вокруг неё насекомые — птицы. Когда лосиха переступает с ноги на ногу, происходят землетрясения [16, с. 102]. По более поздним мифовариантам образ *Буа* (*буга*) аналогичен верховному божеству *Эндури* и преимущественно изображался в облике старца, живущего с женой и дочерью на небе [16, с. 102]. По всей видимости, на месте охоты в тайге орочи вырезали на стволе дерева изображение лица антропоморфного существа *Буа* (*Буга*) и около него совершали ритуалы жертвоприношения и обращались с молитвой к нему с просьбой об удаче [7, с. 31; 10, с. 116, 167; 22, с. 439]. Подобные космологические взгляды были характерны как для нивхов, так и других тунгусо-маньчжурских этносов Амура и Сахалина.

По итогам проведённой нами ретроспективной реконструкции схематично покажем вертикальную и горизонтальную многомерную космографию — мифологическую модель орочей XIX — середины XX веков.

Буа — небесный мир, состоящий из живых существ — небесных тел, которые представлялись орочам аналогом земли с её горами, лесами, реками и морями. Они были заселены небожителями, по-

хожими на людей, и животными. Важное место в небесной мифологии орочей занимали луна — *бе* и солнце — *сеун*. В мифах и религиозных представлениях орочей луна или лунная земля *бе на*, как и солнце *сеун* — одновременно и живые существа, и небесные тела, похожие на землю. При этом луна, по их мнению, располагалась дальше от земли, чем солнце [2, с. 227]. Может быть, поэтому у орочей луна почиталась больше, чем дневное светило. По их мифопредставлениям *бе* как живое существо зарождалось, росло и умирало в течение 28 дней, то есть лунного месяца. Орочи, подобно китайцам и корейцам, использовали в ритуальной деятельности традиционный лунный календарь, согласно которому год состоял из 12 лунных месяцев. В соответствии с ним аборигены отмечали каждую фазу изменения луны, называя новорождённую луну *бе багдихани* («чуть-чуть появилась»), половину растущей луны — *бе кохтяни*, полную луну — *бе тихани*, половину убывающей луны — *бе кохтани*, исчезающий серп — *бе монокти*, новолуние — *бе дякпа* [7, с. 19].

Лунными жителями являлись души покойных, попавших сюда из загробного мира *буни* для дальнейшей реинкарнации на земле. Орочи делили *бе* на две части: тигровую и медвежью. Тигровая половина *бе* на принадлежала духу-хозяину тигров *Дуся эзэни*, а медвежья — духу-хозяину медведей *Мапа эзэни*. После смерти в *буни* души *бунингкэ(н)* отправлялись по реке на *бе на* к Тигровому или Медвежьему озерам [7, с. 19, 23]. Они попадали на воспитание к старухам страшного обличья, живущим на берегу этих озёр, которые откармливали древесным углем исхудавшие во время дороги из *буни* на луну души. Прежде чем отправить на землю, старухи обращали их в противоположный пол. Именно по этой причине, как в прежние времена полагали орочи, в мочках новорождённых

мальчиков обнаруживались «отверстия» для серёг. Перевоплощённую душу стараниями мифических старух *бунингкэ(н)* орочи называли *оме* [7, с. 23]. Считалось, что на тигровой земле обитали ещё и души неродившихся животных [7, с. 19].

Солнечная земля *сэу нан(и)* была похожа на землю и её населяли люди. По этой земле протекала большая река [2, с. 227 с; 7, с. 18, 19]. У орочей бытовал миф о множественности солнц, встречающийся и у других дальневосточных аборигенов. По одному из его вариантов в древние времена на небе появилось одновременно три солнца. От нестерпимого жара погибали люди и животные. На земле не стало лесов. Камни плавилась. И тогда другие небесные тела — метеориты — пришли на помощь людям. Они убили из самострелов в начале одно, а затем и второе солнце. Солнечные затмения — *су букини* — воспринимались орочами как смерть солнца [7, с. 18].

Созвездие Большой Медведицы обычно представлялось орочам в виде шкуры медведя. Однако существовали и другие родовые мифоверсии. Так, в поселке Снежном Комсомольского района Хабаровского края было записано настоящее мифоповествование о небесной охоте на медведя, согласно которому семь звёзд созвездия — это не что иное, как амбар на четырёх сваях, где поселился медведь, и к которому подкрадываются три охотника с собакой [7, 18—20], а маленькую звёздочку возле второй звезды «ручки ковша» орочи называли *инаки*, что в переводе означает «собака» [20, с. 661].

Хозяином неба, кроме *Буа*, являлось и верховное божество всех орочей *Эндури (Эндур)*. Большинство орочских мифов описывают его как высокого, в три человеческих роста, благообразного старика. Через своих многочисленных помощников он управлял вселенной [16, с. 634]. *Эндури* — устроитель родового

орочского космоса: небесного, земного и загробного миров. Он же следил за соблюдением им обустроенного порядка. Наказывал тех, кто нарушал его, и одаривал удачей на промыслах праведно ведущих жизнь. *Эндури* жил в небесном мире вместе с женой — *Эндури мамача*. По одной из мифоверсии его соседом был дух-хозяин огня *Пудзя* [7, с. 29]. Примечательно, что каких-либо изображений *Эндури* у орочей не выявлено. Тем не менее, они до сих пор приносят ему жертвоприношения и обращаются с различными просьбами.

Помощником *Эндури* был культурный герой всех приамурских тунгусо-маньчжуров, небожитель, прародитель орочей *Хадау (Хадау, Хадаву, Ходай, Хадо, Хаду)*. По одной из мифоверсий *Хадау* являлся высшим небесным божеством и имел облик седобородого старца. Со своей старухой женой создал вселенную. А его жена сотворила землю и остров Сахалин. За что-то разгневавшись на жену, он убил её [7, с. 107].

В космогонии орочей, как и соседних с ними народов нанайцев, ульчей, эвенков, представлен мифогерой, предок, сын *Хадау Манги (Мани)*. Он виделся им в образе медведя-великана, который преследует гигантского небесного лося *Пэуле*, похитившего солнце, или богатыря-охотника, гонящегося по небу за лосихой с лосенком. Этот мифосюжет объяснял орочам смену дня и ночи и происхождение созвездий: охотник и лось — это Большая Медведица, а лыжный след охотника — Млечный путь. Кроме того, *Манги* — первый умерший, добровольно ушедший в буни. Орочи вырезали его изображение на посохе и других шаманских атрибутах [16, с. 338, 600].

У орочей бытовали мифосказания, свидетельствующие о небесном местонахождении духа-хозяина ветра, грома и молнии *Агды (Агди эзэни)*² [2, с. 159]. К своей жене — некой хозяйке водной

стихии, обитающей на острове и управляющей морскими духами, животными и рыбой, он прилетал весной, в середине лета и осенью [16, с. 14]. По другой, по всей видимости, более древней версии, *Агды* виделся им в виде бесполого существа: огромного змея с лапами и крыльями, изрыгающего пламя из своей пасти [6, л. 58; 7, с. 31, 32].

Средний мир или земля *на* — антропологический центр ороческой вселенной. Согласно древней ороческой мифотрадиции, *на* — огромный, восьминогий, безрогий лось *бэйудуну сагды на*, части тела которого символизировали реальные объекты природы: спинной хребет *на никтани* — горную цепь; шкура *на иктэни* — своеобразный земной покров из травы и кустарника; вши *на кумани* — зверей и птиц, обитающих на земле. По обновлённой мифоверсии орочей, спинной хребет мифолося разделял на две половины: восточную, которую населяли сами орочи и их ближайшие соседи и западную, на которой жили как русские, так и другие народы. На его голове, то есть на вершине мироздания располагался Китай [7, с. 20].

Землетрясения на земле орочи объясняли усталостью лося, который, утомившись от неподвижности, начинал переминаться с ноги на ногу [7, с. 20]. Анимистические представления на природу орочи распространяли и на другие территории. Так, Америка виделась им в образе большого дракона *мудур*, а остров Сахалин — рыбы [1, с. 326, 327]. Подобное одухотворение земли характерно и для других амуро-сахалинских аборигенов, в том числе и нивхов, представлявших остров Сахалин в образе мифического антропоморфного существа, лежащего на боку головой к северу, а ногами к югу [22, с. 49].

По традиционным мифологическим

представлениям орочей, как и других амуро-сахалинских аборигенов, средний мир подобно небесному и подземному мирам членился по горизонтали на три сферы: водную, горно-таежную и центр — хронотопа человека и его социума — рода [18, с. 100].

Морской, речной, озёрный миры олицетворялись орочами в образе *Тэму* (*Тэму эдени*, *Тому*, *Наму эзэни*, *Наму Эндури* [14, с. 25], *Му эзэни* [2, с. 205]) — божества, духа-хозяина моря, водной стихии, рыб и морских животных. По мифосказаниям *Тэму* виделся орочам в образе седобородого старика, живущего далеко на севере и обеспечивающего орочей рыбой [22, с. 430]. В других ороческих мифах, как и в мифологии нанайцев, удэгейцев, уйльта, ульчей, он предстаёт в облике антропоморфной четы — старика и старухи, которые живут далеко в море и выпускают рыбу из озера, находящегося в их доме. По другим родовым мифовариантам, в рыбу превращалась чешуя, которую *Тэму* бросал в море. От его воли зависело количество рыбы в реках и успех охоты на морских животных [16, с. 556].

По одной из ороческих мифоверсий, у *Тэму* имелась жена — хозяйка морских рыб *Тайхунза* [20, с. 152], или *Тэму мамачани*, которая направляла рыбу из моря хозяину речных рыб *Сугзя эзэни* [7, с. 36]. Иногда орочи называли хозяином моря косатку [4, л. 783] — хищное морское животное семейства дельфиновых. Её считали морским духом или лодкой морского духа, помощником или сородичем *Тэму* [16, с. 556]. Также помощниками *Тэму* были мифические существа, обитающие в море, озёрах и реках, а также му ганихи, в которых превращались души утопленников, тела которых не были найдены. Души утопленников-самоубийц становились злыми духами

2. В полевых записях В.А. Аврорина этого духа-хозяина орочи называли *агди эзэни* (см. *Агди эзэни*) [2, с. 159].

ганкэ, мстившими рыбакам, увлекая их в морскую пучину [7, с. 35, 36]. Некоторые орочи считали, что у *Тэму* был свой загробный мир *Тэму бун'ин'и*, куда попадали души утопленников [7, с. 42].

Культ *Тэму* и других водных духов выражался в проведении разнообразных ритуалов кормления и обращения к ним с молитвой-просьбой о даровании хорошей погоды и промысловой удачи. В качестве жертвенных приношений чаще всего использовались табак и заранее приготовленная черемша.

Мир горно-таёжных духов у орочей, как и у других тунгусо-маньчжуров и нивхов Амура и Сахалина, представлен разнообразными божествами и духами-хозяевами: *Дуся эзэни* (*Дусэ эдэни* [16, с. 200]), *Мапа* (*Мафа*) *эзэни*, (*Уггули*, *Дуэнтэ* [2, с. 180]), *Кагдямю* (*Кадзямю*), *Сингкэ(н)* (*Синкэн*, *Хинкэн*, *Шинкен*), *Бою эзэни*, (*Токи*, *Тони*), *Огана* и др. Как правило, аборигены считали их добрыми божествами, покровителями и подателями удачи на охоте. *Дуся эзэни* — дух-хозяин тигров, тайги, гор и всех зверей, кроме медведей [7, с. 40]. По другой информации, он являлся помощником верховного божества *Буа* (*Буга*) [16, с. 200] или *Эндури*. *Дуся эзэни* обитал на тигровой половине лунной земли *бе на*, но мог в любое время появляться на земле в тайге [1, с. 331; 2, с.180], где принимал облик любого зверя, птицы и человека [7, с. 40]. Иногда он представлялся пожилым человеком, живущим в таёжном жилище вместе с женой и дочерью. Собаками и посыльными им служили обыкновенные тигры [16, с. 200].

Иное горно-таёжное божество — *Мапа эзэни* — дух-хозяин медведей, представляемый орочами в образе гиганта-медведя. Он проживал по соседству с *Дуся эзэни* на другой половине лунной земли *бе на* [1, с. 327]. В отличие от других у орочей окрестностей города Советская Гавань, и, по всей видимости, у ро-

дов *Акунка*, *Бисянка*, *Хутунка*, *Копинка*, проживавших на побережье Татарского пролива, бытовали мифосказания, представляющие *Мапа эзэни*, а не *Дуся эзэни* хозяином тайги и всех лесных животных. Следует согласиться с мнением С.В. Березницкого о том, что ранее культы тигра и медведя могли существовать отдельно у разных орочских родов [7, с. 41].

Кагдямю (*Кадзямю*) — дух-хозяин гор, скал и рек, ведающий пушным зверем и рыбой. Этот мифологический образ горно-таёжного существа антропоморфного вида встречается у многих народов, обитающих на лесной территории, в том числе и аборигенов Амура и Сахалина. Орочам он представлялся в виде трёхпяти метрового великана с остроконечной клинообразной головой, двух- или трёхпальными руками и длинными кривыми в коленях ногами, оканчивающимися копытами, похожими на лосиные [7, с. 49; 16, с. 272]. Он питался древесной корой, смолой, мясом, рыбой и т.п. [7, с. 49]. *Кагдямю* жили целыми племенами в горных ущельях [2, с. 193] и обитали, как правило, в верховьях рек в скалистых местах, пещерах [7, с. 50]. Спускаясь с гор, *Кагдямю* похищали людей, воспользовавшись их неосторожностью или наказывая за нерадивое отношение к дарам леса [16, с. 272]. Они обмазывали своих пленников смолой, превращая их в себе подобных, и оставляли жить с собой.

Считалось, что благодаря владению охотничьей сумкой *Кагдямю* является самым удачливым охотником. Ведь в ней хранились шерстинки — души промысловых зверей, и это наделяло его сверхъестественной силой [7, с. 54]. Наделяя *Кагдямю* промысловой удачей, а также способностью вредить людям, орочи стремились умилостивить его. Они совершали ритуалы кормления: оставляли угощение возле мест его обитания [7, с. 54], изготавливали из дерева различные амулеты с изображени-

ем *Кагдям* [9, л. 1; 10, с. 170].

Орочами почитался и дух-хозяин промысла, покровитель охоты и диких зверей *Сингкэ(н)* (*Синкэн, Хинкэн, Шинкен*). Считалось, что он находился у основания ствола дерева, расположенного в долине или у хребта, иногда орочи его помещали на нижнем слое неба или на лунной земле. *Сингкэ(н)* представлялся в антропоморфном облике, ему ездовыми животными служили тигры, медведи и другие звери. В ряде мифов *Сингкэ(н)* предстаёт в облике молодой женщины, от её расположения зависит удачная охота. В целях достижения удачи на охоте орочи изготавливали магический талисман, который назывался *суккэ* [16, с. 501].

Кроме вышеперечисленных верховных горно-таёжных божеств орочи выделяли и духов-хозяев отдельных животных. Так, *Бою эзени* (*Токи, Тони*) — дух-хозяин лосей — виделся им в образе лосевеликана [7, с. 41, 156], *Огана* — дух-хозяин сохатого — изображался в виде антропоморфного существа, сидящего на сохатом [7, с. 23; 12, л. 75].

Одним из важнейших культов, связанных как с горно-таёжным, так и водным сакральными хронотопами, был культ животных. Особо орочами почитались таёжные звери — тигр *дуся* и медведь *мапа*, а среди морских животных — косатка *намуни* (*бити заппи*), кит *калма*, нерпа *хото* [2, с. 34, 125, 126, 163, 167; 5, л. 163; 12, л. 66—70; 13, л. 34—36; 14, с. 19; 15, с. 26]. Примечательно, что орочи почитали кошку *малма дуся* как двоюродную сестру тигра *дуся* [12, л. 66].

Мифорелигиозные представления о горно-таёжном и водном мирах тесно смыкались с культом земли. Орочи, как впрочем, и другие тунгусо-маньчжуры и нивхи юга Дальнего Востока, представляли, что у каждой местности или всякого природного объекта: горы, поляны, леса, берега реки, озера, болота, ручья и т.п. — был хозяин-дух, который имел

символическую связь с этнородовым вариантом мифогенеза мира. Иногда в качестве таких хозяев выступали те же самые таёжные и водные духи. Культурные ритуалы жертвоприношения и поклонения хозяевам местности производились орочами и во время традиционно сезонных исполнений обрядов почитания божеств и хозяев гор, тайги и воды, и отдельно от них.

Особую символическую роль в космогонической модели мира и в традиционной обрядности орочей, как и других коренных малочисленных этносов Амура и Сахалина, играл культ огня. Следуя аборигенной мифологии, огонь — одна из главных стихий мироздания, ведь небесный огонь восходит к древнейшему и универсальному солярному культу. Упорядоченную и управляемую огненную стихию олицетворял дух-хозяин огня и домашнего очага *Пузя* (*Пуза, Пудя, Тава эзэни, То эзэни*). В.А. Аврорин приводит ещё одно его имя *Ха эзэни* — духа-хозяина дома и очага [2, с. 218, 232, 242; 7, с. 36]. Символика огня, домашнего очага у орочей представлена разнообразно. Обычно огонь олицетворялся в образе старика или целой семьи: старик *Пузя*, старуха *Пузя мамачан'и* со своими детьми, собаками и др. [2, с. 218, 232, 242; 16, с. 445].

Орочи посёлков Датта и Снежного Хабаровского края представляли *Пузя* в облике худой старухи, местом обитания которой являлся домашний очаг, костёр, зажжённая спичка и т.д. Она постоянно мёрзла и голодала, и поэтому в огонь непрерывно нужно было подкладывать дрова и совершать ритуал кормления его: бросать в огонь кусочки мяса и брызгать в него водку. Её муж — *Икта адзани* — дух-хозяин муравьёв. Он жил в гнилушках и муравейниках [7, с. 36]. По другому мифопреданию, одна из сопкок около посёлка Датта — потухший вулкан, из жерла которого в древности доносил-

ся гул и вылетал огонь. Внутри этой горы и находился Пузя. Поэтому орочи и другие аборигены Амура посещали сопку, совершали обряд кормления и молили его о благополучии себе и своим родным [7, с. 37].

Пузя считался главной домашней святыней, обладал силой изгонять злых духов: им очищали жилища, охотничье снаряжение, перед камланием — шаманские атрибуты, а также способствовал благополучию хозяйственной деятельности: удачной охоте, здоровью оленей, и даже треском горящих дров, вспышкой пламени, отскочившим угольком, полётом искр предупреждал о грядущих событиях. Все орочи перед трапезой «кормили» его, бросая в пламя кусочки еды. Охотники в тайге угощали Пузя, прося послать зверя, поскольку от его благорасположенности успех зависел не меньше, чем от духов-хозяев зверей. Считалось, что Пузя идёт впереди, и если он поймает душу зверя, то только тогда зверь станет добычей охотника [16, с. 445].

По отношению к огню, мифосимволом которого являлся Пузя, орочи исполняли табу: чтобы не поранить духа и не оскорбить его, запрещалось бросать в очаг острые предметы, рубить дрова близко от костра, шевелить палкой угли в костре, играть головёшкой; во время ночлега не разрешалось класть голову на выступающий из костра длинный конец полена, рубить, резать его, или рубить на нём что-либо; а также проливать воду в огонь, плевать в него и т.п. Однако у тумнинских орочей существовал обычай, противоречащий существующим у большинства орочских родов запретам. Они, наоборот, в гигиенических целях всегда плевали и кидали в огонь всяческий мусор [3, с. 215].

За нарушение установленных запретов Пузя строго наказывал провинившихся: у них опухала голова, воспалялись глаза, на теле появлялись

нарывы, язвы, вследствие чего могла наступить смерть. Наказанные им люди должны были просить прощение и принести разгневанному духу кровавую жертву, например, свою собаку [7, с. 37—39; 16, с. 445].

Пузя и сегодня самое почитаемое орочами божество. По современным этнографическим исследованиям, орочи считают его одним из сильных духов-хозяев. Сегодня этнографы не фиксируют подчинённое положение этого духа по отношению к верховному божеству Эндури [7, с. 37]. До сих пор даже молодёжь непосредственно перед охотой и рыбной ловлей продолжают совершать ритуалы кормления Пузя: они угощают его кусочками черемши, табака, других продуктов и соблюдают ряд запретов.

Нижний, подземный мир буни (бунни) воспринимался орочами как местообитание мёртвых. В некоторых орочских мифах повествуется о мифических временах первотворения, когда людей было немного, и никто из них не болел и никогда не умирал. Однажды молодой ороч, сын шамана, собирая яйца морской утки, оступился, сорвался с утёса и разбился насмерть. Шаман-отец посчитал несправедливым, что один только его сын умер, а остальные продолжали жить. Он приступил к камланию, в ходе которого отправился в горы и с помощью духов-помощников отрыл там глубокую яму — вход в подземный мир [15, с. 29]. С этого момента все орочи стали смертными.

Подземный мир орочей — аналог земному: там имеется земля, тайга, богатая зверями, реки, обильные рыбой, на небе ярко светит солнце, ночью луна и звезды. Но надо учитывать, что буни — это земное зазеркалье. Здесь по отношению к земному времени всё наоборот: когда на земле день, то в буни — ночь; на земле лето, то там — зима. Всё живое на земле, целые и неповреждённые предметы, то в буни они — мёртвые, ис-

порченные, разбитые и поломанные. С целью передачи вещей в пользование покойного в загробном мире орочи совершали ритуал их порчи, в результате которого освобождались души вещей, и они могли следовать вместе с душой умершего в *буни*.

После смерти тело человека было неподвижным на земле, а его тень *мия* оставалась живой и переходила в *буни* [15, с. 29]. Род имел в подземном мире собственное родовое селение мёртвых. По всей видимости, поэтому у каждого рода была своя дорога в *буни* — *дювайма*.

Большинство орочей считает, что вход в загробный мир расположен недалеко от места проживания: где-то на западе в направлении заката солнца. Точное его местонахождение неизвестно. Даже ороцкий шаман, сопровождающий душу умершего *букки* в *буни*, не знал, где он находится. Обычно душу покойного шаман провожал ночью при свете луны. Мифическая дорога *дювайма* шла вдоль течения ручья до березового леса — *чабай* и по нему с остановками через три ручья. Испив воды из третьего ручья — ороцкой мифической реки забвения — душа забывала о своей прежней земной жизни.

После третьего ручья фактически начинался многоярусный преисподний мир орочей. Под защитой сильного шамана душе предстояло пройти самый опасный участок дороги — загробный мир злых духов *сакха*, в которых превращались души орочей, совершивших грех убийства и самоубийства. Они стояли по обе стороны от дороги и пытались поймать проходящую в своё родовое поселение мёртвых *букки*. Кроме загробного мира злых духов существовал и мир мёртвых собак *инаки хоктони*, из которого ни одна из заблудших туда человеческих душ не возвращалась [7, с. 21—22].

По поздним мифорелигиозным вер-

сиям человеческий загробный мир делился на два яруса: верхний и нижний [7, с. 23], или рай *бунни боа* и ад *окки боа* [15, с. 29]. В верхнем или райском *буни* жили счастливо, удачливо охотились и рыбачили, сытно ели, рожали и воспитывали детей. А в нижнем ярусе или аду было темно, сыро и страшно. Прожив в *буни* длительный срок — несколько веков, *бунингкэ(н)* снова умирали и, по одному из мифовариантов, их души как дым просачивались на землю [15, с. 29], а по другому, отправлялись по реке на луну *бе* [7, с. 23]. Как известно, свои загробные миры имели дух-хозяин моря и водной стихии *Тему*, дух-хозяин огня и домашнего очага *Пузя*, дух-хозяин тигров, тайги, гор и всех зверей *Дуся эзэни*, дух-хозяин тайги и всех медведей *Мапа эзэни*.

С представлениями о загробном мире связаны и воззрения о душе человека. У каждого аборигенного этноса Амура и Сахалина душа называется по-разному, в частности у орочей — *ханя*. Кроме *ханя* в прежние времена аборигены насчитывали у человека ещё две души, а у шамана их было ещё больше. Однако в настоящее время орочи о них уже ничего не помнят, и лишь этнографические исследования В.А. Аврорина, Е.П. Лебедевой сохранили описание других душ у человека [2, с. 243, 255]. По одним вариантам *ханя* появляется у него в момент рождения и не покидает его в течение всей жизни, по другим — она вселяется в ребёнка, когда он начинает ходить и разговаривать. Внешне *ханя* — точная копия человека и её можно увидеть в виде тени, отражения в зеркале, в воде и т.д. Примечательно, что на ороцком языке душа и тень называется одинаково — *ханя* [7, с. 24, 57; 16, с. 427].

Вторая душа человека *ханя* *умуруни* (буквально «отображение души»), по традиционным представлениям орочей, располагалась внутри души *ханя*. Свои-

ми путешествиями по сакральным мирам ороческой вселенной она вызывала сновидения или обмороки во время болезни. После смерти человека *ханя* направлялась в загробный мир *буни*, а *ханя умуруни* как «отображение души» через некоторое время вселялась в новорожденного ребёнка [2, с. 243; 7, с. 24, 57, 58]. Душу заболевшего ребёнка орочи называли *гаса* [7, с. 157; 9, л. 1—3], а покойного человека — *букки* [7, с. 58, 156].

Третья душа человека *эггэ(н)*, по бытовавшим в патриархально родовом сообществе представлениям, могла существовать внетелесно и переселяться в любое небольшое тело [2, с. 255].

Характер человека, по мнению орочей, зависел непосредственно от души *ханя*, которая могла быть доброй или злой. По народному поверью, добрая *ханя* превращалась в злую, но злая в добрую — никогда [7, с. 25]. *Ханя* умерших людей и по каким-либо причинам, например, из-за несоблюдения сородичами установленных верховными богами и родовыми духами правил похоронно-поминальной обрядности, не попавших в загробный мир *буни*, могли превратиться в злых лесных духов *эксукэн* [20, с. 444].

Сегодня душу животного орочи также называют *ханя*. Но в прежние времена для обозначения души животного существовал иной термин — *сингкэ(н)* [2, с. 223, 224]. Её место нахождения —

нос животного. Поэтому у орочей, как и всех аборигенов Нижнего Амура и Сахалина, существовали ритуалы, цель которых сберечь душу для дальнейшей её реинкарнации в образе зверя, а также уберечь и себя и своих родичей от мести души убитого животного [11, с. 40]. Интересно, что в мифах орочей души животных могли воплощаться в различных жуках. Как и человеческая душа, *ханя* животного во время сна покидала тело и странствовала по сакральным мирам [7, с. 27]. Кроме животных, и каждое растение также имело свою душу *ханя*.

Таким образом, применяемая нами методика историко-культурологической ретроспекции позволила реконструировать общие контуры многомерной космогонии орочей XIX — начала XX века. Воссозданная и проанализированная в ходе исследования модель космологических представлений орочей репрезентирует самостоятельный оригинальный мифотворческий проект этнокультурного развития. Данный мифотворческий проект формировался в результате многовекового соседского взаимодействия с другими амуро-сахалинскими этносами, бытования их в сходных природно-ландшафтных условиях, единого генезиса архетипов и мифоформ сознания и поведения, что закономерно привело к образованию у них общих черт в духовном культурустроении мира.

Список использованных источников

1. Аврорин, В. А. Представления орочей о Вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» / В. А. Аврорин, И. И. Козьминский // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1949. Т. 11. — С. 322—331.
2. Аврорин, В. А. Ороческие тексты и словарь / В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. — Л., 1978. — 263 с.
3. Арсеньев, В. К. Орочи (орочоны). (Из путевого дневника) / В. К. Арсеньев // Православный благовестник. — 1909. — № 17. — С. 215.
4. Арсеньев, В. К. Путевой дневник 1908 — 1909 гг. По берегу моря от залива Де-Кастри до реки Самарга и по рекам Анюю, Хуту, Коппи, Тумнину, Хору, Мухену, Аму-

- ру, Хунгари / В. К. Арсеньев // Архив ПЦРГО—ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. № 4. — Л. 783, 795, 831, 857.
5. Арсеньев, В. К. Путевой дневник № 1. 1908 — 1909 гг. По рекам Анюю, Тумнину, Коппи, Амуру, Хунгари, а также по берегу моря залива Де-Кастри до реки Самарга / В. К. Арсеньев // Архив ПЦРГО—ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. № 10. — Л. 26, 65—67, 71, 72, 85, 163, 164, 172, 178, 178а, 182, 189, 190, 192, 193, 199—203, 206, 207, 210—213, 218, 219, 221, 223, 225, 228, 233.
6. Арсеньев, В. К. Путевой дневник № 2. Юбилейная экспедиция 1908 — 1909 гг. в память присоединения

- Приамурского края к России в 1860 г. / В. К. Арсеньев // Архив ПЦРГО—ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. № 11. — Л. 15, 16, 20—22, 28, 35, 38, 46—50, 55, 57—67, 75, 76, 81, 105, 151.
7. Березницкий, С. В. Мифология и верования орочей / С. В. Березницкий. — СПб., 1999. — 208 с.
8. Бляхер, Е. Д. Мировое древо и мифологическая картина мира. Три лекции по спецкурсу «Мифология народов Приамурья и общая теория мифосимвола» / Е. Д. Бляхер. — Хабаровск, 1996. — 34 с.
9. Васильев, Б. А. 5 дней среди орочей. Очерк / Б. А. Васильев // Архив МАЭ РАН. — Ф. 12. — Оп. 1. — 124. — 15 л. 1928—1929 гг.
10. Васильев, Б. А. Старинные способы охоты у приморских орочей / Б. А. Васильев // СЭ. — 1940. — № 3. — С. 161—171.
11. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1: Запреты на охоте и иных промыслах / Д. К. Зеленин // Сб. МАЭ. — Т. 8. — Л., 1929. — С. 3—151.
12. Куфтин, Б. А. О шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива 1927 г. / Б. А. Куфтин. — Архив МАЭ РАН. — Ф. 12. — Оп. 1. — № 48. — 75 л.
13. Куфтин, Б. А. О материальной культуре, шаманизме орочей. Полевая записная книжка. [Автограф]. 1927 г. / Б. А. Куфтин // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. № 48. — 84 л.
14. Лопатин, И. А. Орочи — сородичи маньчжур. ОИАК. Историко-этнографическая секция. Отдельные издания. Сер. А. Вып. 6. / И. А. Лопатин. — Харбин, 1925. — 30 с.
15. Маргаритов, В. П. Об орочах Императорской Гавани / В. П. Маргаритов. — СПб., 1888. — 56 с.
16. Мифологический словарь. — М., 1991. — 736 с.
17. Николаева, Н. А. Истоки славянской и евразийской мифологии / Н. А. Николаева, В. А. Сафронов. — М., 1999. — 312 с.
18. Скоринов, С. Н. Мифологическая культура тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина XIX—XX вв. / С. Н. Скоринов. — М.; Хабаровск, 2004. — 380 с.
19. Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк. — М., 1991. — 279 с.
20. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю: в 2-х т. — Л. Т. 1. 1975.— 672 с.; Т. 2. 1977 — 992 с.
21. Топоров, В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений / В. Н. Топоров // Народы Азии и Африки. — 1964. — № 3. — С. 25—37.
22. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Я. Л. Штернберг. — Хабаровск, 1933. — 740 с.

Диалог культур и этносов

Леховицер Наталья Алексеевна,
начальник отдела искусств
министерства культуры
Хабаровского края

Декоративно–прикладное искусство нанайцев: проблемы сохранения, перспективы развития

**Исторические и со-
временные аспекты
декоративно-приклад-
ного искусства нанай-
цев.**

Декоративно-прикладное искусство нанайцев, как и других коренных этносов Хабаровского края, стало предметом научных исследований со второй половины XIX века. Оно рассматривалось в работах известных отечественных и зарубежных историков, археологов, этнографов [3; 5; 8; 10; 11; 15; 22; 29; 34 и др.].

Исследования учёных являются доказательством того, что декоративно-прикладное искусство народов Севера не стоит на месте, оно меняется: какие-то особенности, иногда — целые виды (например, плетение из камыша и тростника), к сожалению, утрачиваются, исчезают, а другие сохраняются, но видоизменяются, нередко отходя от традиций. И это объяснимо: меняются исторические, социально-экономические, культурные условия жизни, становится выше образовательный уровень людей, занимающихся художественным творчеством,

заметно иными становятся запросы тех, кто интересуется этим творчеством. Тем не менее, развитие современного декоративно-прикладного искусства, несомненно, происходит и идет в разных направлениях.

Народное декоративное искусство нанайцев было тесно связано с их хозяйственной деятельностью и являлось неотъемлемой частью их жизни и быта. Оно с древних времён развивалось в общем русле с самобытной художественной культурой потомственных охотников Нижнего Амура и Сахалина и представлено орнаментом, плоскостным сюжетным рисунком, а также скульптурными и архитектурными формами.

В области народного декоративного искусства нанайцев, как и других аборигенных народов Дальнего Востока, Сахалина существовало чёткое разделение труда. Женщины преимущественно занимались обработкой изделий из мягких материалов — рыбьей кожи, меха, шкур, тканей, волокон растений, бересты. Их произведения отличаются мягкостью форм, яркой тональностью, тонким вкусом. Мужчины работали с твёрдыми материалами — с металлом, деревом, костью, рогом, камнем. По словам профессора П.Я. Гонтмахера, им присущ особый стиль, для которого характерны строгость и чёткость линий, простота и лаконизм художественных средств и приёмов [3, с. 8—9]. По словам Ф. Энгельса, причину такой специализации нужно искать в существующем чисто естественном происхождении, а также в разнице между социальным происхождением мужчины и женщины [36, с. 159].

Многие известные исследователи Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг, И.А. Лопатин, этнограф А.Ф. Старцев и другие подробно в своих работах описали технику изготовления и особенности кузнечного дела у аборигенов Дальнего Востока. Экспедиционно-полевые мате-

риалы исследователей позволяют сделать вывод, что кузнечеством нанайцы стали заниматься лишь несколько веков тому назад, но эти традиции имеют давние истоки. По данным С.В. Иванова, тюрко-монгольскому компоненту в художественной обработке металла у нанайцев принадлежала значительная роль, а влияние на них культуры кочевых скотоводческих племён началось ещё в раннем средневековье, в период Киданьской империи Ляо [10, с. 437].

Известные нам предметы XIX века свидетельствуют о том, что нанайцы прекрасно знали технику инкрустации серебром и медью по железу. Эта техника относится к довольно сложным приёмам металлообработки. Характер орнамента, исполненного инкрустацией, его мотивы и стилевые признаки — вполне не местные, амурские. Всё это говорит об определённой давности художественной обработки металлов у нанайцев. Согласно исследованиям С.В. Иванова, ещё в средние века техника инкрустации могла проникнуть к народам Амура от народов Восточной Азии и была усвоена местными мастерами. Следовательно, в лице народов Нижнего Приамурья можно видеть прямых наследников и продолжателей технических навыков художественной обработки железа, давно усвоенных народами Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии [10, с.341-342].

В качестве украшений для одежды нанайцы использовали железные подвески, которые, по описаниям исследователя П.Я. Гонтмахера, по форме и орнаменту близки к нивхским и ульчским украшениям подобного рода [6, с.71—74]. Железные подвески нанайцев отличаются большим разнообразием: они орнаментировались простыми криволинейными линиями, насечками, кружочками, точками и т.д. Ажурные металлические подвески нанайцев хорошо гармонировали со всем обликом одежды, которую

они были призваны украсить. Многочисленные деревянные модели для отливок и глиняные формы, хранящиеся в фондах музеев, да и сами готовые подвески свидетельствуют о том, что нанайцы сами делали отливки для подвесок.

Заслуживают внимания различные нанайские украшения из серебра, меди, кости, раковин, реже из нефрита, яшмы, стекла. Любовь к ним нашла отражение в легендах, преданиях, в музыкальном фольклоре. В нанайских преданиях украшения приносят удачу, они помогают в жизни, украшают её. Украшениями служили браслеты, кольца, серьги (носовые и ушные), бусы, бляшки и т.д. По описанию И.А. Лопатина, они изготавливались «...или из янтаря или из нефрита. Форма их большей частью — круг с дырою по середине, а иногда по виду напоминают большое кольцо...».

Одним из древних и интересных видов декоративно-прикладного искусства нанайцев, нивхов, ульчей и других малых народностей Дальнего Востока является резьба по дереву. Изделия, которые искусно делались руками нанайских мужчин, были немногочисленны: это оружие и принадлежности охоты, рукоятки ножей, пороховницы, окна и двери жилища, а также столы, полки, другие вещи домашней обстановки, изготавливаемые из дерева и других твёрдых материалов. Особенно красиво нанайцы украшали свои жилища, как снаружи, так и внутри. Одно из главных значений в домах нанайцев, нивхов и ульчей играли священные столбы и жертвенники (у нанайцев — тороан, ульчей — тура, туру, дару и т.д.), стоявшие как снаружи, так и внутри дома. Как правило, у нанайских и ульчских народностей возле жилища стояло три столба: средний диаметром до 20—25 см, был выше дома, по бокам находились столбы поменьше. Реже — один. С виду это были обыкновенные деревья, несколько обтёсанные снизу. Средний столб имел

в разрезе форму четырёхугольника (или такое сечение имела только средняя часть столба). На его поверхности обычно вырезали изображения шаманской мифологии — змей (симур), драконов (мудур), ящериц (исэлэн), жаб (кутуэ). На вершине центрального столба, а иногда и на всех трёх, помещались скульптурные изображения птиц: в основном кукушки, реже ласточки, которым приписывалась способность поднимать душу шамана к небесам для общения с божествами и духами. У подножия центрального столба обычно устанавливали деревянную фигурку — поясное изображение духа — помощника шамана, покровителя людей, хозяина жилища диулин, или ливэнэ диулин. Нижняя часть этой скульптуры закапывалась в землю. Рядом помещались изображения других духов — помощников шамана: по три ящерицы исэлэн, пять змей симур, шесть черепашек аян. Этот ритуальный скульптурный комплекс огораживался низенькой оградой, наверное, для того, чтобы никто из смертных не мог нарушить покой сократального мира. Считалось особо тяжким грехом ненароком дотронуться до этих святынь [26, с. 247, 248].

Внутри дома нанайца имелось десять наружных столбов и два внутренних, в то время как у ульчей и нивхов могло быть 14 внешних и два-три внутренних. Два наружных столба — гуси торани — и два внутренних — давуи бакса и довуи бакса — были самыми большими. Высота их колебалась от четырёх до пяти метров, диаметр равнялся 15—20 см.

Угловые столбы не превышали 1,5—2,1 м и были равны высоте стен дома. У нанайцев они назывались поксо торани, в то время как у ульчей — деко турани. Нанайцы почитали эти столбы, особенно столбы гуси тора, и, как писал известный учёный И.А. Лопатин, поклонялись им как духу, покровительствующему дому [17, с. 79—82]. У нанайцев, как у нивхов и

ульчей, эти столбы украшались орнаментом, рисунками из бытовых и промысловых сценок. Это были изображения животных или каких-нибудь других фигур: кабана, изюбра, косули, медведя, зайца, змеи, лягушки, охотника.

В деревянной скульптуре большое значение имели изображения медведя на «празднике медведя», хотя этот праздник нанайцы не отмечали так широко, как нивхи или айны. Образ медведя в народном декоративном искусстве нанайцев тем не менее более канонизирован, чем даже у нивхов, айнов, ороков. П.П. Шимкевич отмечал, что изображения духов медведя «гольды делают из дерева, сушёной травы, металла». Эти изображения предназначались «для излечения от общего недуга, проявляющегося в болезнях рук и в послеродовых болезнях». Кроме того, они помогают удачному лову рыбы, главным образом Калуги [33, с.40—41]. Интересны изображения медведей с отверстием в животе, в котором помещалось девять маленьких изображений лягушек, медвежат, черепахи, змеи и других животных. Это комплексное изображение делалось для устранения послеродовых мук у женщин или же беременной в случаях, когда она страдала болями в животе. Главная фигура в этом комплексе — скульптурное изображение стоящего медведя [17, с. 63]. Или, например, такое комплексное изображение: к медведю привязывались человеческие фигурки и фигурки птиц, имеющие упрощённые формы. Всё в целом означало, что болезнь уносится к морю при помощи птиц и духов в образе человека [12, с. 12].

Ритуальная скульптура нанайцев изготавливалась не только из дерева, но и из озёрных кочек, соломы, металла. Такого рода занятиями занимались только мужчины. Под руководством шаманов при помощи топора и ножа они создавали деревянные ритуальные изваяния — сэвэны

(бурханы, идолы, онгоны, сэвоны), которые, по представлениям нанайцев, являлись вместилищем духов-покровителей, помощников шаманов [2, с. 23].

Культурная скульптура нанайцев, являясь воплощением духов-покровителей, поддерживала и гарантировала в жилище «одомашненность» пространства, укрепляла границы человеческого жилья. Вне жилища она обладала способностью приносить благополучие предпринятому мероприятию, становилась скульптурным воплощением Бога или помощником шамана, излечивая от болезней. Скульптура занимала вполне определённое место в соответствии со значением её в общей картине мира. Её почитание определяло общий ритм, «который связывает воедино пространственные и временные координаты», образуя спираль, своеобразный универсальный знак, всеобщую формулу жизни. Спираль — главный элемент нанайского орнамента, который очень ясно прослеживается и в скульптуре.

В современное время среди коренных малочисленных народов Амура среднего и старшего возрастов находит широкое распространение применение магии лечебных амулетов. Символика лечебных амулетов, используемых в своей знахарской практике как шаманами, так и народными целителями была исследована в работе А.Б. Островского [23]. Но в большей степени сегодня амулеты исполняют роль некоего этнокультурного сувенира, который преподносят гостям с пожеланиями здоровья и счастья. Лечебными амулетами являются сэвэнчики, которые нанайцы изготавливают в форме фигурки с ножкой — от больных суставов, с отверстием посередине — от недугов желудка. И сегодня в нанайской деревне Сикачи-Алян Хабаровского края эти «народные препараты» продаются в основном туристам, посещающим эти места.

Также, изготовленные нанайца-

ми сэвэны используются в экспозициях краевых музеев города Хабаровска: Дальневосточного художественного, краеведческого музея им. Н.И. Гродекова.

С древних времён аборигены занимались обработкой кости — кита, оленя, собачьих позвонков. Художественная обработка кости и металла — это удел немногих особо одарённых мастеров, пользующихся большим уважением среди аборигенов [3, с. 58—61]. Искусство мастеров проявлялось и в изготовлении оружия, особенно охотничьих копий [3; 6, с. 61—66; 35, т. 2, с. 254].

Большого мастерства резчики добились при изготовлении бытовой и ритуальной посуды. Следует заметить, что у нанайцев, как и у других народностей Нижнего Амура, для каждого конкретного обрядового действия существовала своя разновидность священной жертвенной посуды и инвентаря [3, с. 49]. Своеобразна и интересна посуда, использовавшаяся на празднике медведя [17, с. 210, 212, 215, 221, 233]. Эта посуда по стилю, конструкции, декору напоминает нивхскую, а также несколько в меньшей мере — ульчскую. Кроме ритуальной посуды, у нанайцев широкое применение получили и берестяные изделия. Вообще художественной обработкой изделий из бересты занимались нанайские женщины. Из неё они изготавливали посуду, различные коробки для хранения ложек, столовых палочек, ножей, чашечек и мелких предметов быта. Орнаментика нанайских берестяных изделий включает, по классификации С.В. Иванова, четыре основных типа: зооморфный, растительный, облаковидный и геометрические мотивы [10, с. 381]. Сохранились многочисленные выразительные и редкие образцы орнамента на коробках из бересты: стилизованные изображения рыб, бабочек, лягушек, змей, петухов, родовых деревьев с животными и птицами, которые включаются в сложную систему

завитков, покрывающих всю поверхность украшаемого предмета. В амурской бересте стилизованные изображения входят в орнаментальную систему, которая, как отмечал академик А.П. Окладников, является «строительным материалом для орнамента» [22, с. 42—43]. Можно предположить, что орнамент исполнял роль оберега и являлся своеобразным средством символической коммуникации между человеком и миром духов, мифических предков и т.д. Примечательно в этой связи, что аборигены делали из бересты и хранили в качестве образцов различные вырезки и трафареты [3, с. 100] — оригинальные источники культурной памяти этноса, кладези народной мудрости и творчества.

Судя по рисункам на берестяных изделиях, изготовленных в начале XIX века, техника современной художественной бересты нанайцев потерпела совсем незначительные изменения. Это подтверждает жизненность многовековых художественных традиций женского нанайского декоративного искусства.

В фондах Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова хранятся три берестяные коробки работы нанайской мастерицы, члена Союза художников России А.К. Самар. Одна из них — цилиндрическая — называется куркэ, украшенная резными драконами.

Большой материал по изготовлению и художественному украшению одежды аборигенов приводится в работах П.Я. Гонтмахера, Т.В. Мельниковой, А.В. Смольяк, Ч.М. Таксами, Л.П. Тарвид и др. [3; 4; 18; 19; 20; 21; 28; 30; 31 и др.].

Традиционным материалом нанайских мастериц являлась рыба́я кожа, в отличие от своих соседей, кочевых степняков и северных народов, у которых основным материалом были войлок и кожа скота. В деле выделки рыба́ей кожи они достигли такого совершенства и мастерства, что даже для отделки той или

иной части костюма искусно изготавливали кожи определённой породы рыб. Например, кожа кеты — давахса — шла на изготовление халата, наколенников, обуви, кожа амура — курахса — на халат и наколенники, кожа щуки — гачахса — на обувь, кожа сома — лахса — на халат, кожа тайменя — дэлихса и линка — нимахса — на изготовление обуви.

Нанайцы, как и другие народы Севера, придавали одежде, национальным нарядам особое значение. Не только праздничная и свадебная, но и промысловая одежда во многих случаях была удобной, нарядной, гармонировала с окружающей средой. В одежде и других изделиях из мягких материалов с особенной силой сказались любовь и стремление нанайцев к изяществу форм, к красоте, к гармонии цвета и пропорций, художественной законченности и образности выражения своих чувств. Традиционные по форме, цветовому решению и орнаментации праздничные и ритуальные халаты, головные уборы, воротнички, перчатки из ткани и ровдуги отличаются высоким мастерством исполнения и необычайной тонкостью декоративной отделки. Нанайцы прекрасно знали секреты выделки, обработки материалов, что позволило им создавать высокохудожественные изделия, отличающиеся тонкостью исполнения и глубоким национальным своеобразием. Исследования историков и археологов Дальнего Востока не дают возможности судить об одежде предков современных жителей этого ареала. Имеются некоторые данные об одежде племён сушень, илоу, мохе, шивей и др. Однако А.В. Смоляк в своей работе «Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина» утверждает, что из названных этнических групп никто не жил на Нижнем Амуре, т.е. вниз от устья реки Уссури.

Нанайская женщина разрабатывала

покрой национальной одежды, её форму, расцветку. Именно женщине принадлежит также приоритет в разработке спирально-ленточного орнамента. Резчики — мужчины, взяв его за основу, изменили структуру, стиль, но оставили главное — его природу, сущностную основу, заложенную в женском искусстве.

Первой обобщающей работой по традиционной одежде нанайцев стала монография Ю.А. Сема [25]. По мнению Ю.А. Сема, одежда нанайцев сложилась в глубокой древности и изменялась на протяжении веков. Он выделил у нанайцев повседневный, праздничный, промысловый (рыбака и охотника), свадебный, погребальный костюмные комплекты и фрагментарно их описал. Монография Ю.А. Сема является первым широким и систематизированным описанием традиционной одежды нанайцев, но в целом носит фрагментарный характер.

Похожую классификацию традиционной одежды нанайцев предложила А.В. Смоляк [27, с. 78]. Она рассмотрела состав повседневного костюма нанайцев. Он состоит из верхнего и нижнего халата покто, из штанов пэру, наколенников ои. Покрой халата был очень простым, без всяких излишних деталей (воротника, пояса). Главное отличие женского халата от мужского состояло в том, что он шился длиннее и украшений на нем было гораздо больше (мелкие раковинки, бряцающие бляшки, разноцветные полоски). Автором была рассмотрена одежда нанайцев (в том числе ритуальная) в комплексе с традиционной одеждой других народов юга Дальнего Востока России, что ярко продемонстрировало общность их культур [28, с. 245].

Нанайские халаты в течение нескольких веков не претерпели в покрое и декоре особых изменений. Халаты ульчей наиболее близки в цветовом отношении к нанайским. Заметно отличаются от нанайских халатов нивхские праздничные

и промысловые халаты. Для них характерны более скромные цветовые отношения и крупный спирально-ленточный орнамент, прорисованный с графической чёткостью. Как полагает А.В. Смольяк, праздничные халаты нанайцев орнаментировались не только сложными композициями узоров, но и выполнялись различными швами, которыми владели далеко не все [29, с. 98-132].

Традиционные нанайские халаты из рыбьей кожи орнаментировались рисунком или аппликацией. По исследованиям, проведённым учёным И.А. Лопатыным [17, с. 61], нанайцы особое место придавали цвету, как средству наибольшей выразительности: с помощью цвета обозначалась торжественность или повседневность костюма. Цветовая символика изначально была тесно связана с отражением жизненных процессов.

Интересно и своеобразно было украшение верхнего халата сике, который входил в состав свадебного костюмного комплекса нанайской невесты во второй половине XIX — первой половине XX века. В орнаментальном плане наиболее интересна спинка сикэ. Исследователь С.В. Иванов расшифровал семантику составных частей и орнаментальных сюжетов сикэ, выявил в сюжете «древо жизни» нанайского женского свадебного халата [9, с. 237—242]. Композиционно спинка халата распадается на две части. В верхней половине были выполнены изображения чешуек, ромбов или горизонтальные полосы, которые образовывали символическую броню невесты и олицетворяли дракона. Нанайские мастерицы называли этот орнамент хэсиктэ — рыбы чешуйки. В нижней части халата располагалась другая орнаментальная композиция, которая получила название «древо жизни». Композиция включала два парных изображения лиственных деревьев, имеющих корни, что свидетельствовало об их жизнеспособности.

Среди корней размещались лягушки, ящерицы, черепахи, пауки. У стволов деревьев были вышиты стилизованные изображения оленей, изюбрей или кабарожек. Птицы, выполненные в нижней и средней частях кроны деревьев, чаще всего изображали уток, сов, петухов, реже — орлов. В верхней части кроны были помещены изображения маленьких птиц без крыльев, чоко, олицетворяющих души не родившихся детей. Ствол дерева нередко увенчан изображением солнца-цветка [9, с. 237—242]. В целом халат сикэ ассоциировался в нанайской культуре с лиственницей, священным деревом, из которого изготавливали ритуальную скульптуру, олицетворяющую главных нанайских духов — На Дуэнтэни (Бог тайги), дусэ (тигр) [24].

Исследователь С.В. Иванов на основе сравнительного анализа религиозных представлений эвенков Северо-Востока Китая пришёл к выводу о существовании древнего эвенкийского варианта изображения древа жизни, предшествующего нанайским [9, с. 239, 240]. Исследования Л.П. Тарвид по данной теме позволили ей сделать вывод, что в создании традиций исполнения композиций на спинке свадебного халата сикэ наверняка участвовали мастера из числа маньчжуров и родственных им племён [32, с. 30].

Изделия из ткани, которую приобретали или выменивали у соседних народов, нанайцы также украшали аппликацией и вышивкой. Аппликацией чаще всего пользовались в конце XIX — начале XX века. Автором К.Н. Белобородовой более детально изучен материал по изготовлению аппликации нанайцами [1, с.18—20]. Технологию орнаментирования изделий способами вышивки, аппликации, кожаной и текстильной мозаики также подробно изложил С.В. Иванов [10, с. 223].

Значительным разнообразием и сложностью отличалась нанайская вы-

шивка. Ею украшалась одежда, обувь, наколенники, рукавицы и т.д. Материалом для вышивки служили хлопчатобумажные нитки, гарус, шёлк, подшейный волос оленя, аорта лося, сухожилия. Для традиционной нанайской вышивки характерен приём чередования цветовых отрезков, причём чередование контрастное. Удивительное чувство пропорции, гармонии, тонкий вкус в работах, выполненных нанайской мастерицей, членом Союза художников России А.А. Самар. Созданный ею в 1995 году женский праздничный халат является истинным произведением искусства. Сегодня он демонстрируется в этнографической экспозиции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Среди женских видов рукоделия, наряду с вышивкой и аппликацией, наиболее популярной и широко распространённой у нанайцев, как и у других народов Нижнего Амура, является лоскутная мозаика. Она имеет многовековую историю и богатые традиции.

Лоскутная мозаика применяется в различных материалах: текстиле и рыбьей коже, ровдуге и мехе. Мастера накапливали мелкие обрезки этих материалов и сшивали лоскутки нитками из рыбьей кожи, создавая различные высокохудожественные изделия: ковры, сумки, одеяла, халаты. Выразительность текстильной мозаики достигается выверенной ритмичностью цвета, формы и размера лоскутов. Ритм — главный способ организации лоскутной композиции, он регулирует степень её динамичности и гармоничности.

Техника лоскутной мозаики не особенно сложна, но очень трудоёмка и кропотлива. Она требует от мастера исключительной тщательности и большого терпения.

В синкретичной этнической культуре техника рукоделия связана не только с эстетическими, но и с религиозно-

мифологическими представлениями народа. Так, у амурских жителей, в семьях, где часто умирали дети, существовал обычай шить одежду для маленьких детей из лоскутков, взятых у девяти многодетных женщин. Родители верили, что такое изделие будет сильным оберегом их малыша.

И сегодня техника лоскутной мозаики по-прежнему популярна. Мастера используют не только остатки материалов, но и покупают новые, разрезая их на лоскуты нужной формы. Старинное ремесло не только сохраняется, но и продолжает развиваться, изобретая новые технические приёмы, включая в традиционные узоры новые мотивы.

Орнамент народов Амура — один из ведущих компонентов декоративного искусства народов Нижнего Амура. В его структуре, композиции заложены основные координаты художественного творчества, своеобразная модель гармонии мира, в которой условным языком выражены мечты о гармонии природы и человека. Орнаментальное искусство народов юга Дальнего Востока, в том числе нанайского, изучали многие исследователи их культуры — А.П. Окладников, И.А. Лопатин, С.В. Иванов, К.П. Белобородова, П.Я. Гонтмахер и другие.

Для нанайского искусства характерно симметричное расположение орнаментальных мотивов, спокойный, но в то же время яркий колорит, разнообразие композиционных приёмов, графическая чёткость и ясность узоров. Сложные завитки нанайской орнаментики, по определению академика А.П. Окладникова, образуют такие же фантастические маски-личины, как и на древних наскальных рисунках Амура и Усури.

Известный этнограф, выдающийся учёный И.А. Лопатин, изучавший быт, нравы и культуру нанайцев, в своей монографии дал наиболее исчерпывающую оценку относительно старинного искус-

ства нанайцев и его традициям: «Гольды удивительный народ в своём искусстве... Самое важное, без искусства, без стремления украсить и поэтизировать гольд не делает ни шагу» [17, с. 331].

Орнамент явился универсальным средством для выражения эстетического и этико-нравственного в культуре аборигенов Приамурья, удачной формой отражения человеческой мысли и его опыта в разных сферах материальной и духовной деятельности. Как знаковая система орнамент помогал мастеру обобщать свои мысли, создавать определённые орнаментальные модели, важные для соплеменников идеи, социальные и нравственные концепции. Даже в виде простых штрихов, волнистых линий, несложных начертаний, орнамент был органически связан с вещью и служил её практическому назначению, выражал конкретную мысль, понятие о прекрасном у народов Приамурья.

Профессор П.Я. Гонтмахер, анализируя работы известных учёных, исследователей, таких, как И.А. Лопатин, Ю.А. Сем, А.П. Окладников, В.А. Аврорин, Е.И. Деревянко, С.Н. Оненко, А.В. Смольяк, Н.В. Кочешков, Е.А. Гаер, Н.Б. Киле и других отмечал, что каждый из них внёс определённый вклад в изучение духовного наследия нанайцев: «...И всё же в истории культуры нанайцев более всего высвечиваются, на мой взгляд, два имени: Лопатин и Сем» [7, с. 27—30].

Проблемы культурных связей монголов и народов Приамурья, и в частности нанайцев, по данным их орнаментики поднимаются в работах Н.В. Кочешкова. Сравнивая декоративно-прикладное искусство монголов и народов Приамурья, исследователь пришёл к выводу, что «сильное влияние монгольской культуры наблюдается в орнаментике и в искусстве народов Амура. Это влияние сказалось в форме и покрое одежды, головных уборов, форме и отделке подвесок к

поясам», — писал автор в своей работе «Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина».

Многие века орнамент для нанайцев служил не столько декоративным средством, сколько древней знаковой системой, концентрирующей в себе широкие знания всех предшествующих поколений о мире и обществе, универсальном кодированном языке, позволяющим обращаться во времени и пространстве людям разных эпох, разных родо-племенных обществ и этнических групп, разных половозрастных и социальных категорий. В течение последнего столетия символичесодержательное, информационное значение орнамента значительно уменьшилось, но художественные достижения нанайских орнаменталистов, высокий уровень формотворчества, композиционного мастерства не позволили приамурскому орнаменту уйти в забвение и сегодня он продолжает развиваться не только в рамках традиционного искусства, но и в работах профессиональных художников [14, с. 40].

Среди известных мастеров декоративно-прикладного искусства выделяются А.А. Самар, Л.У. Пассар, Е.А. Киле, Р.Г. Баранова, Л.Г. Бельды, В.Л. Самар, Л.Ф. Самар, Л.У. Пассар, Николай У, Ю.Д. Самар, Л.М. Заксор, О.А. Бельды, Д.Э. Оненко, Э.К. Киле, В.П. Одзял, Т.К. Ходжер.

Многие из них принимают участие во всероссийских, региональных, краевых персональных выставках декоративно-прикладного искусства, а народные мастерицы Л.Ф. Самар, Ю.Д. Самар удостоены премии Губернатора Хабаровского края за участие в краевом конкурсе в области народных художественных промыслов коренных малочисленных народов Севера.

Влияние русской культуры со второй половины XIX века нашло отражение в том, что старинные зимние дома

без настила и потолка уступали место рубленым домам, менялось и внутренне убранство жилища. Большие изменения произошли в одежде. В результате этнические традиции в искусстве, оставаясь в своей основе самобытными, начали приобретать новые черты.

Так, в 1950-е годы в искусстве нанайцев появляются новые изделия народного творчества — настенные ковры из хлопчатобумажных тканей, мужские рубашки-косоворотки, юбки, украшенные национальным орнаментом (З.А. Бельды, с. Дада), покрывала (М.Т. Киле, с. Джари), наволочки на диванные подушки (А.А. Ким, с. Болонь и Б. Бельды, с. Дада), а также домашние тапочки, различные сувениры в виде дамских сумочек, шкатулок, детских кукол. В декоре современных женских национальных халатов часто вместе с нанайским орнаментом встречаются русские, украинские, белорусские узоры. Данное нововведение свидетельствует о взаимодействии культур разных народностей [2, с. 28]. Продолжало сохраняться искусство изготовления берестяных изделий и плетения из лозы и традиционная техника их орнаментирования. Однако предметы из бересты делались в незначительных количествах. Это объясняется тем, что подобная домашняя утварь всё больше заменялась предметами промышленного производства.

Появился и такой новый вид прикладного искусства малых народов Амура, как настенная роспись. Например, клуб с. Кондон и Дом культуры с. Верхний Нерген украшены росписью в национальном стиле.

В изделиях мастеров прикладного искусства появились новые материалы (сукно, искусственный мех, кожа фабричного производства и её заменители, пуговицы, различные нитки), шире применялись приёмы обработки, заимствованные у соседних народов (вышивка

украинским и болгарским крестом, кружевные нашивки, орнаментирование тесьмой и сутажем).

Появление и развитие новых материалов, тканей, нитей, технологий обработки материалов привело к изменению традиционных технологий, расположения орнамента на изделиях. Трансформация произошла и с семантикой орнамента, перешедшего при копировании с ритуальных (свадебных) вещей на праздничные, повседневные. Сакральный, тайный смысл орнамента для нас утрачен. Если на ритуальных вещах орнамент носил характер оберега, то на бытовых он всё более приобретает декоративную функцию. И всё же орнамент не меняется коренным образом, он продолжает нести прежние функции, связывающие человека с его родословной, корнями, народом.

В связи с отмиранием шаманизма продолжали исчезать художественные изделия, связанные с отправлениями религиозных обрядов, в частности, скульптурные изображения различных бурханов и ритуальная орнаментальная резьба ритуальной посуды. Резьба по дереву распространена сейчас очень незначительно. Некоторые резные изделия имеют следы русского влияния, изменяющие весь облик вещи [13, с.153—154].

Обобщая материал по декоративно-прикладному искусству малых народностей Приамурья, автор пришёл к выводу, что оно представляет собой органическое сочетание новой тематики, новых материалов, приёмов обработки и форм с народными традициями.

Сегодня народное декоративное искусство нанайцев претерпело существенные изменения: оно сохранилось преимущественно представителями старшего поколения, исчезли многие этнические традиции. Современное народное творчество аборигенов представлено в основном мастерами художественной

резьбы по дереву, изготовлению берестяных изделий, ковров, халатов, орнаментальных композиций.

Вместе с тем появились новые виды художественного творчества и новые материалы, сложились профессиональные формы декоративно-прикладного и изобразительного искусства.

Возникший интерес к национальному искусству, возросший спрос на изделия ручного художественного труда вызвал некоторые отрицательные последствия. В изделиях стали применяться современные синтетические материалы, машинное шитье вместо ручного и т.д. Это резко понизило художественную ценность изделий, снизило их качество до рядового ширпотреба. Об этом писала искусствовед, исследователь К.П. Белобородова: «В настоящее время мастера Хабаровского края заметно начинают терять художественный вкус и чувство фактуры материала и изделий ...».

Проблема практического сохранения и развития традиций в области декоративно-прикладного искусства продолжает оставаться довольно острой. Сущность её в том, что достоинства и осо-

бенности, накопленные веками, остаются невостребованными, не имеют должного применения в современности. Так, в настоящее время практически забыт такой вид народного творчества, как изготовление изделий из кости и металла. Изготовленные нанайскими мастерицами предметы декоративно-прикладного творчества стали приобретать всё больше сувенирный характер. Чаще всего традиционная одежда выполняется мастерицами в одном экземпляре для выставок, праздников и затем становится музейным экспонатом. Примечательным явлением последнего времени стало использование элементов традиционной одежды, особенно орнаментальных мотивов, в качестве источника для творчества современных модельеров.

Таким образом, лучшие этнические традиции, выявленные и отмеченные в народном искусстве нанайцев, позволяют не только высоко оценивать духовное и эстетическое совершенство аборигенов Нижнего Амура, но и могут и должны обогатить современное декоративное и профессиональное прикладное искусство.

Список использованных источников

1. Белобородова, К. П. Приамурские узоры / К. П. Белобородова. — Л., 1975. — 106 с.
2. Бельды, А. И. Традиции и современность: заметки о нанайском декоративно-прикладном искусстве / А. И. Бельды // Вопросы теории, истории и методики преподавания художественно-графических дисциплин. Хабаровск, 1972. — Вып.2. — С. 23.
3. Гонтмахер, П. Я. Золотые нити на рыбьей коже / П. Я. Гонтмахер. — Хабаровск, 1998. — 128 с.
4. Гонтмахер, П. Я. Типология орнаментального искусства и методика изучения орнамента народов Амура и Сахалина / П. Я. Гонтмахер // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. — С. 152—173.
5. Гонтмахер, П. Я. История культуры нивхов (на примере декоративно-прикладного искусства XIX — середины XX): дис. ... канд. ист. наук / П. Я. Гонтмахер. — Владивосток, 1974. — 212 с.
6. Гонтмахер, П. Я. Художественная обработка металла у нивхов / П. Я. Гонтмахер // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). — Владивосток, 1978. — С. 71—74.
7. Гонтмахер, П. Я. Нанайцы: Этюды о духовной культуре / П. Я. Гонтмахер. — Хабаровск, 1996. — 113 с.
8. Деревянко, А. П. В поисках оленя золотые рога / А. П. Деревянко. — Благовещенск, 1978. — 144 с.
9. Иванов, С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображения на плоскости / С. В. Иванов // Труды ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. Серия. — М.-Л., 1954. — 838 с.
10. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока / С. В. Иванов // Труды ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. Серия. — М.-Л., 1963. Т. 81. — 500 с.

11. Иванов, С. В. Скульптура народов Севера и Сибири XIX — I пол. XX в. / С. В. Иванов. — Л., 1970. — 296 с.
12. Иванов, С. В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура / С. В. Иванов // Памяти В. Г. Богораза. — Л., 1937. — С. 12.
13. История и культура удэгейцев. — Л., 1989. — С. 153—154.
14. Киле, А. С. Искусство нанайцев: вышивка, орнамент. Традиции и новации / А. С. Киле. — Хабаровск, 2004. — 132 с.
15. Кочешков, Н. В. Проблемы этнических традиций в декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока / Н. В. Кочешков // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. — Владивосток. 1983. — С. 3—17.
16. Крейнович Е. А. Нихгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура / Е. А. Крейнович. — М., 1973. — 495 с.
17. Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования / И. А. Лопатин // Записки ОИАК ВОПО РГО. — Т. 17. — Владивосток, 1922. — 370 с.
18. Мельникова, Т. В. Специализированный ритуальный костюм и атрибуты негидальского шамана по материалам Хабаровского краеведческого музея / Т. В. Мельникова // Материалы науч. практ. конф. «Проблемы изучения и популяризации традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока России». — Хабаровск, 1996. — С. 86—90.
19. Мельникова, Т. В. Традиционная одежда нанайцев и магия / Т. В. Мельникова // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Материалы Вторых Гродековских чтений (Хабаровск, 29—30 апреля 1999 г.). — Хабаровск, 1999. — С. 176—179.
20. Мельникова, Т. В. Пояс как деталь традиционного нанайского костюма / Т. В. Мельникова // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Материалы Вторых Гродековских чтений (Хабаровск, 29—30 апреля 1999 г.). — Хабаровск, 1999. — С. 189—193.
21. Мельникова, Т. В. Традиционный нанайский мужской свадебный костюм (вторая половина XIX — первая половина XX вв. / Т. В. Мельникова // Третьи Гродековские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». — Хабаровск, 2001. Ч. 2. — С. 224—227.
22. Окладников, А. П. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья / А. П. Окладников // СЭ. 1959. — № 2. — С. 38—47.
23. Островский, А. Б. Мифология и верования нивхов / А. Б. Островский. — СПб., 1997. — 288 с.
24. Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания МСИИ г. Комсомольска-на-Амуре): Каталог / Сост. Т. А. Кубанова. — Комсомольск-на-Амуре, 1992. — 178 с.
25. Сем, Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX вв.): Этнографические очерки / Ю. А. Сем. — Владивосток, 1973. — 314.
26. Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк. — М., 1991. — 279 с.
27. Смоляк, А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем / А. В. Смоляк. — М., 1966. — 290 с.
28. Смоляк, А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект / А. В. Смоляк. — М., 1984. — 245 с.
29. Смоляк, А. В. Народные художественные ремёсла Приамурья / А. В. Смоляк. // Сельскому учителю о народных художественных ремёслах Сибири и Дальнего Востока. — М., 1983. — С. 98—132.
30. Таксами, Ч. М. Одежда нивхов / Ч. М. Таксами // Одежда народов Сибири. Л., 1970. — С. 166—207.
31. Тарвид, Л. П. Особенности традиционного костюма народов Приамурья / Л. П. Тарвид // Этнос и культура. Владивосток, 1994. — С. 118—130.
32. Тарвид, Л. П. Народное искусство Приамурья и проблемы этногенеза / Л. П. Тарвид. — Хабаровск, 2000. — С. 30.
33. Шимкевич, П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов / П. П. Шимкевич // ПО ИРГО. Т. 2. Вып. 1. — Хабаровск, 1986. — 133 с.
34. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. Я. Штернберг. — Хабаровск, 1933. — 740 с.
35. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края / Л. И. Шренк. — СПб, 1883. Т. 2. — С. 254
36. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 159.

Панков Борис Васильевич,
профессор кафедры
народных инструментов Хабаровского
государственного института искусств
и культуры, доцент

Дальневосточные реалии народной музыки

На Дальний Восток русские музыкальные инструменты попали с переселенческими группами из центральных областей России. В 1920 году в дальневосточных центрах культуры: Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Чите были сформированы театрально-музыкальные группы, включающие пианистов, вокалистов, а также музыкантов-народников. Определённую роль в развитии жанра народно-инструментальной музыки в регионе сыграли и концерты известного российского балалаечника А. Доброхотова, который в это время побывал в Хабаровске, проживал в трансграничных районах: Харбине (Китай), в Йокохаме (Япония), где создавал оркестры русских инструментов.

Известно, какую роль сыграл В.В. Андреев (известный музыкант исполнитель на балалайке, организатор и руководитель первого оркестра русских народных инструментов) в деле распространения

О русских музыкальных инструментах на Дальнем Востоке и развитии этнической музыки

оркестров русских народных инструментов по всей России. Министерство путей сообщения ещё в 1913 году выпустило циркуляр о создании оркестров во всех железнодорожных училищах. Строительство Китайско-Восточной железной дороги оживило развитие народно-инструментального исполнительства не только в полосе отчуждения, но и в целом во всех южных районах Дальнего Востока. Но, несмотря на большой интерес к народным инструментам, как в центральной части России, так и в периферийных регионах обучение игре на русских народных инструментах практически не велось. Развивалось обучение вплоть до 40-х годов самостоятельно. Лишь после Великой Отечественной войны в Хабаровском музыкальном училище стали стабильно функционировать классы народных инструментов.

Именно в этот период стали появляться первые оркестры народных инструментов на Дальнем Востоке (руководители: П. Ивачёв, И. Агафонов, А. Пасечник).

Задержка в развитии жанра сказалась в дальнейшем на репертуарной политике. Многие руководители оркестров (ансамблей) народных инструментов, решая эту проблему, занимались переложением, инструментовкой в основном произведений советских композиторов, классических, народных произведений, широко бытующих повсеместно, мало опираясь на региональную музыку. Эта тенденция практически сохранилась и в настоящее время.

Проанализировав творческое кредо дальневосточной композиторской организации, с сожалением приходится констатировать, что специально музыку для оркестра русских народных инструментов они не писали, поэтому был несколько утрачен дальневосточный колорит в исполнительской культуре музыкантов-народников.

С появлением в 1968 году Хаба-

ровского государственного института культуры внимание к развитию жанра возросло. Подготовлено большое количество специалистов — руководителей оркестров народных инструментов. Многие из них плодотворно трудятся в социально-культурной сфере.

Сегодня в учебные планы нового поколения (специальность «Народное художественное творчество», специализация «Оркестр народных инструментов», квалификация «Художественный руководитель музыкально-инструментального коллектива. Преподаватель») включена новая учебная дисциплина «Музыка для оркестра русских народных инструментов на Дальнем Востоке». Помимо теоретического экскурса предмет предполагает знакомство с оригинальной дальневосточной музыкой, которую можно адаптировать для исполнения оркестром русских народных инструментов, а также — музыкой известных российских композиторов, написанной о Дальнем Востоке. Целью данного предмета является владение на современном уровне репертуаром регионального значения, искусством интерпретации данного материала в условиях оркестрово-ансамблевого исполнительства, игры на баяне, аккордеоне и других народных инструментах. В процессе обучения студентам ставятся задачи по практическому освоению регионального репертуара во время производственных практик.

В этом плане очень важны творческие изыскания в классе инструментовки доцента кафедры народных инструментов М.А. Филиппова, подготовившего три сборника произведений этой тематики для оркестра русских народных инструментов. И он, и его студенты увлечены тематикой освоения и защиты дальневосточных рубежей.

Интересна судьба песни «Варяг», посвящённой русскому крейсеру и его героической команде, которые участвова-

ли в русско-японской войне на Дальнем Востоке. Вместе с канонерской лодкой «Кореец» крейсер сражался у Чемульпо (Корея) с японской эскадрой, но, опасаясь захвата, в 1904 году корабль был потоплен своей командой. Это был настоящий подвиг, который моряки совершили несмотря на явную угрозу гибели. Впоследствии этим событиям была посвящена не одна песня, которые слагал народ, поэты, композиторы. Капельмейстер Мокшанского полка М. Шатров, участник русско-японской войны в 1906 году создаёт первое инструментальное произведение, посвящённое этим событиям — «Мокшанский полк на сопках Манчжурии», более известный под названием вальс «На сопках Маньчжурии». Теперь эти песни особенно хорошо звучат в самостоятельной аранжировке выпускницы Оксаны Хвастуновой для детского оркестра русских народных инструментов ДМШ № 5. Чему это может научить юных оркестрантов — вопрос риторический.

Тематика других студенческих работ по инструментовке прямо касается региональных исторических фактов.

Действительно, кто не помнит слова известной дальневосточной песни: «По долинам и по взгорьям шли дивизии вперед, чтобы с боем взять Приморье, белой армии оплот, чтобы выгнать интервентов за рубеж родной страны...»? П.С. Парфёнов — автор песни, ставшей гимном партизан, командир Первой армии вооружённых сил, один из самых видных военных руководителей в период Гражданской войны на Дальнем Востоке. Впоследствии он возглавил политотдел штаба главнокомандующего, в качестве председателя мирной делегации Дальневосточной республики руководил переговорами с белогвардейскими армиями, входил в состав русско-японской согласительной комиссии.

1930-е годы ознаменованы прояв-

лением героизма дальневосточников на границе против японской военщины в схватках на озере Хасан и Ханка, на реке Халхин-Гол, нашедшего отражение в популярной ныне песне Дм. и Дан. Покрысов о защитниках дальневосточных рубежей «Три танкиста».

С 1945 по 1948 год с Дальним Востоком связана судьба известного советского композитора В.С. Левашова, работавшего художественным руководителем Матросского ансамбля песни и пляски Краснознаменной Амурской флотилии. Наиболее весомо раскрывает образы дальневосточников его поэма «Об Амуре» для солистов и симфонического оркестра. Сейчас студенты класса инструментовки М.А. Филиппова увлечённо работают над инструментальной народной версией этого произведения.

Председатель дальневосточного отделения композиторской организации России Ю.Я. Владимиров в своё время отдал много творческих сил отображению природы, людей региона музыкальными средствами. Известны его крупные сочинения-оратории, симфонии, кантаты, концерты. Первоначально его произведение «Увертюра на дальневосточные темы» была задумана автором для оркестра русских народных инструментов, рукопись нам найти не удалось. Зато переложение «Увертюры» для эстрадного ансамбля В. Горовица, напечатанное в сборниках «В помощь художественной самодеятельности» хранится в фонде Центра информационных ресурсов по искусству ДВГНБ. Теперь в классе М.А. Филиппова ведётся тщательная работа по восстановлению партитуры этого произведения для оркестра русских народных инструментов. Здесь работа студентов кафедры народных инструментов ХГИИК может смело сравниться с «музыкальной реставрацией».

Другой известный дальневосточный композитор Н.Н. Менцер, посвятивший

все свои произведения этнокультурной традиции коренных малых народов Дальнего Востока, к XIV Международному Тихоокеанскому конгрессу написал специальные музыкальные произведения для ансамбля национальных народных инструментов: «Гонка на оленях», «Весна», а также «Импровизация» для балалайки, исполненное впервые заслуженным работником культуры РФ С.В. Журавлёвым.

Музыкальным мастером В. Зубаревым по чертежам Н.Н. Менцера были изготовлены эксклюзивные музыкальные национальные инструменты коренных малых народностей Дальнего Востока. Конечно, нельзя не признать, что это скорее всего адаптированные к современным условиям музыкальные инструменты, напоминающие по конструктивным особенностям домру, балалайку. Отметим, что лежащая в основе русских народных инструментов троичность в расположении, например, кнопок/клавиш на клавиатурном щите баяна, струн на щипковых народных инструментах, повлияла на аналогичное строение и национального аборигенного инструментария. Акустические особенности, специфика звукоизвлечения на этих реконструированных инструментах позволяет выделить их в самостоятельный тип инструментария. В действительности у малых народностей Приамурья издревле ранее существовал свой самобытный музыкальный инструмент «сирпахта», по тембру напоминающий альт русского оркестра. Резонирующий корпус выделялся из дерева, бересты, жести. Сверху на него натягивалась специально выделанная рыба кожа. Отличительной особенностью этого традиционного монохорда является то, что он имел практически одну струну, на которой играли лукообразным смычком.

На этих национальных народных инструментах городской ансамбль пре-

подавателей Хабаровского краевого колледжа искусств и Хабаровского государственного института искусств и культуры исполнял многие творческие работы Н.Н. Менцера.

Добротным сочинением, которое используется в репертуаре оркестров русских народных инструментов, является две части Дальневосточного концерта для фортепиано с оркестром дальневосточного композитора Ю.Я. Владимировича (1970). Известно, что переселенческие группы с Украины превалялись, и поэтому в «Интермеццо» композитор сделал широкую распевную тему, основанную на интонациях украинской народной песни, главной. В третьей части украинский фольклор смыкается с национальными темами коренных малых народностей Приамурья. Здесь по-особому звучат и переинтонированные две наивские мелодии: «Рыбацкая» и «Нанайский вальс».

Стилевые особенности приморского композитора А. Гончаренко таковы, что его произведения свободно исполняются симфоническим оркестром, симфоджазом, духовым и оркестром русских народных инструментов. Образцом служит «Экспромт» для баяна (аккордеона). Это виртуозное сочинение не один раз становилось обязательной пьесой творческих исполнительских конкурсов Дальнего Востока. Один из лауреатов — Равиль Сатдаров (класс профессора Б.В. Панкова).

Биробиджанский композитор Роальд Васильев написал «Фантазию на темы песен о Дальнем Востоке», и сейчас это народное произведение в репертуаре оркестра русских народных инструментов Колледжа культуры города Биробиджана (дирижер А. Воинов).

Ждут своей аранжировочной расшифровки для оркестра русских народных инструментов произведения дальневосточных композиторов: В. Пороцкого, А. Новикова, С. Маскаева С. Сафонова

и других.

Много делает для популяризации жанра народно-инструментальной музыки на Дальнем Востоке страстный пропагандист, аранжировщик, руководитель ансамблей и оркестров русских народных инструментов Приамурья Е. Гора.

В преддверии празднования 70-летия Хабаровского края такую редакционную экспертизу проходили произведения: «Хабаровские огни» Ю.Я. Владимирова, как аккомпанемент Городскому академическому хору, лауреату премии имени Якова Дьяченко, и знаменитое сочинение композитора М. Кюсса «Амурские волны», — являющиеся визитными карточками региона, в классах инструментовки для оркестра (ансамбля) русских народных инструментов.

Три дня в краевом центре проходил V Всероссийский конкурс оркестров и ансамблей русских народных инструментов имени Н.Н. Калинина Дальнего Востока. В Хабаровск съехалось 20 творческих коллективов из Приморья, Еврейской автономной и Амурской областей, Хабаровского края. Были представлены города: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Биробиджан, Владивосток, Находка и многочисленные сельские населённые пункты региона. Более 300 участников — музыкантов-оркестрантов, ансамблистов — держали настоящий творческий экзамен перед взыскательной публикой в краевом Дворце культуры и спорта «Русь» города Хабаровска. Вместе с тем в рамках конкурса прошли концерты, встречи, круглые столы со студенческой молодёжью, преподавательским корпусом в краевом колледже искусств, институте искусств и культуры, в детских музыкальных школах.

Не вдаваясь далеко в историю, можно вспомнить, что первый создатель оркестров русских народных инструментов В.В. Андреев еще в начале XX века впервые включил в свой состав Велико-

русского оркестра русских народных инструментов хор рожечников под управлением О.У. Смоленского. А сегодня эхом тому событию у нас на Дальнем Востоке звучит прекрасный ансамбль народных духовых инструментов (рожки, жалейки и другие) «Вишенка» посёлка Черниговка Приморского края под управлением выпускников Хабаровского государственного института искусств и культуры Сергея и Марины Ишутиных. Что нравится в их исполнении, так это то, что музыканты «живут» на сцене. Включаясь в инструментальные диалоги, приплясывают, поют и параллельно играют и на других народных русских инструментах (балалайках, домрах, ударных). Вот такая многокрасочная палитра звуков буквально «обрушивается» на зрителей.

В селе Богородское Хабаровского края другой выпускник института искусств и культуры Вячеслав Васильков самостоятельно изготавливает музыкальные инструменты для своего народного ансамбля «Брякотуши», которые были распространены у населения Ульчского района в народно-инструментальных наигрышах. Так возник специфический инструмент — «дрова» (высушенные деревянные бруски интонационно настроены и имеют темперированный строй).

Продолжает традиции, заложенные в стенах Хабаровского государственного института искусств по изучению национальных и русских фольклорных традиций музыкального творчества Сибири и Дальнего Востока, выпускник кафедры народных инструментов, Лауреат государственной премии РФ, заслуженный артист России, художественный руководитель Театра национальных культур «Забайкальские узоры» Читинской области (преобразованной в Забайкальский край) Н.В. Сыроватко.

Сегодня специалисты смогут назвать в России не более одной-двух

трупп, профессионально работающих в формате этнотеатра. И речь здесь идёт не о традиционных фольклорных коллективах или этнографически окрашенных шоу-группах, а о самостоятельной художественной идее, реализованной в формате спектакля с привлечением всех возможностей зрелищного действия и аутентичной музыки народов Забайкалья.

«Сценическое искусство, имеющее в основе народную культуру, может дать людям несравненно больше, чем творческие открытия одного человека. Изучая народную культуру, погружаясь в неё глубоко, поражаешься заложенному в ней потенциалу. Это неисчерпаемое богатство способно быть основой опыта еще многих поколений. Здесь скрыта масса идей», — говорит Сыроватко своим коллегам, студентам института искусств и культуры на своих концертах в Хабаровском крае.

Традиции по возрождению и культивированию музыки местных авторов для оркестра русских и национальных инструментов стали основным творческим кредо в деятельности двух выпускников кафедры народных инструментов. Заслуженный деятель искусств Республики Саха (Якутия) Наталья Базавлева постоянно привозит с творческими отчётами

на Дальний Восток свой Государственный оркестр народных инструментов. Заслуженный деятель искусств РФ Виктор Сухорослов много сил отдал пропаганде инструментального исполнительства, буквально по крупицам собирая колоритные дальневосточные пьесы в начале свой творческой деятельности в Хабаровске, а сегодня он возглавляет государственный оркестр русских народных инструментов города Орла. Его наблюдения, опыт, знания легли в основу фундаментального труда «Из истории народного инструментального исполнительства в Центральной России» (Орёл, 2000). Именно с этими музыкальными произведениями он встал за пульт оркестра русских народных инструментов ХГИИК в юбилейный год кафедры, института искусств и культуры, провёл мастер-класс.

Народная инструментальная музыка, сами народные музыкальные инструменты, благодаря своей демократичности в освоении, способны вселить уверенность, эмоциональную константу, стать поистине «музыкальной сокровищницей веков» в раскрытии региональных особенностей богатства культуры Дальнего Востока.

**О народно-певческом
и хоровом исполнительстве
на Дальнем Востоке
России**

Захарченко Валерия Сергеевна,
доцент кафедры теории и истории
музыки Хабаровского государственного
института искусств и культуры

Традиции живая нить

Музыка, как и язык,
начинается с живой интонации.
И. Земцовский

Народная музыкальная культура — это, прежде всего, песня. Голос дан человеку от Бога; он является самым древним и самым богатым по своим выразительным возможностям музыкальным инструментом. Народное певческое искусство, зародившееся в глубокой древности, основано на постижении тайн живой интонации голоса. Эмоциональный тонус пения значительно превосходит слово; именно песня может выразить тончайшие оттенки чувства, недоступные словесной речи. Современное состояние развития общества таково, что в постоянном движении к ускорению, технологизации любых жизненно важных процессов люди зачастую теряют ключ живого общения друг с другом.

По словам Ю. Лотмана, «культура есть память. Она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества» [5, с.12]. В этом плане трудно переоценить важность традиции, ибо здесь происходит «процесс взаимодействия между прошлым с его вечными

истинами и настоящим с его неизбежными новациями» [5, с. 12].

Народное певческое и хоровое искусство на Дальнем Востоке России является частью огромного духовного наследия нашей страны. Почти в каждом городе, посёлке нашего обширного региона есть интересные, самобытные творческие народно-хоровые и народно-инструментальные коллективы, охватывающие самые различные возрастные группы населения. Среди них: ансамбль русской песни «Субботеюшка» г. Облучья, фольклорный ансамбль «Сударушка» г. Находки, музыкально-хоровая студия «Эхо» г. Комсомольска-на-Амуре, фольклорный ансамбль «Гордёна» детской школы искусств пос. Берёзового, детские народные хоровые и певческие коллективы музыкальных школ и школ искусств Хабаровска, Арсеньева, Ванино, Амурска, сёл Анучино, Мирного, пос. Солнечного и др.

Не остались безучастными к народной песне и люди старшего поколения. Старейший коллектив Дальнего Востока — хор ветеранов «Память сердца» — был основан 23 февраля 1957 года. Название хора не случайно: он действительно является свидетелем многих исторических событий, происходящих в нашей стране. С 1979 года коллектив носит звание народного хора.

2007 юбилейный год был особенно богат на творческие достижения. Отметим наиболее важные события. В феврале хор стал победителем фестиваля солдатской и патриотической песни железнодорожного округа г. Хабаровска. В марте 2007 г. «Память сердца» — победитель Хабаровского городского фестиваля музыкальных коллективов ветеранов «Хабаровская весна — 2007». В мае хор становится дипломантом фестиваля духовной и классической музыки, а в июне 2007 года он удостоен дипломом 2-й степени на краевом фестивале па-

триотической песни. В юбилейный, 2007 год, хор дал 33 концерта.

С 1986 года руководителем хора «Память сердца» является Збруев Анатолий Дмитриевич, заслуженный работник культуры РФ, автор и аранжировщик многих песен.

2006—2007 годы оказались в какой-то мере символическими для Анатолия Дмитриевича. Отметим шесть важных вех его жизни и творческой деятельности: 10-летие присвоения звания «Заслуженный работник культуры РФ», 20-летие руководства хором «Память сердца», 30-летие окончания Хабаровского государственного института искусств и культуры, 40-летие творческой деятельности, 50-летие хора «Память сердца», 60-летие со дня рождения Збруева Анатолия Дмитриевича.

Репертуар хора «Память сердца» включает вокальные произведения самой различной тематики. Но особенно следует отметить военную тему, а также песни о родном крае, о дальневосточной природе, о Хабаровске. А.Д. Збруев — автор многих песен. В одной из них — «Сохраним тишину» на слова Э. Кузнецова — особенно ощутима тревога за нашу планету, за мирное будущее детей и внуков.

Волнуется земля, что в поднебесье
Ракеты стали чаще птиц взлетать,
Что мир её бескрайний и чудесный
Однажды может серым пеплом стать.

В другой песне военной тематики «Две матери» судьба матери, неждавшейся сына с войны, сравнивается с судьбой Волги; широкая русская река является символом родины.

Особой теплотой проникнуты песни А.Д. Збруева о Дальнем Востоке, о Хабаровске. Амур-батюшка, богатырь былинных времён, утёс как символ города, тайга — основные темы его творчества. Стиль песен А.Д. Збруева — мягкий, задушевный. Автор активно использует

жанровые модели романса, частушки, вальса; мелодика песен включает натуральноладовые обороты. Всё это легко ложится на слух и запоминается.

В 2008—2009 годах хор «Память сердца» завоёвывает новые вершины творчества. Он — лауреат фестивалей «Хабаровская весна — 2008», «Россия начинается с Востока», «Россия — великая наша держава»; дипломант фестивалей «Благовест», «Россия — Русь, храни себя».

Другой коллектив старшего поколения — хор «Россияне» — был создан в 1998 году. В его составе 28 человек; есть участники и ветераны Великой Отечественной войны, многие являются заслуженными работниками Дальневосточной железной дороги (ДВЖД).

Самому старшему участнику хора, Меняйлову Алексею Григорьевичу, 85 лет. Он поёт в мужской вокальной группе, участвует в танце! Алексей Григорьевич — участник Великой Отечественной войны, почётный железнодорожник.

В 2001 году «Россиянам» присвоено звание «Народный коллектив», а в 2004 и 2008 годах оно было подтверждено. В 2005 и 2006 годах хор признан лучшим ветеранским коллективом Хабаровска, награждён дипломом администрации города в номинации «Вокально-хоровое исполнение». В 2007 году «Россияне» — участники и дипломанты галла-концерта ветеранских коллективов г. Хабаровска. В 2008 году они стали дипломантами районного фестиваля солдатской песни. В марте 2009 года хор «Россияне» награждён дипломом за лучшее исполнение песен патриотической направленности.

В настоящее время коллектив является лауреатом премии имени Я. Дьяченко.

Автору настоящей статьи повезло присутствовать на репетиции хора, пообщаться с его руководителем Николаем Поздняковым, а также с его

участниками. Мы были приятно удивлены той энергией, задором, исходящими от этих творческих людей. В составе хора есть женская и мужская вокальные группы.

Где-то за деревней, на холме высоком
Белая берёза наливалась соком, —
пело женское трио. Чистые, молодые, звонкие голоса, заполняя вокруг всё пространство, отзывались в сердцах людей светлой грустью, наполняя душу гармонией и ещё чем-то очень важным, необходимым для каждого человека.

А далее в исполнении хора прозвучали частушки, песни о войне, о дальневосточной железной дороге, о прекрасных людях, работающих на ней.

«Страна моя, я сил не пожалею для того, чтобы ты светлей, прекраснее была», — эти слова являются своеобразным девизом «Россиян».

«Россияне» — поистине уникальный коллектив, вызывающий чувство восхищения. Люди, испытавшие невзгоды, социальные потрясения, пережившие войну, боровшиеся против фашизма, сохранившие великую любовь к отчизне — это подлинное духовное богатство страны.

«Мы — как одна семья. Встречаем вместе праздники, юбилеи, выезжаем на природу, а когда приходит время, морально поддерживаем друг друга», — говорит Обусова Антонида Николаевна, одна из участниц хора.

Творческое общение не прекращалось и за пределами репетиционного зала. Уже в автобусе, который вёз «Россиян» на очередной концерт, люди пели частушки, романсы, лирические протяжные.

Духовную эстафету поколений подхватывают многочисленные народно-хоровые коллективы. Среди них — Хабаровский муниципальный украинский хор «Батькивська крыныця». Художественный руководитель хора — дипломант Министерства культуры Украины, дипло-

мант Министерства по делам национальностей Украины, кавалер почётного знака «Украина-Свит» Наталья Романенко.

Коллектив прошёл сложный и интересный путь становления и развития. В 1993—1995 годы это был Ансамбль украинской песни. В 1996 году он получил название «Мрия», а в 1997 преобразован в хор «Крыныця». По словам Н. Романенко, название «Батькивська крыныця» далось не сразу. А теперь оно глубоко символично и уважительно, как имя и отчество. «Батькивська» означает «отцовское». Заметим, что украинская культура произошла от казачества, в котором мужское начало было главным. Батько — отец, глава семьи, он же сравним с Богом. Крыныця — это исток, родник. Вся творческая деятельность хора направлена не только на возрождение национальных истоков Украины, но и на поиски утраченных связей с русской, а ещё шире — со славянской культурой.

«Все мы — люди одной нации. Ведь раньше никто особенно не различал украинца или русского, даже люди назывались россами, либо малороссами», — в этих словах Н. Романенко есть великая правда истории, жизни.

Концерты «Батькивської крыныци» включают, помимо песен, танцев, небольших театрализованных номеров, беседы об украинской культуре. Так, мы с удивлением познаём некоторые исторические факты становления нашего города и края, в которых самое непосредственное участие принимали переселенцы с Украины. В 1858 году, на пути к устью Амура, 13-й линейный сибирский батальон под командованием уроженца Полтавщины Якова Дьяченко определил место для основания поселения, возвышенное, с красивым утёсом вблизи стрелки Амура и Усури. Уже через 22 года военный пост Хабаровка получает статус города, а ещё через десяток лет — гордое, почти казачье имя — Хабаровск!

Генерал-губернатор Приамурья Николай Иванович Гродеков был потомственным дворянином из Херсонской губернии. Святитель Иннокентий Иркутский, православный покровитель Сибири и Дальнего Востока, в честь которого выстроен храм на берегу Амура, был родом с Волыни.

История Хабаровска тесно соприкасается с украинской культурой. Так, одна из улиц города носит имя «великого кобзаря» Тараса Шевченко. Такое название ей было дано по просьбе жителей украинских слободок и украинского общества «Просвіта», созданного 7 марта 1921 года в честь 60-летия памяти Тараса Шевченко.

В 2009 году наша страна отмечает две важные даты — 200-летие со дня рождения Н.В. Гоголя и 195-летие со дня рождения Т.Г. Шевченко. Оба имени являются гордостью украинской и русской культуры.

Творческая деятельность «Батькивської крыныци» во многом основывается на активной исследовательской и организаторской работе её руководителя Н. Романенко. Автору настоящей статьи удалось получить интервью от Натальи Валерьевны. Некоторые интересные факты мы здесь освещаем.

Наталья Валерьевна с детства приобщилась к народной песне. По её словам, в семье её родителей постоянно звучали песни на украинском языке. А воспитана Н. Романенко была в стенах Хабаровского государственного института искусств и культуры. Отец, Ковынев Валерий Николаевич, доцент, преподавал сценическую речь и ораторское искусство. Мать, Романенко Лидия Павловна, культуролог, менеджер-экономист, в течение долгого времени работала на факультете СКИИД. Помимо музыкальных способностей, у Натальи рано проявились художественные склонности, одарённость в области дизайна, вышивки, шитья, крой-

ки платья, конструирования головных уборов. Последнее очень помогает ей в непосредственной творческой деятельности: многие национальные костюмы выполнены под её руководством.

Н. Романенко — выпускница Хабаровского государственного института искусств и культуры; в 1996 году прошла стажировку в Киевском государственном университете искусств и культуры. Важным направлением её деятельности является исследовательская работа. Н. Романенко участвовала в этнографических экспедициях по Воронежской области, записывала «с голоса» многие украинские и казачьи песни, изучала национальные обряды, праздники, костюмы. Хор «Батьківська крыниця» исполняет подлинные украинские песни. Коллектив — это маленький остров национальной культуры, где уважают традиции, обряды, определённые нравственные устои.

Так, например, рушник является символом украинской культуры. Рушник сопровождал человека от рождения до смерти; он же являлся символом семейной жизни. В одной из песен репертуара хора есть такие слова:

Та поможи, Боже, на рушничок стати,
рученьки звязати.

Тоди не разлучить ни батько, ни мати,

Тільки разлучить заступ та лопата!

Действительно, Господь поможет сохранить рушничок, не разлучиться ни с отцом, ни с матерью, жить с рушником до «заступа с лопатой» т.е. до самой смерти.

Поражают костюмы участников хора. Здесь нет ничего случайного, всё продумано, подобрано с огромной любовью и до мельчайших деталей. Так, в «Батьківській крынице» есть особые рубахи со счётной гладью, с вышивкой бисером. Работа только ручная; до сих пор в сёлах Закарпатья, в которых изначально были приняты такие рубахи, сохранилось это

уникальное явление.

Среди участниц хора есть определённые деления по головным уборам. Девушки носят венки. А у замужних на головах намитка (намотка) — особый головной убор. Н. Романенко добавляет, что даже у просватанной невесты существовало «своё» украшение: у неё на висках располагались «маки».

Основой украинской культуры является целомудрие. В песнях различных времён и диалектов распространено обращение к девушке, идущей за водой. Это не случайно. Козак мог только так подойти к дивчине, познакомиться с ней.

У мужчин — участников хора — тоже есть определённые головные уборы, папахи из овчины. По папахе судили о социальном положении: у зажиточных козаков верхушка была выделана из бобра.

На Международном фестивале 2006 года костюм хора «Батьківська крыниця» был признан одним из лучших.

В репертуаре хора особенно следует выделить довги песни (долгие, протяжные, длинные), исполняемые чаще а сарелла, на 2—3 голоса. Так, песню «Чия то долина» начинает солист — запева-ла В. Девятко, а затем подхватывают остальные. Элементы гетерофонии чередуются с развитой подголосочностью; особенно выразителен средний голос (альт).

Поразительной глубины звука удалось достигнуть в песне «Ой, Боже, зглянься на нас». Это молитва, обращение к Господу, проникнутое тревогой за великую Украину, которая была и под властью гетманов, и воли не знала. Нижние голоса, образующие органнй пункт, как гулкые своды собора, создают ощущение колокольного звучания. Исполнение а сарелла близко церковному пению; верхний голос воспринимается как проповедь.

Чувством родины, отчего дома, дочерней и сыновней любви проникну-

ты песни «Мамина вишня», «Песня про рушник», «Киев мий». Есть в репертуаре и плясовые, частушечные напевы, трудовые песни. Среди последних отметим песни-танцы: «Картоплю» («Картошку»), «Млын» («Мельницу»). Здесь особенно важно мастерство не только солистов, но и концертмейстеров, Владимира Метальникова и заслуженного работника культуры РФ Юрия Лушникова.

Обязательным элементом концертов «Батькивської крыныця» является «выход на поклон». Зрители воспринимаются как гости, которых уважают, любят, ценят. Так, в песне «И в Вас, и в нас» есть добрые пожелания счастья, здоровья, богатства.

«Чтоб Вы и мы счастливы були», — поёт хор, и звучит это так искренно и правдиво, что хочется слушать его бесконечно.

Важной особенностью исполнительской культуры хора является то, что «Батькивської крыныце», на наш взгляд, удалось достичь поразительного понимания стилистики национальной украинской песни. Как справедливо отметил Ю. Платонов, «у каждого отдельно взятого народа есть свои песни, этнические звукоидеалы со своим звуковедением, звукообразованием, и в них заключается и колорит, и особенности пения, отличающиеся друг от друга... Но к сожалению, на сегодняшний день не существует специальных школ, средних и высших учебных заведений по обучению искусству пения со специфическим звукоизвлечением, присущим только той или иной нации» [4, с. 6].

У нас же сложилось впечатление о том, что «Батькивська крыныця» является приятным исключением из вышесказанного. Национальный колорит, подлинно украинский уклад проявляется и в манере пения, и в речи, и в костюмах, и в движениях при исполнении танцев. У хора своё неповторимое лицо, свой

стиль. И здесь не случайны многочисленные творческие победы: даже их простое перечисление заняло бы не одну печатную страницу. Отметим самые главные, и на наш взгляд, самые существенные.

«Батькивська крыныця» — лауреат дальневосточных и краевых фестивалей хоровой музыки, лауреат международного фестиваля «Кордоны наши вкаже письня» в Киеве (1999 год), лауреат международного фестиваля «Украинский спив у свити» в Киеве (2001, 2006 годы), участник III и IV Всемирных форумов украинцев. В сентябре 2008 года хор получил два диплома: лауреата 1-го Всероссийского фестиваля народного творчества «Культура объединяет народы» (г. Сочи). 22 апреля 2009 года «Батькивська крыныця» награждена почётным дипломом «За заслуги перед городом».

Автору настоящей статьи удалось лично пообщаться с художественным руководителем хора Натальей Валерьевной Романенко. Впечатление глубокой, почти фанатичной преданности делу служения искусству дополнилось восхищением личными качествами этого человека. Н. Романенко готова выступать с хором в любое время, перед любой публикой. Её не интересуют какие-либо материальные поощрения. На предложение дать беседу-концерт ветеранам Великой Отечественной войны, посещающим клуб «Камертон», Н. Романенко согласилась мгновенно и с огромным радостным воодушевлением. В свою очередь, пожилые люди с не меньшей радостью восприняли эту весть: «Батьковську крыныцу» они прекрасно знают и любят.

В Хабаровске есть и другой коллектив украинской народной песни — «Мрия». В ноябре 2008 года хор отметил 15-летие. «Мрия» была создана на базе центра украинской культуры «Зелёный клин» и состояла из преподавателей Дальневосточного университета

путей сообщения (руководитель центра — Марк Романович Прокопович). В настоящее время художественным руководителем хора «Мрия» является Марина Петровна Скороходова, доцент кафедры народно-хорового искусства ХГИИК.

В переводе с украинского «мрия» означает мечта. В хоре 25 человек; возраст участников — от 45 до 82 лет. Репертуар «Мрии» включает более 60 песен, среди них — украинские народные, протяжные, лирические, авторские, аранжировки М. Скороходовой и др. Наибольшей любовью у участников хора и слушателей пользуются следующие песни: «Реве та стогне Днипр широкий» на стихи Т. Шевченко, «Песня о Днепре» (стихи Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина), «Стоит над Волгою курган» (слова Д. Луценко, музыка И. Шамо), народная песня «Думы мои, думы». А приветственная величальная «Зелёное жито» является непременным атрибутом выхода, поклона украинского хора.

Главным направлением творчества «Мрии», по словам М. Скороходовой, является воспитание у людей духовно-нравственных и патриотических устоев. Особое место в репертуаре хора занимают песни военной тематики. «Мрия» ведёт активную концертную деятельность в домах ветеранов, во дворцах культуры для молодёжи. Среди многочисленных творческих побед хора следует отметить следующие. «Мрия» — лауреат фестивалей славянской культуры, фестиваля украинской культуры на Дальнем Востоке (2007), фестиваля самодеятельного художественного творчества «Ветераны — городу» (2007). На Международной выставке фестиваля национальной культуры «Лики наследия», проходящей в Хабаровске в сентябре 2008 года, «Мрия» получила диплом лауреата 3-й степени. Хор «Мрия» награждён грамотами министра Хабаровского края, администрации г. Хабаровска, администрации железнодо-

рожного округа. Особенно ценна грамота от Министерства культуры Хабаровского края «За активное участие в пропаганде украинской культуры и межнационального согласия» — ноябрь 2007 года.

Руководитель хора М. Скороходова имеет грамоту от Министерства образования и науки РФ «За подготовку высокопрофессиональных специалистов в области образования и науки» — октябрь 2008 года.

Поистине неистощима творческая энергия Марины Скороходовой. Помимо художественного руководства «Мрией», она с 2005 года является руководителем ансамбля «Песенные узоры» с. Восточного. В его репертуаре — песни с движением: свадебная «В чистом поле», казачья «Заболела Дунина головка», плясовая «По улице, по улице» и др. В 2006 году ансамбль стал дипломантом краевого фестиваля «Живая Русь», где выступил с народной сценой «Русская ярмарка».

Активную исполнительскую деятельность ведут студенты и преподаватели кафедры народно-хорового искусства ХГИИК. Отметим малые ансамблевые формы: ансамбль студентов III курса «Семечко» — художественный руководитель доцент Павленко О.В.; ансамбль студентов IV курса «Калина» — художественный руководитель Скороходова М.П. (в марте 2009 года ансамбль «Калина» занял I место на фестивале «Студенческая весна»); ансамбль студентов V курса «Птаха» — художественный руководитель доцент Попова Т.С. Вокальный ансамбль «Птаха» является постоянным победителем фестивалей «Традиции живая нить» 2006, 2007, 2008 годы.

В 2008 году исполнилось 15 лет ансамблю народной музыки и песни «Золотые купола». Художественный руководитель ансамбля — Любичкая Оксана Васильевна — с 2001 года возглавляет отдел традиционной культуры в Краевом

научно-образовательном объединении культуры. Будучи компетентным руководителем, грамотным и активным организатором, Оксана Васильевна создаёт благоприятные условия для деятельности самодеятельных хоровых и инструментальных коллективов. Особенно следует отметить краевые и федеральные программы: «Креативный лагерь детей и подростков «Славянский дом», «Международный лагерь по взаимодействию культур Дальнего Востока «Молодой дальневосточник», направленные на возрождение интереса детей и молодёжи к традиционной культуре. В 2006 году, с участием О. Любичкой, была разработана концепция 1-го проекта творческой смены «Диалог культур», которая проводилась на базе краевого центра детского творчества «Созвездие». Ребята приобщались к традиционной культуре славян и малочисленных народов Севера, участвовали в театрализованных праздниках Ивана Купалы, в фестивале «Бубен дружбы», в фестивале детского народного творчества «Моя семья, моя Россия».

Ансамбль «Золотые купола» реализует многочисленные концертные и творческие программы. Среди них: военный блок, посвящённый памяти о событиях Великой Отечественной войны; русская программа, где представлены театрализованные исполнения песен различных жанров; цыганская тематика; колядки, включающие интереснейшие древние обряды с гаданием, свечами, с просом.

Особенно следует отметить деятельность Александра Ивановича Номоконова, руководителя ансамбля до 2007 года. Это настоящий самородок, бесценный выдумщик, организатор, использующий как традиционные, так и самодельные музыкальные инструменты: жалейки, гармошки-черепашки, матрёшки и др.

Интересным направлением творческой деятельности ансамбля «Золотые

купола» является программа «В гостях у Кузи», предназначенная для воспитанников детских садов. Тематика программы разнообразна: песни, загадки, игры, театрализованные представления, в которых участвуют сами дети, с самых ранних лет приобщаясь к духовной культуре прошлого и настоящего. Трудно переоценить роль живой интонации музыкального общения для ребёнка-дошкольника.

Ансамбль «Золотые купола» — постоянный участник различных правительственных мероприятий и концертов. Автору настоящей статьи удалось посетить юбилейный концерт ансамбля, который состоялся 11 декабря 2008 года в Краевом Дворце культуры и спорта «Русь». Были представлены различные программы: песни военных лет, казачьи, исторические, шуточные, плясовые, авторские. Концерт достойно венчала песня Татьяны Ананьиной. Словно набат, звучали в притихшем зале её слова о том, что необходимо сохранять родные напевы, преданья седой старины — это верный и единственный путь духовного возрождения нации.

Следует особенно отметить яркую зрелищность концерта. Артисты балета покоряли зрителей пластикой движений. Красочные костюмы создавали атмосферу театрализованного действия. У дизайнера костюмов Ольги Николаевны Якуниной имеется своя авторская мастерская.

Высоким творческим потенциалом, исполнительской активностью отличается студия народного творчества «Елань», созданная в 1993 году на базе центра детского творчества «Гармония». Существует два значения слова «елань». Первое заключается в том, что еланью называется ровное место среди леса, цветущая поляна, где парни и девушки хороводы водили, песни пели. А в некоторых диалектах русского языка есть и другое понимание елани как боло-

тистой местности. Руководитель студии Наталья Анатольевна Брызжина имеет на этот счёт особое мнение. «Елань затягивает людей своим творчеством, и этот водоворот человека уже не отпускает», — утверждает она.

Студия «Елань» насчитывает в своём составе более 50 человек. Помимо активной исполнительской деятельности, она занимается изучением фольклора, песен, сказок, притчей устной традиции. Всё это способствует сохранению и возрождению отечественной национальной культуры. В настоящее время «Елань» работает по программе «Карусель», разработанной и составленной Н.А. Брызжиной и Т.А. Пестеревой. Программа направлена на формирование и развитие навыков вокальной и сценической культуры.

Необходимо отметить также деятельность концертмейстера Бакурея Юрия Васильевича, работавшего в составе коллектива до 2005 года. Он — автор многочисленных аранжировок народных песен, создатель первых двух компакт-дисков «Елань». Бакурей Ю.В., концертмейстер 1-й категории, является лауреатом краевого фестиваля «Играй, гармонь хабаровская!»

В настоящее время в студии «Елань» есть два коллектива. Первый — образцовый детский хор; второй — молодёжный хор народной русской песни. Хоровые репетиции органично сочетаются здесь с занятиями по хореографии, вокалу, мастерству актёра.

Н. Брызжина поделилась с автором настоящей статьи трудностями в подборе песенного репертуара.

«Иногда приходится идти на некоторые уступки слушателей, которые не всегда понимают подлинный песенный фольклор. В концертах мы часто используем популярные песни, которые легко переключаются на фонограмму. Однако я использую любую возможность приобщить своих учеников к настоящим

образцам народной песни. Особенно благодарны в этом плане протяжные лирические, исполняемые а capella; именно на таких песнях можно оттачивать профессиональное вокальное мастерство. Я не согласна с представителями академической школы в том, что народное пение — более лёгкое. В народном пении, особенно в многоголосии, очень сложная интервалика. Элементы гетерофонии часто чередуются с нетрадиционными, неклассическими аккордами. Довольно часты квартовые, секундовые вертикальные созвучия. Необходимо не просто услышать, но и понять их линейную природу».

Нам удалось познакомиться с некоторыми нотными образцами песен, разучиваемых учениками Н. Брызжиной. Один из них, представляющий аранжировку А. Дамастука лирической протяжной песни «Кого-то нет, кого-то жаль», оказался довольно сложным как по фактуре, так и по исполнительским задачам. Постоянное смещение тонального центра, характерное для интонирования плача-причета, наложение самостоятельных мелодических линий, переменность в соотношении голосов и смена их количества (от одного до четырёх) — всё это требует от исполнителя наличия профессионального слуха и умения.

Наталья Брызжина является дипломантом Всероссийского конкурса педагогов дополнительного образования «Сердце отдаю детям», — она была единственным представителем от г. Хабаровска.

В студии «Елань» есть молодой, но уже очень активный и творческий педагог — Татьяна Иконик. О ней Н. Брызжина сказала замечательные слова: «Это талантливый, действительно преданный народному искусству человек, которого отличает бескорыстная любовь к детям». Т. Иконик работает в «Елани» семь лет. В настоящее время она руководит детским

ансамблем. Уже дважды её воспитанники становились лауреатами конкурса детского творчества «Тру-ля-ля и компания».

«Елань» — лауреат Всероссийского конкурса народной музыки «Серебряный ключ», обладатель Гран-При и лауреат молодёжных фестивалей коллективов народной песни «Живая Русь» 2000 и 2006 годов, обладатель золотого приза Международного хорового фестиваля «Пуссан — 2007».

Необходимо отметить постоянное участие «Елани» в радио- и телепередачах. Особенно интересны и познавательны 4 телевизионные программы: «Здравствуй, лето!», «Христов день», «Нам 10 лет», а также телевизионная версия музыкального спектакля «Крупенички». Огромная заслуга в организации и постановке спектаклей принадлежит Татьяне Пестеревой. Н. Брызжина отмечает, что Татьяна всегда является первой и центральной героиней. Ей по силам и драматическая роль (например, матери Варварушки), и комедийная — в образе гоголевской Солохи она неподражаема!

Живую нить традиции народной песенной культуры, накопленной веками, подхватывает детский хоровой коллектив «Млада» — руководитель Митрофанова Тамара Викторовна, отличник народного образования. В 2008 году «Млада» отметила своё 20-летие. Это огромный коллектив численностью более ста человек. В его состав входят дети, подростки, молодёжь от 3-х до 22—23 лет. Хор имеет звание «образцовый»; он известен не только в крае, но и далеко за его пределами. В частности, «Млада» постоянно гастролирует в страны ближнего и дальнего зарубежья: Японию, КНР, КНДР, США. Среди многочисленных наград коллектива следует назвать Гран-При окружного фестиваля детского творчества «Амурские зори» в номинации «Народное исполнительство». В 2006 году «Млада» завоевала диплом I степени

окружного фестиваля патриотической песни «Виктория», а также специальный диплом за яркую художественную программу на Международном фестивале песни и танца «Год России в Китае» в г. Байдайхе.

Репертуар хора разнообразен: патриотическая тематика, лирические, обрядовые, календарные, авторские песни. В 2008 году Т. Митрофанова ездила на стажировку в Кубанский казачий хор; с тех пор кубанские казачьи песни особенно любимы в «Младе». Нам удалось прослушать в видеозаписи одну из них, протяжную лирическую песню «Стога». В ней поётся о поруганной чести, о высокомерии и лжи, о войнах как о величайшем бедствии, калечащем не только тело, но и душу человека. Кульминация песни воспринимается как крик души: образ «ворогов», «воронья» дан резко и жёстко.

«Накажи скорей их высокомерье

С неба их ударь, чтоб летели перья!» — обращается хор к Господу.

Непременным условием любого праздника, проводимого в «Младе», является пение частушек. Т. Митрофановой собран огромный дидактический материал по частушкам, особенностям их исполнения в различных областях России. Исполнение частушек весьма важно для формирования исполнительских навыков вокалиста; здесь проявляется способность к быстрому реагированию на определённый тон, ритм, а иногда требуется и импровизация. По словам Адопьева С., «частушка выделяется из спонтанного потока речи за счёт использования особых маркеров — ритма, интонации, напряжения голоса, тембра, особой синтаксической организации и др. Частушку отличает особая мобильность и импровизационность; умение «отпеться» высоко оценивается сообществом» (1, с. 29).

Т. Митрофанова привлекает к про-

цессу сочинения и импровизации частушек не только детей, но и взрослых: родителей, бабушек, дедушек.

«Млада» постоянно организует музыкально-театральные праздники, посвящённые Рождеству, Масленице, дню Ивана Купалы. Дети и подростки приобщаются к древним обычаям, традициям, песням, обрядам. Так, 17 апреля 2009 года состоялся праздник Масленицы, в котором участвовали даже самые маленькие дети в возрасте 3—5 лет. Они и зазывали Весну-Красну, водили хороводы, пели веснянки. Были представлены также обрядовые, игровые, величальные, свадебные песни; например, песня с элементами театрализации «Комара муха любила», свадебная «Не по погребу бочонок катается».

Важной особенностью учебно-воспитательного процесса в коллективе «Млада» является то, что дети здесь не только поют и играют, но и приобретают весьма важные знания и навыки. Так, они обучаются основам музыкальной грамоты, есть учебные часы по дисциплине «общее фортепиано».

Одним из главных направлений творчества народных хоровых коллективов является участие в концертах, конкурсах, фестивалях. Нам посчастливилось присутствовать на VI Дальневосточном детско-юношеском фестивале «Традиции живая нить», посвящённом 70-летию со дня образования Хабаровского края, который проходил в Хабаровске, в ноябре 2008 года. В нём приняли участие более 400 коллективов, хоров, ансамблей и солистов из самых разных уголков нашего обширного региона. Впечатление от фестиваля оказалось незабываемым. Это был настоящий праздник народного искусства, яркий, колоритный, многожанровый. Даже самые младшие исполнители, 5—7-летние дети, держались уверенно, артистично, покоряя публику своим обаянием. Так, 5-летняя Белик

Лиза (г. Хабаровск), получившая диплом лауреата I степени, вполне заслужила столь высокую награду. Она исполняла песню «Никонориха» очень задорно, звонко, с присвистом и притоптыванием. Мы были поражены музыкальностью ребёнка, его поразительным владением голосом, упругостью движений, выразительностью мимики.

Из старшей возрастной группы (17—22 года) особенно запомнился квартет Онищук Светланы, Родивиловой Виты, Хмельовой Ольги, Губренко Дарьи — студенток ХГИИК (малые ансамблевые формы), руководитель Скороходова М.П. В их исполнении прозвучало два произведения: «Ой, ходили дівоньки» (украинская народная песня) и «Пролегла путь-дорожка» (походная Краснодарского края). Квартет студентов ХГИИК получил диплом лауреата I степени.

Народное пение, находящее живой отклик в сердцах людей, становится настоящим искусством. Солистка из г. Амурска Светлана Караченцева, исполнившая «Колыбельную», буквально поразила публику. Она пела о войне, о солдатской доле, о молодой женщине, не дождавшейся мужа.

«Как же сильно похож ты на папку,
Как же жалко, что он не видал», — обращается молодая вдова к маленькому сыну.

Колыбельная песня в исполнении солистки превратилась в балладу, в настоящую драматическую сцену.

Солистка Ксения Воробей (детская школа искусств г. Облучья) так искусно имитировала птичьего голоса, что у нас создалось впечатление присутствия не в концертном зале, а в лесу, наполненном живыми интонациями природы. Девочка исполняла народную песню «Рано, рано». Разнообразие тембров, говоров, мастерское владение *glissando* — всё это звучало ярко, насыщенно, радостно.

«Важную область акустического кода

народной культуры образуют звуки природы, представленные голосами животных, птиц, насекомых, водных стихий... Способность «говорить», сообщать некоторую информацию признаётся в системе традиционной культуры не только за человеком, но и за природными объектами, предметами быта и пр.» — читаем в статье О. Пашина [3, с.46].

Действительно, народная песня, как и сказка, возвращает человека к истокам, к природе. Поразительное единение с природой, глубочайшее проникновение в самую её суть — это и народная мудрость, и философия, и сама жизнь.

Анализируя состояние развития народнопесенного, хорового и вокального искусства на Дальнем Востоке России, мы можем с уверенностью утверждать, что нить традиции жива. Многочисленные хоровые студии, коллективы, занимающиеся изучением и исполнением народной песни, охватывают все возрастные и социальные слои населения. Люди тянутся к народному искусству, потому что именно здесь они находят

отклик душевных переживаний и удовлетворение духовных потребностей. Известный исследователь русской народной песни И. Земцовский рассматривает музыкальное искусство не только как средство живого общения людей, но как неразрывное единство душевного и духовного. «Музыка — это общение», — пишет он, — «Но одно дело — общение человека с Богом, восхваление Его, обращение к Нему, и совсем другое — общение человека с человеком, исповедь души, поэтизация житейской летописи. При этом оба общения глубоко лиричны. Обоим потребен мелодический распев, превышающий возможности слова. Один и тот же человек мог пользоваться распевом в двух стилях, двух контекстах, двух разных типов общения: духовного — распевом, душевного — распевом» [2, с. 163].

Народная песня остаётся вечным источником духовной и душевной силы, питая лучшие образцы как культовой (церковной), так и композиторской музыки.

Список использованных источников

1. Деревенская частушка XX века / Сост. С. Б. Адоньева. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. — 534 с.
2. Земцовский, И. Из мира устных традиций : заметки впрок / И. Земцовский — СПб: Изд-во С.-Петербургского института истории искусств, 2006. — 241 с.
3. Народное музыкальное творчество : Учебник / Отв. ред. О.А.Пашина . — СПб.: Изд-во С-Петербургского государственного института искусствознания : Композитор, 2005. — 568 с
4. Платонов, Ю. Певческое искусство народа — лицо нации: Монография / Ю. Платонов — Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2006. — 92 с.
5. Седухин, Б. В. Народная музыкальная культура: состояние и тенденции развития / Б. В. Седухин — Смоленск: СГИИ, 2006. — 124 с.

Станислав Понятовский. Дневник экспедиции (в край гольдов и ороحوнов в 1914 году)

(Продолжение. Начало в номере 1/ 2007,
с. 176-181; 2/2007, с. 188-199)

Перевод Л.И. Каберник
Примечания и пояснения
С.В. Гончаровой

Продолжаем публикацию материалов дневника польского учёного Станислава Францевича Понятовского (1884—1945), который в 1914 году провёл этнографические исследования среди народов Приамурья. Дневник этой экспедиции в не-совершенном виде был опубликован уже после смерти автора на страницах польского журнала: *Poniatowski S. Dziennik wyprawy (do kraju goldow i oroczonow w 1914 roku) // LUD (ORGAN POLSKIEGO TOWARZYSTWA LUDOZNAWCZEGO, ORGANE DE LA SOCIETE POLONAISE D'ETHNOLOGIE, ZATOCZONY W ROKU 1895) OGOLNEGO ZBIORU TOM L, ZA LATA 1964—65, WROSLAW 1966. 360 p.(pp 7—120).*

Осуществление перевода и публикации новых материалов по этнографии народов Приамурья стало возможным благодаря любезной помощи профессора Антония Кучинского (доктор исторических наук, этнолог и историк науки, директор Центра изучения Востока Вроцлавского университета (Польша)), автора свыше двухсот научных работ, позволивших расширить наши знания о польских учёных и путешественниках, изучавших Сибирь и Дальний Восток. Перевод лингвистических материалов дневника и подготовка примечаний к ним был осуществлён благодаря бескорыстному содействию Антонины Сергеевны Киле (доцент Дальневосточного государственного гуманитарного университета) и Валентины Тунсяновны Кялундзюга (председатель национальной общины «Удэ»).

Понедельник 15. VI. Утром дождь. Пришёл Гриша, не знаем, поедут ли Лопатины. Выехали в 2¹/₂ на моторной лодке, выданной П.И. Делле. Моторка довольно большая (малый «катер») с каютой.

Вещей у нас масса, так что вся каюта забита.

Двое машинистов, нас 6: Лопатин с женой и двумя учениками, Делле и Воропаевым, а также я и Гриша.

Моторка движется довольно быстро, через 4 часа приехали в Сакачиалян. Поездка по Амуру замечательная. Всё время простоял сзади на борту, держась за рамку небольшого навеса.

Река великолепна, множество заросших зеленью островов с просто непроходимыми лесами (уба). Миновали десятки островов, некоторые длиной по несколько вёрст и более. Шли либо основным руслом, либо временами т.н. «протоками», т.е. между островами. Погода: тучи, ветер, временами дождь, холодно, но воздух чистый и хорошо видно берега. Не встретили ни судов, ни рыбаков. Грызём колбасу, потом сухофрукты, огурцы, редиску. Напеваем, все в хорошем настроении, мальчики развлекаются, обходя каютку по борту и идут на нос лодки. Вода в Амуре грязная, местами вспенивается по причине половодья, но нашу моторку не качает и поездка проходит благополучно. После 6 вдали на правом берегу увидели Сакачиалян.

Подъехали, вызывая гольдов свистом.

Моторка села на мель, подъехали гольды, мы перешли на их лодку и, выйдя на берег, поздоровались с гольдами. Среди них Гаврила, знакомый Лопатиных, у которого они жили в прошлом году, а также Дмитрий, ещё один их знакомый. Направились к Гавриле, но он строит фанзу, поэтому к нему нельзя и мы пошли к Дмитрию, где выбрали место возле дома и построек над спуском к воде.

Мальчики поехали за вещами, остальные вместе с несколькими гольдами взяли за лопаты, и очищают место, на котором будут стоять палатки.

Часть вещей привезли в лодках,

остальное доставила моторка, которую удалось снять с мели. Наши вещи тяжёлые, поэтому на высокий берег за 30 шагов от того места, куда пристали лодки, их вносят с большим трудом.

Мальчики очень сильные и сами вносят чемоданы и сундуки, однако Гриша ухитрился кувырнуться и мой большой чемодан стремительно полетел вниз, на счастье по размытому скользкому глинистому грунту.

Разбивка палаток отняла довольно много времени, мальчики с гольдами готовили жерди, натягивали /палатки/, привязывали их к колышкам.

Темно, дождь, работа при фонарях.

Наконец палатки готовы. Лопатина приготовила нам суп из говядины и чай, которого я выпил 5 или шесть стаканов.

Пригласили к чаю Дмитрия и его гостя — гольда, который приехал проведать его за каких-нибудь несколько десятков верст. Гольды вообще любят навещать друг друга и часто это делают.

Дмитрий — человек лет 38, в молодости 8 лет служил лакеем у начальника уезда, следовательно, он хорошо говорит по-русски, но читать не умеет. Говорит, однако, что среди своих ему живётся лучше, чем в городе. 3 года как женат, жене 20 лет, детей нет. С ними живут его бабка-шаманка, чей возраст превысил 80 лет и тётка.

Кроме фанзы у него есть 3 амбарчика и конюшня для коня, которого он купил за 70 руб. в Хабаровске 8 лет тому назад.

Дмитрий носит нож, который сам сделал из старого напильника, оправа /ножа/ деревянная, обтянута кожей кеты.

Ужин продолжался до 11-ти, потом сон.

Идёт дождь.

Всю ночь не мог спать. Гриша встал в 3 и вместе с другими мальчиками поехал на лодке на охоту.

Гриша в музее получил двухстволку,

у Коли Делле трёхстволка, а у Жени Воропаева рандолт. После отъезда Гриши немного вздремнул, но сильный дождь разбудил меня в 6. Наша палатка очень хороша, не протекает. У Лопатиных палатка большая, но тяжёлая и течёт.

Вторник 16. VI. Встал, умылся во дворе. Мальчики вернулись, стреляли довольно много, но безрезультатно, убили только соловья для изготовления чучела (оказался слишком изувеченным), но зато привезли весть о рисунках на скалах у реки неподалёку от посёлка.

Пришёл Дмитрий, который всякий раз спозаранку садится в лодку и осматривает «перемёт»: верёвку с удочками на небольшую рыбу.

Спросил у Дмитрия о рисунках на скалах, рассказал: очень давно, когда ещё на небе было 3 солнца, вода была очень горячей и камни в воде были такими мягкими, что люди могли делать из них разные фигуры, но это были не гольды, а другие люди.

Дмитрия интересуют ружья, он стреляет по свае на реке. Попадает очень метко.

Потом мальчики развели огонь, приготовили какао на воде, я писал дневник.

После завтрака наводил порядок в палатке. Пришло довольно много гольдов. Дал бумагу: рисовали. На страницах 10 и 13 рисунки 12-летнего Шурки (Александра) Оненки.

Дал им конфет, папирос, позже осматривал амбар Дмитрия, пробовал купить берестяную коробку, но бабушка хочет за неё рубль, поэтому оставил её в покое. Там же видели бурханы, а на чердаке «солбоны»¹.

Дмитрий дал мне несколько солбонов: «солбон-бучон»² из 9 прутьев, окан-

чивающихся бурханами.

Шаманка кладёт /солбон/ на голову больному и снимает его через ноги, причём больной разрывает лыко, которым перевязан солбон.

Кроме того, Дмитрий подарил мне 2 gjazda³, которые шаманка использует при камлании, возлагая себе на голову.

Были в доме Дмитрия. У него довольно много бурханов. В доме сравнительно чисто, на нарах у каждого своё место, постель аккуратно сложена в изголовье.

В обед дежурил Лопатин, помощник — Воропаев.

Уха из касаток, потом рис на молоке, компот и чай.

После обеда мы выехали на лодке к камням с орнаментами. Они находятся на левом берегу в 1½ верстах выше Сакачиалына. Огромные камни, достаточно мягкие, на многих из них орнаменты, зарисовал несколько орнаментов с рисунком в виде человеческого лица. С нами поехали Дмитрий и Михаил, последний сам взял мягкий камень и стал рисовать на скалах.

Говорили, что в давние времена, когда было 3 солнца, то камни кипели в воде и люди из гольдов (раньше сказали, что не гольды) рисовали эти фигуры палками (фотография).

Несколько дальше должно быть место, где этих зарисованных камней значительно больше и где должны быть рисунки, изображающие зверей.

Состоялась хорошая прогулка по густо заросшему берегу с огромной травой, в которой местами действительно может спрятаться человек.

Мальчики стреляли и убили двух чаек.

По возвращении пошли вырубить шест для палатки и подсели в лодку к

1. Вероятно, сэвэны (бурханы, идолы, онгоны, сэвоны) – воплощение духов, по мнению коренных народов Приамурья.

2. Возможно, сэвэн группы бучилэ или бучуэн // Ритуальная скульптурка нанайцев (из собрания МСИИ г. Комсомольск-на-Амуре). — Каталог. — Комсомольск-на-Амуре, 1992. — С.33.

3. Гиасамса — ритуальные шаманские стружки (их надевали на голову) — Прим. Киле А.С.

трём маленьким гольдам (8—12 лет), которые с одним старшим (Митрофан⁴, 18 лет) ехали снимать касаток с «перемёта». Поймали 4 касатки, нацепили свежих червей, а потом малыши срубили мне жерди.

Я им объяснил, зачем измеряю гольдов.

Митрофан жаловался на негодяя учителя: Митрофан 3 года ходил в школу и даже читать не научился, хотя парень толковый.

Все подошли к палаткам. В палатке Лопатиных полно /народа/: старая гольдка рассказывает сказки, Дмитрий переводит, Лопатин записывает, куча старых и молодых гольдов уселась в кружок возле старухи и внимательно слушает.

Под вечер погода хорошая, солнце, но сильный и холодный ветер.

Сел на доски, /чтобы/ писать.

Дмитрий обедал с нами, о/чень/ деликатный мужик: отговаривался и благодарил.

Вторник 16. VI. Только начал писать, как вокруг собралось много детей и несколько взрослых. Дал им карандаш и тетрадь. Трофим сделал два верхних рисунка на стр. 4, после чего гость Дмитрия левой рукой быстро нарисовал следующий рисунок и медведя на стр. 15, потом Николай рисовал на стр. 16 и 17.

Во время рисования другие присматривались, делали замечания, давали советы и смеялись, что отнюдь не мешало рисующим*.

Под вечер похолодало, пасмурно. Стемнело, с ужином запоздали. Все (в пальто) помогали разжечь костёр. Женя делал клёцки.

Из дома Дмитрия слышались удары шаманского бубна. Бросили готовить ужин и пошли в фанзу.

На нарах сидит гость — шаман с буб-

ном и совершает т.н. «малое камлание». Он тихо поёт печальным протяжным голосом, время от времени то слабее, то сильнее ударяя в бубен (такт?). Мы в молчании столпились у дверей, гольды либо лежат, либо сидят на нарах, старая шаманка лежит с трубкой во рту и время от времени сплёвывает в кружку.

Шаманство длилось около получаса с целью подлечить одну из женщин, у которой болела рука. Она сидела сбоку и слушала шамана, опустив голову. Некоторые гольды сосредоточенно слушали, другие бродили по избе и разговаривали. В конце камлания всё более тоскливый голос перешёл в рыдание. Ощущение чего-то значительного.

После камлания ужин, потом Лопатин пошёл в фанзу, где должен был до конца дописать сказку, а мы с Гришей около 10¹/₂ пошли спать.

Ночь темна, на западе сильно сверкают молнии.

Заснули довольно быстро. В час ночи нас разбудила сильнейшая буря. Гром гремит раз за разом всё ближе, в палатках при вспышках молний буквально всё видно, дождь усиливается. Быстро соображаем, что в наших палатках, разбитых на открытом месте и укреплённых на шестах с металлическими остриями, оставаться небезопасно. Торопливо одеваемся. Дождь хлещет всё сильнее, непрерывно сверкает молния и гремит гром. Мы с Гришей набросили на нашу палатку полог⁵ и вместе с Лопатиными и их мальчиками пошли в амбар Дмитрия. В фанзе Дмитрия гости и другие домоладцы, поэтому он с женой спит в амбаре.

Он впускает нас, и около двух часов мы сидим у него в пальто и дождевых плащах. Тем временем бешено ревет буря, соломенная крыша амбара места-

4. В польском тексте имя дано как Митрофим — *Прим. перев.*

* До этого места переписал текст до 1920 г. — *Прим. автора*

5. В тексте kotarnik — вероятно, кусок брезента или парусины — *Прим. перев.*

ми протекает. Сидим молча, разговор не клеится.

Спрашиваю Дмитрия о буре. Рассказывает: гольды говорят, что грозу вызывает большая змея (или дракон), бросающая молнии.

Дмитрий и другие вообще неохотно рассказывают о своих верованиях, подозревая, что это вызовет насмешки и критические замечания.

Затем Дмитрий рассказал, как однажды такая буря застала его на реке. Он пристал к берегу, перевернул оморочку вверх дном и выспался под ней.

Буря немного стихла, но дождь идёт. Палатка мальчиков полностью вымокла, у Лопатиных сухо только под пологом.

Лопатины пошли к себе, мы берём к себе мальчиков и укладываемся вчетвером, изрядно хлебнув рома, чтобы согреться, т.к. все перемерзли.

Около восьми проснулся, почувствовав, что протекает с правой стороны, одеяло и простыня порядком намокли.

Встали. Холодно, хмуро, время от времени идёт дождь.

Погода ужасная. Готовим завтрак, после чего Лопатины и мальчики переселяются в амбар, заносят свои вещи и раскладывают на полу циновки, очень старательно сплетённые. Мы заносим в амбар чемоданы, [фото]аппарат и разные мелочи из своей палатки. Попробовали навести порядок, в палатке у нас дикий хаос, но Гриша простужен, у меня и у Лопатина болит голова. После завтрака зарисовываю нескольких гольдов, что вызывает огромное веселье. Каждый хочет иметь свой портрет. Роздал им бумагу и карандаши, начали рисовать (см рис. 1, 2).

Потом иду в «амбарчик» писать дневник. Дмитрий дарит мне двойную корзинку. Шаман Коя принёс нарисованный им бурхан, говорит, что у него болит голова; я расспрашивал его о здоровье и обе-

щал дать лекарство после обеда.

Лопатин с Колей готовили обед, дождь всё усиливается. Да, забыл: сразу после подъёма были в фанзе у Дмитрия, «камлала» старая шаманка, чтобы заговорить сильный ветер, она должна была ещё и танцевать, но вихрь поутих, стало быть, дело до танца не дошло.

Старая шаманка, бабка Дмитрия, славится как очень сильная шаманка.

Ездит на «гастроли» в отдалённые посёлки.

Обед готовили Лопатин и Коля. После обеда пошёл с Колей на озеро охотиться на уток, но уток нет, мокро, возвращаемся с пустыми руками. Подстерегли чаек, убили «стрижа» величиной с голубя, после чего выдали вместе с Колей целый ряд промахов.

Дождь усиливается. Дал шаману аспирин от головной боли, ему помогло.

Ужин. Около девяти отправляемся спать.

В стенах овина щели, сквозит, ещё и комары налезли.

Среда 17. VI. Наше с Гришей дежурство. Дождь льёт весь день без перерыва, грязь ужасная, сырость, холодно, от влажности наши вещи, главным образом бумага, размякли. Встали в 8, потом я и Гриша развели огонь. После завтрака осмотрел лоб шамана: шрам от удара топором, смазал йодом, заодно и Гришино лицо, на котором выскочил флюс.

Потом мы с Женей и Гришей прошли по посёлку. Посетили три фанзы, осматривая их и расспрашивая о разных вещах. Получил «расза»⁶ (коробку из коры) и образец липового лыка.

Осмотрел больную руку Гаврилы и больной глаз его дочери.

Обед: тяжёлая неприятная работа в грязи. Гриша развёл огонь, я и Женя выпотрошили касаток, пойманных мальчиками вчера вечером.

После обеда дождь пошёл ещё силь-

6. Пачан (овальная коробка из бересты) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

нее. Сидели в овине, пришли гольды. Молодой Михаил рассказывал сказку, которую Женя записывал, я успешно вправил палец Гавриле, потом поговорили. Пришло ещё несколько гольдов, их собралось около десятка, я показал несколько фокусов, что их очень развеселило.

После ужина рано пошли спать и долго болтали, пели, декламировали, мальчики дурачились и т.п.

Палатки на ночь наглухо закрыли от собак. У Дмитрия их 4 или 5, у других побольше.

Дмитрий кормит их раз в два дня, другие через два дня [на третий], потому что сушёной рыбы (юколы) осталось мало. По этой причине собаки очень голодные и едят всё, что отыщут. Вечером они украли у нас кастрюлю, которую отлично вылизали; мы нашли её в нескольких десятках шагов внизу под нашей горкой.

После обеда шаман принес 15 бурханов и объяснил, какой от чего помогает, я дал ему 40 копеек (/для/ Брун/а).

Четверг 18. VI. С самого утра дождь, наши вещи, главным образом бумаги, размякли от влажности, хорошо, что фотопластины находились в жестяных банках. Умылись в Амуре, удобно устроившись на камнях. После завтрака наводили порядок в амбаре, потом я писал дневник и открытки домой, которые Гриша должен отвезти в Вятское, отправившись туда с гольдами.

Вчерашние фанзы:

Афанасий в настоящее время заканчивает постройку дома. Для строительства нанимает китайских плотников.

За свой дом Афанасий заплатил 140 руб., дав своё дерево.

Гавриле дом обойдётся дороже: 400 руб. Афанасий оклеивает потолок и стены обоями, одну стену дети временно

оклеили обёртками от конфет.

С нами ходил Николай, парень лет 17, хорошо говорящий по-русски. Показывал и объяснял нам разные предметы. Когда мы проходили мимо фанзы Якова, Николай нам сказал, что гольды к нему не ходят и он никого не навещает: любит выпить и тогда скандалит на всё село.

Гольды очень любят детей. Дмитрий, не имея своих, часто носит чужих детей на руках. Подростки совершенно не стыдятся играть с малышами, ездят с ними реку и показывают, как ловить рыбу. Играют в ловлю пучка травы расщеплёнными на концах палками длиной $1\frac{1}{2}$ – 2 метра.

У отца Николая дома есть граммофон.

В каждом доме есть ружьё, т.н. «берданка»⁷, реже что-нибудь получше, например, винчестер.

Идя на охоту, всегда берут подпорки под ружьё.

Николай показывал нам, как ставить самострел на соболя.

Зимой носят на штанах другие, из кожи «kety»⁸. Этих штанов из кожи хватает на одну зиму, в то время как обуви из кожи линька уходит на зиму 30 пар.

В фанзах довольно много китайских вещей, например: чемоданы, но есть и шкафчики чисто гольдской работы с красивыми орнаментами.

Китайских работников раньше было много, теперь русские их пускают очень мало, каждый раз по отдельному разрешению. Табачники /табакерки/ [рис.1,2] очень плоские овальные коробочки для листового табака, иногда с орнаментами.

В фанзе Дмитрия стоит «fania»⁹ (рис.3), под ней — одежда умершего.

Перед «fania» /«фаней»/ ставится еда и в неё втыкается трубка.

Коля хотел зарисовать, но /её/ при-

7. В тексте ошибочно «бербянка» — *Прим. перев.*

8. Вероятно, кеты.

9. Панё — деревянное вместилище души умершего — *Прим. Киле А.С.*

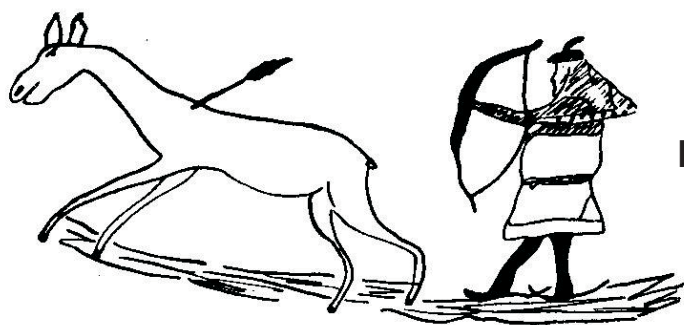
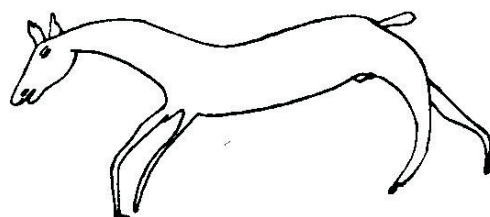

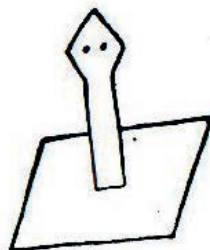
Рис. 1, 2
Рисовал: Николай Актенко, 17 лет,
Сакачиалян 15/ VI. 1914 г.,
в школе не был ни разу.

1

2

3

5

4

Рис. 3
1-3. Указания в тексте
дневника
4. Лопата, оправленная
как мотыга.
5. Обычные весла.

крыли.

У Афанасия интересно орнаментированные дощечки для поднимания котла.

Пятница 19.VI. Перед полуднем по дороге из Вятского приехал лесничий Виноградов.

После обеда небо начало проясняться, предвещающая погоду, между тем около 6 приехал Клочко и начался скандал: продолжался от 6 до 8.

В 8 Женя с Дмитрием поехали за моторной лодкой, мы с Лопатиным начали собираться в путь.

Суббота 20. VI. С утра пришла моторка с Виноградовым. В 12 мы с Лоп[атиным] поехали в Хаб[аровск], куда прибыли в 8^{1/2}, вечером, не застав гг. Делле дома, пошли к Арсеньеву.

Воскресенье 21. VI. С утра у Делле, потом у акцизных начальников, после пришел Арсеньев, потом обед у Делле, затем были у Горнов; вечером писал рапорт.

Понедельник 22. VI. Отнес рапорт Закревскому.

Вместе с Павловским, ревизором акциза и Махнибородовым, помощником начальника уезда, мы выехали на моторке в первом часу пополудни. Приехали в 5, чай и обед, Махнибородов записал показания гольдов.

Вторник 23. VI. Утро: мытье брезентового пола. Обед. Собирали вещи. Фотографировал Дмитрия и Филимона. Подготовил фотопленку к съёмке.

Среда 24. VI. Наше дежурство. Завтрак. Филемон принёс художественные вырезки из бумаги, с 19 писал дневник. Перед обедом купание с лодки, нас далеко сносит водой. Много времени уходит на возвращение из-за того, что лодку постоянно сносит течением. Поздний обед, потом ставили нашу палатку и наводили в ней порядок. Около 5 наши поехали фотографировать камни, а мы с Колей остались писать наши протоколы.

Сфотографировал джонку на Амуре. Спим в палатке, собаки, которые ночью устраивают сущий ад, не дают спать.

У Дмитрия 5 собак, каждая из которых стоит дешевле 3-5 рублей, у гольдов на Торгоне собаки хорошие, они платят по 15 руб. за одну собаку.

Четверг 25.VI. Утром измерил трех гольдов, приехал Махнибородов: утонул китаец. Искали его сетями, но тело не нашли. Обед, неудачная попытка /сделать/ лимонад. Обмерил 8 гольдов. Фото 1 Алексей Оненко (стойбище Сусу, 3 версты выше Торгона). Обещал выслать фотографию на имя Дмитрия в Сакачиалюан. Сфотографировал группу, /нужно будет/ выслать несколько снимков Дмитрию. Затем на лодке поехали к камням с орнаментами.

Замечательное долгое купание. Возвращаясь, немного проехали мимо. Ужин. Показывал созвездия.

Пятница 26.VI. После завтрака в палатке¹⁰ вынимал фотопластинки: куда не годятся. Приходил Клочко, просил прощения.

Измерял детей. Обед запоздал. После обеда оборачивал коллекции бумагой. Мне помогал маленький Федор. Рядом сидел Лопатин и расспрашивал детей об играх. Кучка маленьких гольдов устраивает нам демонстрацию своих игр: 1. игра в тигра, 2. в прыжки длинным шагом, 3. в прыжки над вращающейся веревкой и т.д.

Гольды [чень] любят детей, отношение старших к малышам вызывает симпатию. Детишки смелые, нас не боятся и приходят к нам толпами.

Потом проводил обмеры, но из фанзы слышится пение и Дмитрий предупреждает нас, что будут «поминки» по умершему.

Рядом с нашими палатками разжигается костёр, перед ним кладутся маты. В избе перед «фаней» поставлены вещи

10. Маленькая затемнённая палатка, установленная внутри большой — Прим. перев.

умершего, а также разнообразные кушанья и лакомства в красивой корзине. Обильно угощаются водкой, но в своем кругу; те несколько соседей, что были с нами, как и мы, участия /в этом/ не принимали. Настроение достаточно безразличное. Вышли из фанзы, установили «фаню» перед костром, бабы сели, другие стоят, непрерывно пьют водку, перед «фаней» поставили еду, потом постепенно одно за другим бросали в огонь печенья, [затем] и всю корзинку. Бросили туда же табак, бутылку водки и некоторые мелкие вещи умершего. «Фаня» дымит трубкой.

Наша компания и кучка зрителей /стоит/ поодаль. Мы с Лопатиным фотографируем, что участникам /церемонии/ в общем не мешает. Вечером в палатке до 11 вставляли фотопластинки в касеты.

«Поминки» делают каждый месяц.

Суббота 27.VI. Встали поздно, в 9 — 9^{1/2}, завтрак после 10. Причина в том, что долго сидели ночью, так как для фотографии нужно ждать, пока стемнеет.

Наше дежурство. До обеда измерения. После обеда все стираем бельё до 5^{1/2} вечера, потом измерил несколько детишек. Вечером заложил фотопластинки. Спать в 12.

Воскресенье 28. VI. Встаём в 9. Утром сделал несколько измерений. Позже фотографировал «амбар» Василия с бурханами. Бурханы поставлены за «амбаром». Небольшие лежат в берестяных коробках. Некоторые поломанные /бурханы лежат/ на земле. Василий дал мне кучу бурханов, за что я ему /заплатил/ 0,50 коп.

Сделал несколько снимков.

Василий строит новый дом, родители его переселились в летник (2 снимка), он вместе с женой и дочкой живёт в сарае

(снимок).

Шаман велел сделать два бурхана муж. и жен. (на фото стоят ниже сарая), за что после постройки дома получит 1 руб. серебром, кроме того, забьют свинью и будет пиршество, на которое пригласят и шамана.

Малые шаманства совершают по любому поводу, например, сегодня шаманил старый гольд, потому что у него пропала {...}. К бурханам, как и к шаманствам, относятся без особого уважения, а часто и с насмешками.

Измерял Кој /Кою/ и фотографировал его с «gjazda»¹¹ и бубном. Бурхан «Ogepa»¹² (малютка) от /болезней/ живота. Другую «ogepa» (свинью) с gjazda принёс Гриша, тоже от болезни живота. Гриша принёс стрелы, 9 штук, детские (laka¹³). Шурка показывал, как стрелять.

Головка стрелы достаточно (laka), дети ими убивают птиц.

Самострел (morali) на chulu¹⁴ от шаманки, заплатил за него 35 коп. из /денег/ Бруна.

Вечером старуха совершала сильное шаманство, танцевала. Женщина с больным ребёнком сидела в избе. Следует отметить: старуха сыграла сцену в темноте при закрытых дверях. Шаманила очень долго 1^{1/2}— 2 часа, под утро продолжила. Около 90 лет.

Понедельник 29. VI. Утром Женя ездил в Вятское, дал ему письмо к Янке, письмо Закревскому по делу Клочко и открытку маме. Потом с Гришей пошли в посёлок.

Сначала измерения семьи Гаврилы. Гаврила строит дом. У его жены купил сумку из /кожи/ сазана для Бруна. Потом с Сёмкой /пошли/ дальше к Семёну и Марку. Марк — великолепный тип: индеец. Измерили обоих: /его/ и жену Семёна.

11. Гиасидан — шаманская колотушка для бубна — Прим. Киле А.С.

12. Возможно, Олгиан (свинья) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

13. Лэкэ (стрела для стрельбы из лука) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

14. Морали — самострел для охоты на пушного зверя — Прим. Киле А.С.

У Семёна 4 лисы в земляной яме, прикрытой досками, хочет взять за них зимой 500 руб., рядом с лисами дерево, на котором медвежий череп, под деревом сарай с большими бурханами, рядом на земле куча старых маленьких бурханов. Семён дал мне 50 бурханов.

Обед, потом мытьё бурханов в Амуре, потом снимки Семёна, Гаврилы и его жены с дочкой, потом в 7^{1/2} с Женей, Гришей и Филемончиком поехали к петроглифам, откуда плыли за лодкой аж до конца села.

Поздно вечером ужин, после чего сидел в темноте до часу ночи. Ночью /куса-ли/ блохи, не можем спать, в 3 началась буря. Бодрствуем, ожидая, что придётся выходить из палатки. Спали до 10^{1/2} утра.

Вторник 30. VI. Наше дежурство. Завтрак в 12. Читаем газеты, привезённые Женей. Хмуро, сыро, кусают мошки и комары, вынуждены постоянно курить папиросы.

Писал дневник.

Сфотографировал два небольших амбара: а до этого бабу с ребёнком перед маленькой фанзой с растительностью на крыше.

После обеда все на лодке ездили к петроглифам, сделал несколько снимков.

Ездили в сторону Малышевского¹⁵ левым скалистым берегом, поросшим густой тайгой.

Вернулись. Часть дороги Женя с Гришей, позже и я с Гендзу плыли за лодкой. Вода довольно холодная, а над ней просто густой снег из мотыльков {{«.....»}}.

Среда 1. VII. Утром идем к дому Афанасия делать измерения. Его не было, но обмерили там старушку Ивана, Семёна (брата Михаила). После снимал на пленку Семёна, Николая, Михаила и 2 группы. Уговаривал Семёна (17 лет) сделать

маску, отец ему не разрешил. Михаил говорит, что к маске в музее будет приходить чёрт (amba); Михаил сам уже дважды видел чёрта, один раз ночью, он был похож на пса, а второй раз во сне. Чертей существует очень много, ночью в лесу их полно. Гольды не могут убить тигра («amba»), потому что это черт.

После обеда пришли гольды, договорились с двумя стариками относительно того, чтобы нас в пятницу утром отвезли до Марьина. Лопатин со своими хлопцами сложили вещи и выехали в 7 вечера. Наводим порядок в сарае Дмитрия и переезжаем в него.

Ночь холодная, ветер, дождь. Спим в пологе.

Четверг 2. VII. Встали в 9. Холодно: 12°R., но очень сильный ветер, так что и в самом деле холодно. После обеда пишем дневники, я с начала данной страницы. Вчера утром Константин принёс мне 2 лука и 9 стрел, получил 30 коп. Лопатин в прошлом году страшно переплачивал: бубен шаманский — 15 руб., пояс с брякушками — 17.

Пытался купить лодку у Василия, его отец хочет 35 руб. Почитание родителей и старших очень велико.

Один из наших соседей в возрасте около 50 лет имеет две жены; одна старая, а вторую он два года назад купил за 100 рублей. Молодая Orinka работает на обоих. Обе жены живут в согласии.

Калым за жену выплачивается частями. Филемончик должен еще 40 руб., а жену получит после выплаты калыма. На почве калыма всякое случается, например, Арсеньев рассказывал: жена умерла, когда муж, выплатив последний взнос, вёз ее домой.

Филемончику 23 года, он весельчак, при этом говорит запинаясь. Многие из них запинаятся, говоря на русском языке.

Пьянство колоссальное, особенно

15. Малышево — село в 78 км от Хабаровска, основано в 1861 г.

на свадьбах «пьют стихийно», а потом драка по пьяному делу.

Дмитрий вместе ещё с одним [гольдсом] наняли китайца, который засадил небольшие огороды возле домов и ухаживает за ними, за что осенью получит половину урожая. Таким образом, китайцы поднимают их на более высокую ступень культуры.

Дома тоже строят китайцы. Гольды плохо скроены, но ловко сшиты, но не очень слабы, способны к тяжёлому труду.

Каждая семья в Сикачиаляне имеет по 15 десятин земли.

Пятница 3 июля. Разбирали бурханы. Семён рассказывал о своём доме: раз в году осенью праздник: на дерево вывешивают бурханы, забивают свиной, молятся. У них дома много бурханов в сундуке, но их нельзя трогать и показывать. Раньше /было/: достали бурханы, начали болеть, шаман велел сделать два серебряных бурханчика, их повесили на шею главному бурхану, который для других бурханов является «царем».

Итак, /существуют/ две группы бурханов: одни имеют религиозное значение, другие — лечебное (см. рис 4, 5).

Складываем вещи, погода плохая, холодно. Вечером проводываем больных: жену Ивана (40⁰), мать Ивана и его отца. Жена Гаврилы берёт бумагу для орнаментов. Возвращаясь к больным. Разговаривал с «батюшкой», который раз в году наносит визит и теперь, возвращаясь после посещения, зашёл к { }. Глупая башка, жалеет, что гольдов в армию не берут. Отношение к попам: предшественник /был/ ещё хуже, отбирал шаманские бубны, бурханы и т.п. Нынешний спокойнее.

Вечером у нас /пили/ чай с Семёном (Гендзу = «баловник»), Дмитрием и Филимончиком. В 11 пошли спать.

Суббота 4. VII. Утром — к больным

и прощаемся. Жена Гаврилы даёт мне орнаменты к гольдскому костюму, а также костяной скребок для /обработки/ шкуры сазана, за 20 коп. купил ещё один для Бруна.

Сборы, помогают все знакомые гольды. Раздаем подарки, Филемончик приносит рог для приманивания изюбра. Дмитрий получает 5 руб., старуха 0,50, одиннадцатилетний Иван, который нам помогает — 26 коп.

Выехали в 2¹/₄. Ветер хороший. День приятный. Берега богаты лесом. В Вятском в 5.

Делали покупки и отправили ящик № 1. Выехал в 4¹/₂, в лодке писал дневник. Начинает собираться буря. На реке поднимается волна, время от времени перехлёстывая через борта низко сидящей лодки. На острове увидели людей, пристали к берегу, женщина убегает, Гендзу идёт к ним; на другом берегу /видели/ 2 балагана; отъехали. Парус влечёт нас довольно быстро, /идём/ без вёсел. Миновали огромные стаи чаек, сидящих на мелях. Время от времени пролетают утки, цапли, ястребы «воспъ». Пробовали стрелять, но без успеха. Гендзу всё время у руля и управляет парусом. Съел «бычки» и сгущённое молоко. Ветер сильнейший, надвигаются тучи, боялись бури, но вскоре заметили, что она прошла стороной.

В 8 приехали в Нижние Мари. Вышел слепой старик, затем другой, дети и началась разгрузка лодки.

Разбили палатку внутри строящегося дома братьев Поскар³⁷: Сергея, Николая, Александра и Тимофея.

Палатка устроена замечательно, на земле солома, место для ночёвок обещает быть удачным, тем не менее, спать не даёт жуткий вой собак, а во второй половине ночи рёв медведя.

Воскресенье 5. VII. После завтрака осмотрел больного ребёнка Николая,

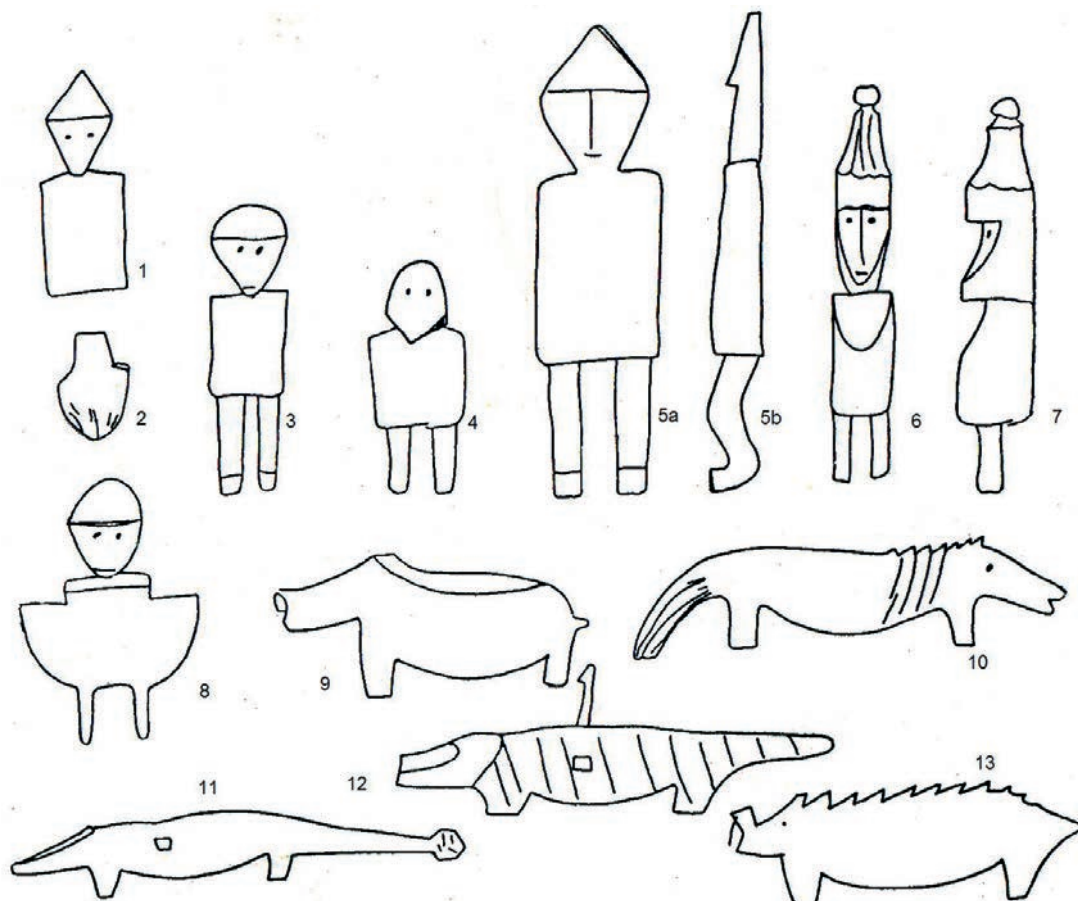

Рис. 4. Бурханы: 1. Сааня¹⁶, помощники Dugdermarī; 2. Donte-pukani¹⁷ — когда болит сердце; 3. Man(g)ja¹⁸ — при болях в животе; 4. Pokori¹⁹ — когда у ребёнка болит живот, то его кладут головой в огонь за то, что кусает ребёнка за живот. Голова обожжена; 5a и 5b. Eshchelungnini²⁰ — главный деревянный бурхан (вид спереди и в профиль). Ему на шею вешают 2 его детей, в семье Семёна эти дети серебряные; 6 и 7. Kalgama²¹ : пара. На дерево вывешивают: 1 главного, 2 детей, других 9 или 9 x 9, «других 9 раз 9 делай»; 8. Odzha — hazarku²² — человек с крыльями вроде ангела, 9 x 9; 9. Olgia — свинья; 10. Moge(n)²⁴ — конь; 11. Mu(c)ha — (mucha)²⁵, символическое животное, ночью может пройти несколько тысяч вёрст,...; 12. Dugdermarī²⁶ — главный шаманский бурхан (доп. разъяснен. автора — сверху — oscolani²⁷, прямоугольник на туловище — крылья); 13. Fuuntilka²⁸ — ёж.

16. Возможно, Сангия Ама — хозяин неба — Прим. Киле А.С.

17. Возможно, Дуэнтэ покани (желчный пузырь медведя как духа-хозяина тайги. Его изображали в виде медведя) — Прим. Киле А.С.

18. Возможно, Маси — сильный, крепкий человек — Прим. Киле А.С.

19. Pokori — бурхан, лечащий от боли в животе — Прим. Киле А.С.

20. Возможно, дё Эдени хозяин дома. Главный деревянный бурхан — это Дюлин — дух-хозяин дома — Прим. Киле А.С.

21. Калгама — сэвэн, приносящий удачу в рыбном промысле и на охоте.

22. Назначение этого сэвэна неизвестно.

23. Олгиан (свинья) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

24. Морин (конь, лошадь) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

25. Моха (н) — сэвэн, выступающий в образе тигра, является грозящей силой божественного предка.

26. Хапо — сэвэн, избавляющий от болезней живота и ног — Прим. Киле А.С.

27. Возможно, искажённое нанайское слово «октолани» (лечит) или изображение восседающего на сэвэне существа — Прим. Киле А.С.

28. Пунчилкэн (ёж) — сэвэн, охраняющий детей в колыбели — Прим. Киле А.С.

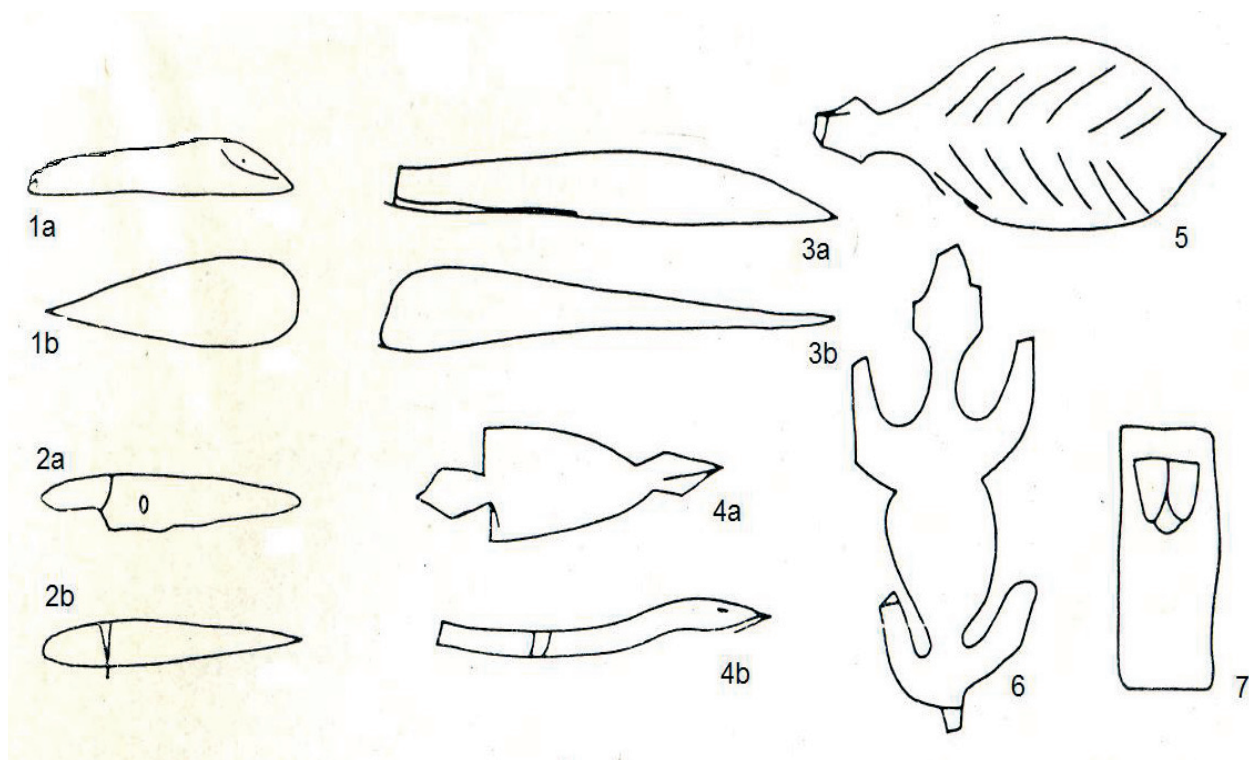

Рис. 5. Бурханы: 1а и 1b. Donte — lakani²⁹ — болит живот, рыбы хочет [?]; 2а и 2b. Chawa³⁰ — живот болит ([вид] сбоку и снизу); 3а и 3b. Laka³¹ ([вид] сбоку и снизу); 4а и 4b. Gasa³² — утка, 9 x 9; 5. Kaila³³ — черепаха, Donte³⁴ и его ребята [свита]; 6. Kutu³⁵ — жаба (chara) ; 7. Naadzeni³⁶

29. Возможно, Дуэнтэ, Лака — рыба — Прим. Киле А.С.

30. Назначение этого сэвэна неизвестно.

31. Лаха (сом) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

32. Гаса (утка) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

33. Кайлан — черепаха, символ здоровья и долголетия — Прим. Киле А.С.

34. Вероятно, Дуэнтэни — сэвэны, изображающие медведей. В данном случае, вероятно, имеются в виду помощник; Муэ Дуэнтэни — морская черепаха.

35. Кутуэ — жаба. (В старину жаб сушили. Порошком от их кожи лечили раны, различные травмы, нагноения. В нанайской мифологии лягушка играет охранительную роль, роль помощника человека и шамана) — Прим. Киле А.С.

36. Назначение этого сэвэна неизвестно.

дал лекарство, писал дневник.

Медвежонок (mafa)³⁸ чрезвычайно забавный, он у них уже 4 месяца. Ему дают рыбу, но собаки выкрадывают его порцию. С собаками живёт дружно и играет со щенками. Если дать ему палец, он начинает его сосать и очень это любит.

На обед ему дали зайца. Гольды очень любят держать диких зверят: у соседа Дмитрия был маленький барсук, у Дмитрия (Pentcha = «петухан»)³⁹ в последние дни была маленькая дикая утка; держат также кабанов и птиц.

Домашние животные: собаки, кошки (все рыжие), свиньи и лошади. До обеда провели измерения 6 [человек], после обеда начала собираться буря; пошли спать. Полил сильнейший дождь, палатку подмочило, несмотря на то, что мы спали под крышей. Просушка. Вечером холодно.

У Гендзу было 3 жены: первую, одиннадцатилетнюю, купил ему отец, когда Гендзу было 14 лет. Через два года он её выгнал, потому что она ему не нравилась. Другую ему купили за 160 руб. в 18 лет, но через год выгнал и эту. Ему отдали 80 руб. Недавно (год тому назад) сам выбрал себе жену, ей сейчас 15 лет. Гендзу намеревается купить ещё одну жену, потому что работы много, а русские не разрешают брать работников-китайцев.

Гендзу рассказывал, откуда произошёл его род Актанко: жена одного гольда пошла в лес и там её схватил тигр, который взял её в свой дом и жил с ней. Когда спустя некоторое время женщина вернулась домой, у неё родился сын и по имени отца (amba = тигр) его назвали Актанко.

Гольды никогда не убивают тигра, потому что это великий грех. Если ночью

охотник примет тигра за другого зверя и случайно убьёт, то потом он должен поставить разные товары, кушанья и бутылку водки в том месте, которое во сне ему укажет тигр. Тогда тигр придёт, возьмёт всё это себе и уже только тогда не будет наказывать гольда за убийство.

Это случилось очень давно: охотник-гольд услышал рык тигра, пошёл на то место и увидел, как огромная змея с рогами на голове (теперь таких уже нет) обвилась вокруг ног тигра. Гольд схватил нож и разрезал змею на несколько частей. Освобождённый тигр упал перед ним на колени, трижды поклонился в знак благодарности и ушёл в лес.

Если тигр схватится в лесу с медведем, гольд помогает тигру. Тигр никогда не нападает на гольдов, потому что знает своих людей.

Когда-то давным-давно пошёл гольд далеко в лес и встретил людей без головы и с глазами на груди. Испугался, но они ему ничего не сделали, а привели в свой город, где все были такими и очень маленького роста.

В давние времена гольды постоянно воевали между собой, пока русские не навели порядок.

Ночь холодная: «Bia»⁴⁰ (месяц), чистое небо с «ose kta»⁴¹ (звёздами).

Понедельник 6. VII. Заложил клише, вчера не мог, потому что повреждена рука. Николай ставит стену дома, конь лягнул свинью. На земле пушечное ядро. Мафа вопит воды. Холодно. Собаки воруя всё — едят свечи, мыло, нужно прятать от них даже калоши и резиновый плащ. Вчера украли у нас рыбу, купленную за 10 коп. на ужин.

Вторник 7. VII. Утром измерял. Пьяный Сергей даёт мне «fangafu» — бурхан, показывающий всё то, что далеко,

37. Вероятно, Пассар.

38. Мапа (медведь) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

39. Значение слова неизвестно.

40. Биа (луна, месяц) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

41. Хосиакта (звезда) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

говорит мне, что делают знакомые в Сакачиаляне.

Вчера измерял, лечил глаза старику, фотографировал. Один, глубокий старик с седыми взлохмаченными волосами, очень похож на айна. Снял Николая, 2 стариков и 1 [женщину].

Сегодня с утра измерял. Пьяный Сергей даёт «fangafa»⁴²: никому этого не даёт и не продаёт.

Обед. Погода хорошая. Гриша заполняет «опросный листок».

Возле нас сидит куча гольдов, детишки собирают насекомых и т.д.

После обеда измерял. Вечером 5 снимков: 2 группы и 5 фото шамана Сергея. Сергей — малый шаман, у него нет шапки.

Вечером ездили на другой берег купаться. Собирается буря. Холодно. После ужина окопали палатку. Постоянные молнии, но [буря] прошла стороной. Николай пьёт с нами какао. Начал записывать словарь со слов Гендзу. Дмитрий, который диктовал Лопатину, пришёл снизу, язык у него испорчен golaskim⁴³, он говорит на «низинном» диалекте.

После обеда привёл в порядок схемы с измерениями. Гендзу продиктовал мне генеалогическую таблицу [рода] Актанко. Ночью около 1¹/₂ нас разбудили крики, после чего пришёл Гендзу, спавший в балагане, и сказал, что дерутся Сергей с Александром и Тимошкой. Драка длится около ³/₄ часа, Гендзу сидит в палатке. Зажгли фонарь, Гендзу рассказывает, как Дмитрий говорил людям о вреде повторных измерений и о том, что человек, с лица которого изготовили маску, через два года умрёт.

Говорили с Гендзу, рассказывал об индейцах. Между прочим спросил о существовании у гольдов гостеприимной проституции. Говорит о большой стыдливости женщин, [мужчины] тоже очень

сдержаны: охотники, уходя из дому на несколько месяцев, не имеют половых отношений, потому что это помешало бы удачной охоте.

Среда 8. VII. Утром укладываемся. Заложил стеклянные негативы в кассеты, с чем всегда много работы. Вкладыши к кассетам Хрдлички очень неудобны. Обед на скорую руку.

Прощаемся. Жене Николая 1 руб., шаману Сергею 30 коп. за «fangafu» (Брун). Хадану за переноску 10 коп. и китайцу тоже 10 коп., детям 4 коп. и конфеты.

Отъехали в 2. Дорога очень хорошая, лёгкий ветер, в 7¹/₂ пристали к острову, искали яйца чаек, ловили маленьких чаек (теву) и куликов, но выпустили их на волю. На острове около часа. Ночевали на ближайшем острове. Палатка на песке в 30 шагах от берега. Костры. Лодку наполовину вытянули на берег вещи частично в палатке. Готовим ужин, Гендзу делает «lepszki» /лепешки/, нечто вроде оладий. Спать в 11.

Четверг 9. VII. Гендзу и Гриша в 4¹/₂ /ушли/ на охоту, я встал в 5. Охота без результата. Завтрак в 5¹/₂. Выехали после 6. Приехали в Муху в 7¹/₂. Палатку поставили очень удобно возле дома Гаврилы Оненко, брата Jefy /Ефы/, жены Гаврилы из Сакачиаляна. Гаврила, очень «смирный человек», дал нам целый ворох соломенных бурханов, выставленных перед домом.

В избе Гаврилы масса низкопробных портретов императорского дома и чрезвычайно комичных в своей примитивности картинок в роде «охота на кабана», «сцена в загородном ресторане».

По дороге в Муху Гаврила рассказал сказку «Морга и старуха»⁴⁴, сказка очень длинная, не закончил.

Вчера утром поведал предания:

1) о том, как гольд Мандзу покори

42. Вероятно, Пангапон — то, на чём гадают — Прим. Киле А.С.

43. Вероятно, «гиляцким» — нивхский язык.

44. Вероятно, «Мэргэн (добрый молодец) и старуха».

Китай,

2) как к гольдам приехали люди с огромными носами*, которые ловили гольдов и пекли на вертелах, как птиц (правдоподобное предание о первом прибытии русских).

3) Как его дед спас тонущего Муравьёва-Амурского.

Осмотрел больного ребёнка Гаврилы, писал дневник, пришли гольды, взялся за измерения. Измерил 3 /троих/, потом обед, после обеда снова измерял. Осмотрел и дал лекарства: 3 /трём/ касторовое масло в глаз, лишай, язвы, больная баба с язвой на губах, парень, похоже, с тифом, ребёнок с проказой, и ли что-то в этом роде, парень с язвой на локте, парень с лишаем на лице и т.д. Грязь в некоторых фанзах чудовищная, раны ужасно загрязнены.

За лекарства и советы не благодарят, с уходящим не прощаются.

Вечером фотографировал (2 группы, 2 Abia), затем 3 небольших бутуза 10—12 лет отвезли нас в лодках на другой берег купаться. «Garmokla»⁴⁵ кусается без всякой меры, поэтому мылся с лодки, другие и малыши лежат в воде. Ужинали в 9, «уха» из касаток, пойманных Гришей, чай.

Красивая лунная ночь.

В доме Гаврилы погасили свет и изгоняют дьявола из больного ребёнка. Множество людей в избе кричат «amba parde-ani ga»⁴⁶ чёрт, вылезай, в основном «ga, ga»⁴⁷. Это длится около часа. Гендзу пошёл помогать орать сколько влезет. При этом смеётся, настроение вообще очень противоречивое. Этот чёрт был маленький, поэтому он его не боялся.

Спать после 11.

Пятница 10. VII. Встали в 8. Завтрак. День жаркий. Писал дневник, потом пошли в куты, видел интересные бурханы на соседних сараях, расположенных на задворках деревни. Масса интересных вещей. Разбирает охота приехать на более длительный срок для этнографии, взять a conto от нескольких музеев по несколько blatow⁴⁸ — и готово.

Давал лекарства, проверил малого Dih /Диху/ с язвами на спине. Гендзу переводит.

В нескольких домах есть дикие гуси в примитивных клетках.

В 50—40 шагах от дома Гаврилы в лесу низко на дереве [висит] открытая коробка «маленка»⁴⁹, очень примитивная; в ней китайская картинка: Anduri⁵⁰ с 2 помощниками (Gendzu). Молятся редко, раз-два в году. Такие картинки мы покупали в Хабаровске у китайцев за два руб., это страшное вымогательство, но для них вполне понятно, что бог должен быть дороже, чем обычная картина.

Писал дневник /до/ 11^{1/2}, Гриша с малышами едет ловить насекомых, я пишу, Гендзу принимается за приготовление обеда: амур, каша и чай.

Ветер, пыль засыпает тетрадь и стол, кусают комары и мошка, возле нас всегда полно детишек, ходят за нами, помогают и очень развлекаются нашим присутствием.

Взрослые, наоборот, не обращают на нас внимания, за исключением первых часов по прибытии: так требует их хорошее воспитание. После обеда делали измерения, с этой целью ходили в дом Uanfo. Там живёт его дочь, вдова Duba /Дуба/ с двумя сыновьями, старший из которых, 11-летний Пётр, имеет жену,

* Наносник к шлемам — Прим. автора ; нанайцы вообще считали, что у русских очень большие носы — Прим. Киле А.С.

45. Гармакта (комар) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

46. Вероятно, «Амбан, хони — да эню! Гэ-гэ!» — «чёрт, как-нибудь уйди» — Прим. Киле А.С.

47. Вероятно, Гэ, гэ — поощрение шамана — Прим. Киле А.С.

48. Вероятно, «блат».

49. Вероятно, «маленькая» — Прим. перев.

50. Эндური (бог) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

15-летнюю Донке (измерена).

Дуба — симпатичная бедная женщина, лицо индейское, только глаза очень китайские.

В 10—15 шагах от дома находится могила, ограждённая деревянной решёткой, без креста (как в Сакачиаляне). На дереве около могилы висят некоторые вещи умершего. Ещё более примитивная могила находится возле хаты в конце села за домом Дубы. На дереве возле могилы висит шкура лося, котёл, чайник, одежда умершего, лыжи и т.д.

Позже ходили в дом Фады (индианка). Баба лет 40, очень весёлые цыганские глаза, типичная индианка, в тот же день сделал с неё 4 снимка: 2 анфас, профиль и $\frac{3}{4}$. У Фады обмерили её сына, ещё 9 знакомых и невестку Байды. Вернулись, фотографировали: Гаврила, Дуба, Фада и Фада с семьёй. Байда не хочет фотографироваться без мужа.

После ужина в соседней фанзе, где / живут/ больная старушка и её сын, происходит изгнание чёрта.

Гриша и Гендзу отправились помогать. Орут во всю глотку, что вызывает огромное веселье у гольдов, через полчаса сказал им, что чёрт уже убежал, но потом, после их ухода, продолжили его изгнание.

Красивая лунная ночь. Наблюдали луну в подзорную трубу. Гендзу видит там человека.

Суббота 11. VII. Упаковались, потом делал маску с Abia. Полпосёлка с большим весельем присматривается, но ни один не хочет подвергнуться этой операции, хотя Абя получил 2 рубля. Абя сидел очень спокойно, вырвал ему много волос вследствие редких усов и бороды, а также длинных взлохмаченных волос.

Обед наскоро, сделал снимок Байды с её [мужем] и мы выехали. Дорога по довольно узкому рукаву, заросшие берега, жарко, ветер очень слаб, потом

затишает. Ехали несколько часов, по дороге задержались, чтобы осмотреть дом, оставленный Uanfu, который сейчас / живёт/ в Муху. Забрали из сарая 3 бурхана и chonie⁵¹. Очень докучают мошка и комары. Под вечер Гриша не попал в орла, потом прошли мимо горящей травы. Около 8 видели рыбацкий «балаган». Подъехали, все убежали, что очень беспокоит Гендзу, он постоянно к этому возвращается /в разговоре/.

Ночуем в плохом месте, масса мошки и комаров. 2 костра, лепёшки и чай. Долго сидели у огня, чистое звёздное небо.

Гендзу рассказывает о подлостях, которые два брата Оненко, Сергей и Семён, живущие в Хабаровске, совершали по отношению к гольдам и орочам.

Хорошие гольды после смерти идут в «buni»⁵², который находится в низу (под землёй) и там живут себе, как на земле, но там уже нет чертей. Плохих по дороге останавливают.

Двоюродному брату Гендзу, Игорю, вложили в гроб 1000 руб., золотом и в бумажках. Похороны длятся неделю и на пиршество приходит не только своё село, но и соседние.

Ночью кусаются и не дают спать комары.

У Гендзу замечательный московский язык, напр.: «Jefim octa» = отец Ефима, «медведь мужик» — медведь-самец, «людя идут» кто-нибудь идет, «фершель» = фельдшер и т.д., и т.п.

Воскресенье 12. VII. Под утро проснулись, Гендзу кричит сквозь сон, разбудил его, говорит, что ему приснилось, будто гольды, которые от нас убежали, хотели его убить. Принял этот сон очень близко к сердцу.

После завтрака дорога очень тихая, без ветра, жара спала. Ехали до 11, встретилось 6 балаганов. Пристали к берегу. Там свёртывают балаган, успел

51. Значение слова неизвестно.

52. Буни (загробный мир) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

измерить одного [мужчину], другие боятся и прячутся от нас. Один [мужчина] всё это время спит в пологе⁵² (сделал снимок), или притворяется, что спит. Обед, несколько снимков, через 2 часа поехали дальше. Тихо-тихо, жара сумасшедшая. Обматываем головы полотенцами, которые каждые несколько минут смачиваем водой. Было, пожалуй, 40° R, потому что когда я в 6 вынул бельё из чемодана на термометре /завёрнутом/ в бельё было 24° R.

Приехали в Дада. Искали, у кого остановиться. Люди вышли на рыбу, остались [женщины] и дети. Нашли чистый дом, где нам разрешили остаться и дали удобную 1/3 нар с чистыми ковриками, на которых, однако, сновало множество прусаков. Дали нам немного сахара, пили чай, после чего пошли к 2 ороочонским балаганам, где больной ребёнок и парень с чахоткой.

Распаковка, купание.

Потом домой, порядок в чемоданах, разбили фонарь (в Муху забыли лопатку), вечер до 10 писал дневник, потом бросил перо, потому что на столе /появилась/ рыба.

Один из ороочонских балаганов — настоящий вигвам из берёзовой коры и частично из тканей. Внутри очень бедно. После ужина пошли к ороочам, сперва ждали перед дверями, пока больной парень зажигал китайскую свечу и кланялся. Заходим.

Шаманка поёт, в балагане, по размерам не превышающем нашу палатку 3 х 3 аршина, тесно, а нас 8 человек. Шаманка — бедная женщина лет 45 с очень добрым симпатичным лицом.

Пение длилось 30—40 минут, больной лицом к стене трясся в лихорадке, плакал, кашлял.

Я его перед этим осматривал, советовал непременно ехать в город, старик отвечал, что не может. Ребёнка тоже надо

бы /везти/ в город. Ужасно тощий, слепой от рождения и больной. Грязи больше, чем у гольдов, возле больных стоит {.....} вода. Обмахиваются огромными орлиными крыльями, снизу слегка отделанными кожей.

Этот орооч пришёл со своей семьёй с Анюя, вследствие болезни остался здесь, гольды ему ничуть не препятствовали, Гендзу немного знает ороочский, потому что ездил с Игорем к ороочам покупать меха.

У наших хозяев очень чистый дом. На стенах множество ужасных картинок размером 1/2 м², а то и больше.

Понедельник 13. VII. Встали в 8. Жарко, мошка. Дневник писал в избе, пришла прокажённая Гекта Бельды. Старушка лет 60, открытые раны на левой руке, указательный палец отвалился без боли, раны тоже не болят. Сидит в избе. Записал, имя, чтобы сообщить в волость, говорил, чтобы были поосторожнее с ней, потому что болезнь неизлечима. Смеётся, сидит рядом с женщинами, дети играют, хватают её руку, а затем скребут свои головы с лишаями или раной за ухом (одна маленькая девочка).

Проказа в верховье реки. В Сакачиалыне был один прокажённый из дома Дмитрия, жил отдельно на острове. В Ломани в настоящее время есть двое прокажённых, живут в селе. Идём в село измерять. Людей в домах мало, одни дома пусты, в других женщины либо старики и дети. Многие, особенно женщины, не дают измерить себя. Договорился о покупке 2 халатов из кожи сазана.

Перед обедом купание. Пробовал доплыть до острова. После обеда снова измеряли, купили несколько предметов: рыба, *chonia*, *silczu*⁵⁴ и т.д.

Очень жарко. К вечеру домой принесли на продажу несколько предметов.

Ночью полно комаров и мошки.

Вторник 14. VII. Измерил троих,

53. В тексте: w kotarniku. — Прим. перев.

54. Значение слова неизвестно.

сделал 4 снимка. Собрались и выехали. Сильный ветер довольно быстро нас уносит. Выехали в 12 с 1/2, в Даерга были около 1 1/2. Задержались в доме старосты, который не понимает по-русски. Дом довольно большой, но очень примитивный.

Ветер, небо покрыто тучами. Бесчисленное множество мошки облепило нас и палатку; писал дневник, Гендзу готовил обед. Сегодня утром начал писать письмо маме.

Типы постоянных жилищ:

Примером может служить «землянка», например, в Нижнем Мари, где временно проживал Николай.

Летние балаганы сейчас строят преимущественно в тех случаях, когда поселяются в лесу, в другом месте для ловли рыбы. Орочи живут в балаганах и зимой.

После обеда в доме старосты (см. рис. 6) измеряли его, его брата и их жён.

Староста и брат — индейские типы. Уши у индейских типов почти совершенно без lobulus'a⁵⁵. Руки и ноги более мускулистые, чем у китайских типов.

Уже в начале наблюдений видна разница в обоих типах (см. Таблицу 1).

От старосты пошли с ним вместе в соседний дом, где обмерили [мужчину] и [женщину], Солю /Цоло/ и его [жену] и купил корзинку за 15 коп.

Возвращаемся домой. Спать перешли в фанзу.

Начался дождь.

Ночуем в фанзе, нам на циновки стелят коврики.

Блохи. Ночь не очень спокойная.

Среда 15. VII. Встали в 7. Час, потом сфотографировал 4 [мужчин] в доме Цоло, в том числе отца Цоло, более чем девяностолетнего старика. Держится очень хорошо, но его мучает кашель. Лицо типично индейское. Потом в 10 Ген-

дзу начал готовить обед. Мы с Гришей пошли в лес, ребятишки с нами.

В лесу в 150—200 шагах от дома стоят liczne⁵⁶, «miao»⁵⁷, /многочисленные «miao»/, некоторые старые лежат на земле.

На соседних деревьях висят кости в корзинках. Сфотографировал 1 «miao», потом домой и дневник.

Предлагаю старосте и его брату /сделать/ маски, но /они/ не хотят об этом и слышать. Упаковались, сфотографировал брата, старика — отца Цоло и в 2 выехали.

Ветер о[чень] хороший и до Найхе доехали в течение часа. Найхе — большое село, около 20 домов. Несколько домов покрыто цинком. Есть русская миссионерская школа, 2 класса, два учителя. 16 пансионеров, получающих всё бесплатно. Только некоторые из них гольды, и то в низшем /первом/ классе, остальные корейцы, своих детей они привозят в школу иногда за 500 вёрст.

Задерживаемся посреди села у Александра. Комаров и мошки больше, чем где бы то ни было.

С этой точки зрения Найхе и Даерга худшие.

Дом Александра довольно чистый, комната маленькая. Дал нам одну стену, у другой сложили вещи, домочадцам остаётся только одна стена.

В доме: Александр 25 лет с женой 8—9 лет, жена брата Александра 35 лет (/брат/ отсутствует) и его же трое детей.

Ужин под граммофон, который Александр купил в Троицком за 16 руб.

В 11 укладываемся спать, но слышен бубен. Гендзу и Гриша пошли вперёд, мне не хочется, но позже встал и пошёл в конец села на шаманство⁵⁸.

Шаманит молодая женщина (жена Андрея, которому я осматривал спину, хорошо говорит по-русски, индеец).

55. Lobulo — мочка уха.

56. Значение слова неизвестно.

57. Возможно, «Мио» (изображения на бумаге или материале китайских божеств) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

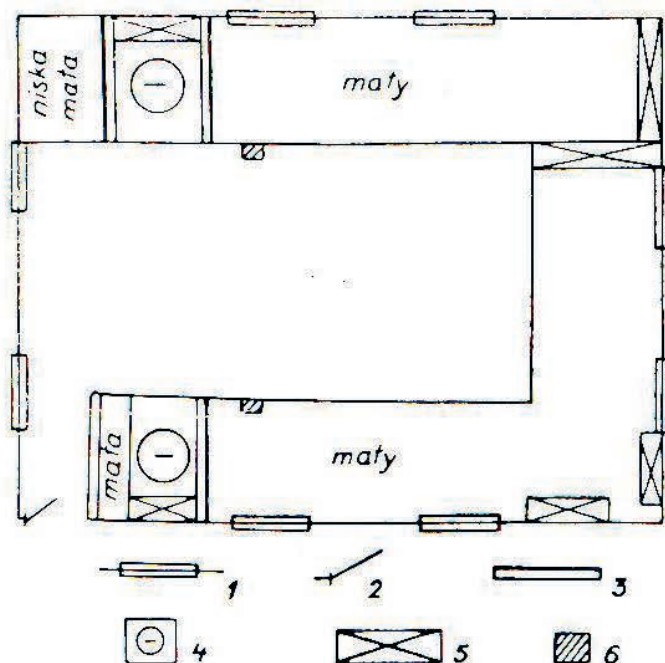
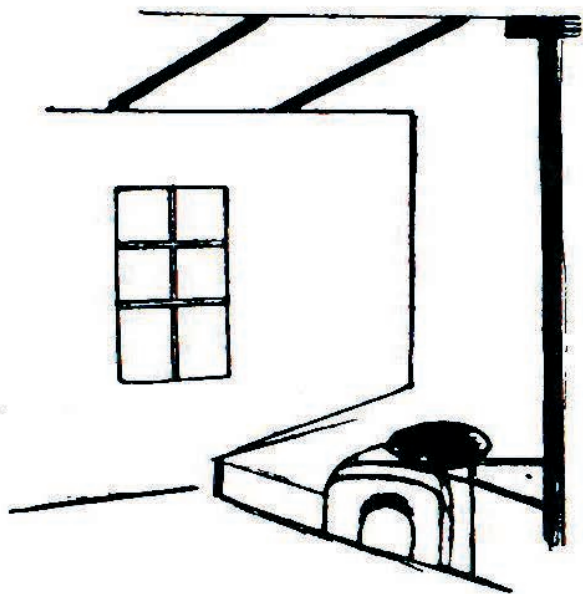

Рис. 6. План дома старосты в Даерге: тип 2.
1. Окно. 2. Двери. 3. Перегородка. 4. Печь-котёл. 5. Шкафчик. 6. Столб.

Рисунок показывает расположение печи (4), а также столба (6) (по плану дома старосты — *Прим. ред.*). Столбы поддерживают поперечные балки; это начало стены, которая в высшем типе сеней отходит от комнаты. /?/

Разница индейского и китайского типов

	Индейский тип	Китайский тип
нос	прямой либо крючковатый	вогнутый
Malars (коренные зубы)	очень крепкие	крепкие
руки	мускулистые	очень тонкие
рост	выше	ниже
волосы	темно-коричневые или чёрные с ржавым оттенком	чёрные
{.....}	средний или лоб очень наклонный	нет либо б. низкий лоб б. слабо наклонённый либо прямой
глаза	почти {..} Mf. b. незначительная либо отсутствует	глаза узкие, Mf. b. очень раскосые
брови	широкие	небольшие
уши	без lobulus'a	с lobulus'ом
рот	губы тоньше, сжатые	губы толще, нижняя выдвинута
характер	спокойный, ленивый	подвижный, работающий
примеры	Староста Abia (Абя) — индеец в Даерге и т.п.	Филемон
кожа	оч. явно бронзовая	бледно-жёлтая или палево-жёлтая
волосы	тоньше	толще

Небольшая комната, темно, перед бурханами горит китайская свечка. Шаманка поёт и танцует, но начала только на одном месте. Больная приехала с мужем из Торгона, у неё болит живот; лежала на нарах возле нас.

На следующий день Гендзу нам рассказал:

Шаманка послала своего Аjami⁵⁹/ Аями/ отыскать душу больной, которую похитил чёрт. Аями пошёл далеко вверх по реке и увидел высокую гору, на ней росли три дерева, а у каждого из них над землёй было по три дыры. Аями ? побоялся? туда войти и стал возле деревьев.

Он увидел, как из одного дерева вышла душа, но не больной, а другого человека, поэтому он её не трогал, из другого — то же самое, из третьего вышла душа больной, и только тогда Аями начал гнать её домой.

Шаманство с перерывами длилось очень долго, потому что шаманка кормила ребёнка. Танцевала также возле больной на нарах и несколько раз вокруг комнаты.

Домой вернулись поздно.

Четверг 16. VII. После завтрака разошлись по домам.

58. Вероятно, камлание — общение шамана с духами.

59. Аями — дух покровитель, дух защитник здоровья и благополучия // Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания МСИИ г. Комсомольск-на-Амуре). — Каталог. — Комсомольск-на-Амуре, 1992.

Собирали статистические данные и делали обмеры. И то, и другое продвигается о[чень] трудно. Нас боятся, потому что разошлась весть, что из /некоторых/ из 10 /человек/, измеренных нами в Са-качиаляне берут в армию.

Купил несколько предметов.

Около 1 отправились в школу, где находились приблизительно 1¹/₂ — 2 часов, после этого обед в доме (каша без сахара) и пошли в верхнюю часть села делать обмеры. Измерения проходят еще хуже, чем вчера.

Пришли в дом родственников вчерашней больной. Празднично одетая, она совершает благодарственные танцы перед 3 бурханами вокруг (внутри) своего дома, а потом идёт в соседние дома. Танцуют и другие, один [мужчина] особенно искусно.

Гендзу сказал, что когда танцует сильный шаман, то вместе с ним /танцуют/ и много мужчин.

Купили небольшую калугу (9 [фунтов]) на ужин, 80 коп., после чего /слушали/ граммофонные пластинки из соседнего дома, затем снова /пошли/ на шаманство, но оно уже малоинтересно и через 1¹/₂ часа мы вернулись домой.

Пятница 17. VII. Две стрелы с железными наконечниками. Гендзу: «старики у нас скажут /называют / «dzabdo»⁶⁰, а мы «niogo». В Торгоне все говорят «dzabdo». Одна из этих стрел от Александра.

Складываемся, Александру 3 руб., приехали в Торгон. Остановились в школе, где находятся Лопатины и их ученики.

Учитель Уллармонь Миалович⁶¹ простой парень, но ничего себе. Их ребенок 3¹/₂ лет очень развит. Купание. Чай. Пошли с Гендзу в село, купили несколько предметов, спрашивал об ороках и ольчах; по возвращению наводим порядок в сундуках, Гриша на охоте, Иван Алексеевич болен. Долго наводим порядок. Спал в пологе, но плохо.

Суббота 18. VII. Утром до обеда закончил укладывать вещи, потом обмерил 2 человек, писал письмо. Гендзу покупает для меня различные мелочи.

Воскресенье 19. VII. Должны были ехать, но из-за сильного ветра, из-за того, что почта и волостное правление (Гедзу) в Троицком в воскресенье закрыты, остаемся до завтра. Утром писал письмо Хрдличке.

Одолжил Лопатиным 25 руб., должны отослать во Владивосток. Обед, стрельба по целям. После обеда закладывал клише и обмерил 1 [мужчину]. Перечень предметов, отосланных в ящике № 1 из Вятского в музей в Хабаровске для Варшавы. Бурханы:

- 5 коней — moren⁶²
- 5 gasa⁶³
- 5 крылатых людей
- 1 chawa⁶⁴
- 2 малых kalgama⁶⁵
- 3 czopki⁶⁶
- 1 saania⁶⁷
- 2 малых kaila⁶⁸
- 1 большой kaila
- 1 большой складной donte⁶⁹
- 1 donte lakam⁷⁰

60. Дябдон — железный наконечник на конце стрелы самострела для охоты на крупных зверей — Прим. Киле А.С.

61. Так в тексте. Вероятно, Илларион Михайлович — Прим. перев.

62. Морин (конь, лошадь) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

63. Гаса (утка) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

64. Хэрэ (лягушка) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

65. Калгама — сэвэн, приносящий удачу в рыбном промысле и на охоте — Прим. Киле А.С.

66. Значение слова неизвестно.

67. Значение слова неизвестно.

68. Кайлан (черепашка) — Прим. Киле А.С.

69. Вероятно, Дуэнтэни — сэвэн, изображающий медведя с подвижно вырезанными конечностями // Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания МСИИ г. Комсомольск-на-Амуре). — Каталог. — Комсомольск-на-Амуре, 1992.

1 donte из "koczki" /кочки/⁷¹
2 olgia⁷²

16 бурханов от Коя.
3 enchenunguni⁷³
1 pokori⁷⁴
1 muxa⁷⁵

Другие предметы:
1 сумочка—potsa⁷⁶
1 giazda⁷⁷
1 pacza⁷⁸
Всего 51 штука.

Вечером письма Эрху, Бруну и др.

Понедельник 20.VII. Сильный ветер, решаемся ехать. Берём одну лодку (подвода)⁷⁹, на которой часть багажа, остальное в нашей лодке.

На гольдской лодке 2 бабы, 1 парень и 2 мужчин постарше. Нас трое. Выехали в 11. Скверная переправа через Найхинскую протоку шириной в 1½ версты: волны ежеминутно захлёстывают лодку. Семён и Гриша у вёсел, я рулю. Потом в течение 6 часов проходим 25 вёрст до Троицкого. Сильный встречный ветер.

Хуже всего т.н. «перекаты».

В Троицком останавливаемся на т.н. «земской квартире», где уже есть д-р Коппель, хабаровский земский врач, и старший становой пристав — ветеринарный фельдшер отдаёт нам для житель-

ства свою комнату.

Получил в волостном управлении карточку для Гендзу, на почте — телеграмму от Чернышёва, потом ко мне пришла его жена с просьбой о заступничестве.

Познакомился с Коппелем и приставом. Коппель обещает сообщить {.....} и рассказывает о могиле в Средне-Тамбовском, пристав предлагает мне ехать с ними на Gorczen⁸⁰.

Переносим вещи из лодки в амбар. Гриша и Гендзу пошли в гольдский посёлок.

Вторник 21. VII. В 10 выехали из Троицкого, сделали покупки. Слабый встречный ветер. Едем чрезвычайно медленно. Жара, то и дело бросаем вёсла и руль, отдавая лодку на волю течения.

Гендзу плохо переносит жару, ему делается нехорошо, помогает себе тем, что щиплет шею. Проходим Славянское⁸¹. Около ½ 6 подошли к острову «Barkas boasat»⁸², на котором заночевали возле гольдского села.

Поставили палатку на берегу, детишки помогают.

Купили за 30 коп. огромного амура, Гендзу его почистил и оставил возле палатки, пёс схватил рыбу и убежал с ней. Купили ½ за 16 коп.

Много мошки.

70. Вероятно, Дуэнтэ лакани — рыба бычок. Помощник хозяина тайги — медведя. — Прим. Киле А.С.

71. Вероятно, Муэ Дуэнтэни — сэвэн, изображающий медведя, вырезанный из кочки // Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания МСИИ г. Комсомольск-на-Амуре). — Каталог. — Комсомольск-на-Амуре, 1992.

72. Олгиан (свинья) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

73. Вероятно, Дё Эдени (хозяин дома — Дюлин) — Прим. Киле А.С.

74. Покори — сэвэн, лечащий от боли в животе — Прим. Киле А.С.

75. Вероятно, Моха (н) — сэвэн, выступающий в образе тигра, является грозной силой божественного предка // Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания МСИИ г. Комсомольск-на-Амуре). — Каталог. — Комсомольск-на-Амуре, 1992.

76. Вероятно, Потачан (мешочек из рыбьей кожи) — Прим. Киле А.С.

77. Вероятно, Гиасидан (шаманская колотушка) — Прим. Киле А.С.

78. Пачан (овальная берестяная коробка) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

79. Имеется в виду грузовая лодка — Прим. перев.

80. Возможно, стойбище Горин.

81. Славянка — село в 18 км ниже по Амуру от с. Троицкого, основано в 1909 г.

82. Баркас боачан — нанайское стойбище на правом берегу реки Амур, располагавшееся недалеко от с. Троицкого.

Среда 22. VII. Купание, завтрак. Осмотрел старую оморочку из берёзовой коры, наполовину засыпанную песком. В Barkas боаат /есть/ только эта, в Сакачиаляне — только одна, полностью выходит из употребления. Весит 40—50 [фунтов]. Внутри из дощечек.

В дороге снова ветер, зной. Обед в Djuda /Дада?/ Недалеко от Малмыжа, где я спросил, не оставил ли мне что-нибудь Коппель. Нет. Поехали дальше. Небо затягивает огромная чёрная туча. Трудный проход мимо высокой скалы, потому что /лодка попала/ как раз в сильную волну от судна.

Дальше на Амуре увидели утку, погнали её, она исчезла /из виду/, но лететь не может, видимо ранена. Гриша стреляет. Утка /двинулась/ вверх по реке, мы за ней, убил /её/ Гендзу. Нужно /становиться/ на ночлег, ветер всё сильнее, нигде нет удобного места. Переехали на другую сторону, потому что Гендзу боится москалей. Амур раскинулся на 2¹/₂—3 версты, переправа долгая. Смеркается, вихрь, движемся вдоль острова, но нигде не можем пристать. Положение становится угрожающим, поднимаются волны, нужно приставать к берегу, иначе нас перевернёт.

Поставили парус и выше по течению вошли в малую протоку, разделяющую два острова. ¹/₄ версты прошли за 20 минут. У острова Гендзу въехал в траву и часть пути до твёрдой земли мы прошли в травах. Палатку поставили вдали от лодки. Масса мошки и комаров. Часть вещей (2 жёлтых кофра, гипс и т.д.) осталось в лодке. Приготовили убитую утку, в 11 спать. Проснулся в 5, услышав /шум/ сильнейшего дождя. Разбудил остальных. Гендзу натянул на палатку полог, затем мы с ним пошли к лодке и принесли

оба жёлтых кофра. Промокли насквозь. Ливень шёл в течение часа. В 6 утра мы сняли совершенно мокрые одежду и бельё, занесли в палатку все вещи и легли спать. Положение чрезвычайное, дождь и сильный ветер могут держаться долго, несколько дней. До людей 6—8 верст, запасы еды минимальны.

Поднял всех в 10. Завтрак, дождь немного утих, в 1 выехали и двинулись на вёслах против ветра вдоль острова, затем под парусом — на ту сторону Амура.

В 6 приехали в Chor⁸³ и /направились/ в расположенное неподалеку (на другом берегу) село /стойбище?/ Manga⁸⁴, где встретили ороحوнов.

Остановились у гольда, вещи — в фанзу, возле неё палатка. Обед: чай и каша. Впроголодь. Обмерил 2 ороحوнов, стемнело, сидели в фанзе, играли в карты с ороचनाми и гольдами (в дурака и 66), потом в 9 вечера писал дневник.

Дождь идет со времени приезда.

Четверг 23. VII. С утра дождь. Завтрак — заяц за 50 коп. Потом в фанзе писал письмо Янке: орочи для меня рисовали. Старик Mafa⁸⁵ /Мафа/ вырезает из бересты и потом обводит карандашом.

Ороч № 2, шаман, у него есть бубен, но без рисунков. Живёт на Хоре, на Сунгари пришёл с визитом. У него была молодая жена 25 лет, которая убежала с молодым, лет 24, орочем. Родители и муж искали полгода, но их и след простыл. Говорят, что сейчас молодые живут около Николаевска.

По этому поводу разговор с Гендзу о женщинах. Говорили о поединках, бытующих на западе. Гендзу сказал с презрением: «Емо народ это дуречь! как ли убивать другого».

Гольды не знают самоубийств.

В 12¹/₂ приготовили рис, рыбы нет,

83. Возможно, Челцы — стойбище на песчаном острове недалеко от с. Оммы / Архив ОИАК Ф.14. Оп. 1. Д. IIIа. Т. II.Л.2.

84. Возможно, Мынгэн — стойбище на острове с правой стороны р. Амур, недалеко от с. Оммы / Архив ОИАК Ф.14.Оп. 1. Д. IIIа. Т. II.Л.2.

85. Мапа (старик) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

очень хочу есть. Обмерил одного ороча и двух гольдов.

Потом заполнил начисто 11 карточек для Хрдлички.

Вечером Гендзу, расспрашиваемый о его православии и о том, что он знает о Христе, рассказал*:

А с какой целью вас крестят {

 }
 (См. рис. 7, 8, 9, 10)

Ороч тоже крещён, старик даже носит крестик, но понятия ни о чём не имеет.

Из-за дождя спали в доме. Блохи бешеные, $1/2$ ночи, а то и больше не давали мне спать. Персидский порошок совсем не помогает. Маок¹⁰⁵ хорош, но он у нас уже закончился.

Суббота 24. VII. С утра дождь. Встали в 8 $1/2$. Завтрак: рис и чай. После завтрака со слов Гендзу записывал гольдскую грамматику, а потом в соответствии { }

Купили амура за 40 коп. Гендзу готовит обед. Хозяин вернулся со свадьбы пьяным и начал пить дома. Пил спирт, разведённый водой.

Пришли несколько гольдов, пьют все, хозяин о[чень] весёлый и пьяный,

всё время приглашает нас, потом укладывается спать, но вскоре его начинает рвать.

После обеда ороч-шаман даёт мне названия вырезок (очередные страницы).

В стойбище Хунгари на минуту /пристали/ к берегу, где был ороч с женой, после чего /двинулись/ дальше до Вознесенского. По дороге нас догнали наши орочи.

В Вознесенском в 2,40 пошёл на почту, 2 письма от Янки, письмо от мамы; потом больница. Фельдшер принимает меня за врача, чрезвычайно располагающ. Показывает мне больницу: 2 небольшие палаты, 1 аптека и его жилище. Годовой бюджет 400 руб., приходят только очень тяжело больные, чтобы умереть.

Лежит больной цингой смотритель маяка, выглядит ужасно, стонет, что хочет побыстрее умереть.

Чай у фельдшера, потом идём с ним в дом старосты, где /находится/ больной дизентерией парень. Потом снова фельдшер, оставили у него наши вещи. У китайцев купили провиант. Два парохода, после чего на ороческой лодке с шестью поздно вечером подошли к Хунгари.

Езда /занимает/ 40 минут, по дороге солдаты бесплатно дали нам осетра, не

* Отсутствует русский /текст/ рассказ/а/.

- 86. На удэгейском языке — сэвохи — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 87. Буи гозиана — дух животного — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 88. Гаса — птица — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 89. Возможно, зародыш животного — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 90. Дили — голова — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 91. Нала — рука — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 92. Бэгди (нога человека, животного) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 93. Гая зиани(из рода птицы) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 94. Н'уктэ (волосы) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 95. Гая -гаса (крылья птицы) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 96. Тога (одежда) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 97. Эмугдэ (живот) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 98. Киана (изюбрь) — бучан (пятнистый олень) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 99. Возможно, название птицы — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 100. Гая (птица) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 101. Е (рога) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 102. Анма (рот) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 103. Гиу (колотушка) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 104. Унту (бубен) — Прим. Кялундзюга В.Т.
- 105. Средство от насекомых — Прим. перев.

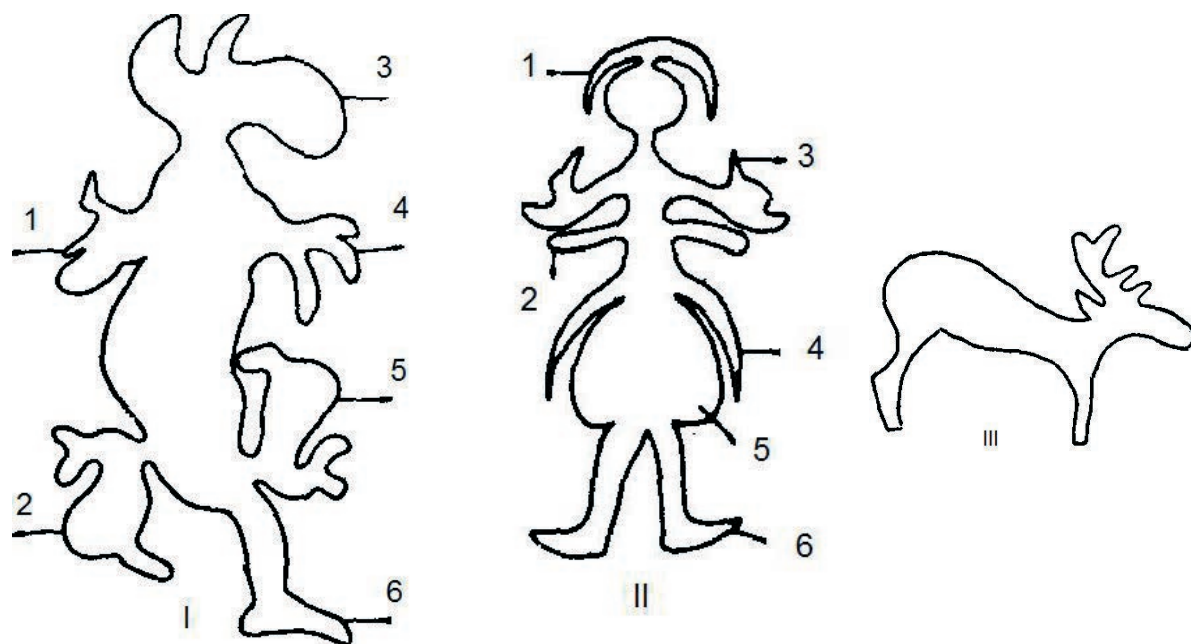

Рис. 7, 8, 9. Бурханы шамана-ороча № 4.

I. Бурхан⁸⁶ ороченского шамана вроде айнских и гольдских шаманов / шаманских бурханов/. *Vo(li) godziani*⁸⁷ 1. *Gasa*⁸⁸. 2. *Pandzia*⁸⁹. 3. *Dzeli*⁹⁰. 4. *Ngala*⁹¹. 5. *Pandzia* (два). 6. *Bagdi*⁹².

II. Бурхан *Gajagdziani*⁹³ 1. *Niukta* (коса)⁹⁴. 2. *Ngala*. 3. *Gaja* — *gasa*⁹⁵. 4. *Toga* — рубашка⁹⁶. 5. *Amugda* — живот⁹⁷. 6. *Bagdi*.

III. Изюбр (не бурхан). *Ni. Kiania* (ороч) — *bosa*⁹⁸.

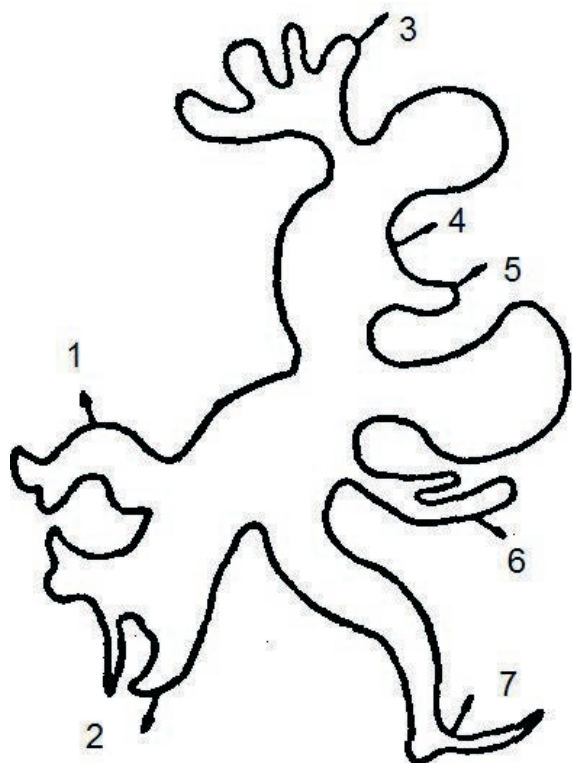

Рис. 10

Bogodziani. 1. *Fui*⁹⁹ — шаманский пояс. 2. *Gaja*¹⁰⁰. 3. *Ja* — *giarda*¹⁰¹. 4. Губы. 5. *Амма* (около морды)¹⁰². 6. *Gilne* (колотушка)¹⁰³. 7. *Bagdi*. (Между 3 и 4 — *dili* (голова), между 5 и 6 — *untu* (бубен)¹⁰⁴. Названия ороческие. Изделие ороча.

хотел брать задаром, дал 60 коп., доложили ещё одного.

В 10 ночи пристали к берегу. Прекрасная ночь, костёр, чай. Поставили палатку, спали с 12 до 7.

Понедельник 27. VII. Завтракаем осетром. Взяли две подводы до устья Хунгари (80 коп.). Из-за сильного ветра дорога в 3 лодках /кажется/ кошмарной. Я с 2 гольдами в самой плохой, ломается весло, мы идём с одним при помощи шестов. Около 10 оказываемся в устье, переносим вещи в лодку орочей и быстрая езда на шестах. Течение очень сильное, множество излучин с завалами деревьев. Дорога до стойбища с 5 вигвамами занимает около $1\frac{1}{2}$ часа.

Вышли на берег, просушили вещи; обед, писал дневник, потерял пятницу 24. VII. 1914 г. и не сумел её отыскать.

Гришу трясёт.

Обед, потом после полудня обмеры с 3 до $8\frac{1}{2}$, 9 человек. Измерения прошли легко, платил по 10 коп. Настроение весёлое.

Вигвамы очень примитивны. Живут тут впервые, были в Сакачиаляне, пришли с верховьев.

Вся одежда из купленных тканей, но орнаментов значительно больше, чем у гольдов, зато и орнаменты попроще.

Волосы [заплетены] в две или одну косу.

В вигвамах только самые необходимые вещи.

Вторник 28. VII. Погода плохая, утром был дождь. Пасмурно. Не спал с 5. Завтрак, расчеты, дневник.

Потом обмерил двух женщин и одну малышку. Комары ужасные, кусают при обмерах, а ведь /при этом/ нельзя двигаться.

Затем начался мелкий дождь, всё небо покрыто тучами. Орочи говорят, что комары кончатся в начале сентября; принимая во внимание и другие вещи, получается, что лучшее время для экс-

педиции: осень, зима, весна; летом препятствует то, что: 1) многих нет дома, 2) комары, мошка, гнус, 3) дожди, 4) сообщение только по рекам и то не по всем. Зимой езда на собаках значительно быстрее и меньше зависит от погоды. Зимой легче прокормиться, потому что: 1) охота, 2) везде с конца лета и осени большие запасы рыбы. Зимой почта по Амуру /идёт/ ежедневно, летом только пароходами раз в 2-3 дня. К летним помехам прибавляется то, что русские начинают много инородцев на сенокос, затем работниками на рыбалку, причем в конце лета идёт рыба, и они сами слишком заняты для того, чтобы быть объектом изучения.

Обед, потом быстрые сборы и в 2 выехали. Езда о[чень] спокойная, течение о[чень] сильное, берега всякий раз другие, есть и скалы с кедровым лесом, и горы, под вечер въехали в длинное озеро, но неудачно. В травах по берегам озера неоднократно видели т.н. медвежью тропу. Бата безуспешно бьёт рыбу острогой.

Дождя нет, но пасмурно и сыро, поднялся холодный туман и стал над рекой. Пристали к берегу, где миллионы комаров, больше, чем в Найхе. Поставили палатку. Ужин: лепёшки, рис. Чай нужно пить с сеткой на голове, засовывая под неё стакан.

Плохая ночь, так как в палатке чрезвычайно жарко и полно зудящих без усталости комаров, влетающих даже под полог.

Среда 29. VII. Завтрак, в 8 выезд. Едем преимущественно боковыми рукавами, несколько трудных мест: три проезда под знакомыми поваленными деревьями, перегораживающими реку, в одном месте мы /остались/ на берегу, а Бата и Мафа сами тащили лодку сквозь щель шириной в 4 шага и длиной 50—60 шагов, в другом снова нужно было рубить ветви, свисающие над водой.

На место проживания наших орочей приехали в 12. Там стоят два вигвама, один пустой (нашего Мафы). Поставили палатку, купание, обед, потом фото Бата (3), Мафы (3), Килы¹⁰⁶ (2) и Данилы (2) с 2 до 5. Затем обмерил двух мужчин; спать отправились вовремя.

Обсуждали с Гендзу положение женщины у гольдов. Муж бьёт её, потому что «такой закон».

Девочки могут играть с мальчиками до 10—12 лет, потом совместные забавы (собственно, это весёлые разговоры, смех) только в присутствии взрослых. Равно как и замужние женщины могут развлекаться разговорами с другими [мужчинами] только при своих мужьях.

Беременность у гольдов длится 10 месяцев. За 3 месяца до и в течение 3 месяцев после родов половые отношения не разрешаются. Для рожавшей женщины ставят отдельный балаган, ей помогают другие женщины. Бабок-повитух нет.

Kuwady¹⁰⁷ тоже нет. Желательны мальчики, за мальчика [муж] говорит [жене] спасибо (по-гольдски, ест[ественно]).

Ребёнка-калеку отец может убить.

Предание о великанах. В давние времена по Амуру ходили «kalgama», невидимые для обычных людей /калгама/ (сэво — духи), которые вечером разжигали костры на островах. Костры эти было видно, а самих kalgama нет. Некоторые гольды хотели драться с этими kalgama. Один отважный гольд оделся в крепкую грубую одежду, обвязал всё вокруг ремнями и кожей и вечером пошёл на остров, где горел костер. Kalgama закричал давай со мной драться. Начали они бороться. Гольд не видел kalgama, но чувствовал его руками. Во время боя гольд нащупал «sileszu» /силищу?/, схва-

тил её, оторвал, спрятал в карман и убежал домой. В течение трёх лет kalgama шептал ему в ухо: «отдай силищу», но гольд не отдавал. Тогда kalgama обернулся оч. красивой женщиной и гольд женился на ней. Она просила мужа, чтобы он никогда не снимал шапку, которую она всегда носила на голове. У гольда с ней было двое сыновей-великанов, каждый ростом в 40 аршин. Когда старшему сыну было 10 лет, он спросил отца, почему мать всегда ходит в шапке. Отец ответил, что если её снять, то мать умрёт. Мальчик не поверил и, когда мать заснула, снял с неё шапку. Под шапкой в голове была большая дыра. Мать проснулась и сразу умерла.

Мальчики выросли замечательными охотниками. Когда возвращался с охоты домой, то /шёл/ так быстро, что когда его путь занимал один день, то собака прибегала домой только через неделю. Младшего великана люди однажды поймали на прелюбодеянии и убили его, тогда старший взял лук и одной стрелой убил сразу 7 человек.

Однажды старший /великан/ пошёл со слугой в лес и велел ему позвать к себе старшую жену (у него было 2). Пришла младшая. Случилось несчастье и он убил её, потом вернулся домой, ещё долго жил со старшей женой, но детей у них не было.

Потом Гендзу рассказывает о { } и охоте на «zywkij zwer»¹⁰⁸.

Орочи: бурханы = Pudanchu¹⁰⁹, когда человек заболевает, шаман делает её из сена.

Четверг 30.VII. Нарисовал Бата, он рисовал в то время, когда я записывал предание о великанах.

Приходят Мафа и /с ним / целая аудитория. Мафа говорит о бурханах.

106. Вероятно, Киле.

107. Кава (отдельный родильный шалаш для женщины) — Прим. Кялундзюга В.Т.

108. Возможно, жуткий зверь.

109. Пуданку (временный сэвэн, изготавливали из травы или хвойных лапок) — Прим. Кялундзюга В.Т.

«Bogodziani»¹¹⁰ — это шаманские бурханы вроде «ajami» /Аями/ у гольдов.

Молятся только китайским anduri /Эндури/, кроме медицинских других бурханов не имеют.

Роды: [женщина] строит отдельный небольшой вигвам, в котором лежит 10 дней, рождает сама, только сразу после родов муж и другие люди приходят посмотреть на ребёнка. Если отец не посмотрит на ребёнка, то ему от этого жить будет плохо или даже он умрёт; после родов женщина в течение 5 дней лежит в другом специально для этой цели построенном вигваме и только через 15 дней возвращается в свой вигвам.

Фото: как измерял. Потом обмерил Данилу и 3 [женщин] (по 10 коп.).

Около 1. пошёл на другой берег, откуда сделал 4 снимка. Обед, после него подъехали 2 лодки с 2 семьями, идущие вверх по реке. Обмерил одного мужчину, но его жена и ещё одна /женщина/ убежали, сказав Гендзу, что не дадутся обмерам, даже если их грозят убить.

Сделал несколько снимков = 3 местные [женщины] (средняя держит колыбель с ребёнком той, которая стоит слева от нее, справа по отношению к зрителю), 2 /раза сфотографировал/ лодки и людей около них. Срывается сильный ветер. Прочёл нотацию Грише.

Выехали на охоту с Гришей, Данилой и Чонгро (10 лет). Данила впереди, за ним Гендзу, потом сижу я с веслом. Чонгро рулит. Едем по озеру, шестами забили небольшую утку, стреляли по большим. На берегу искали заячьи следы, домой вернулись в 9, когда уже стемнело. Новости о лосе: Гендзу едет на него с местными мужчинами.

Пятница 31. VII. Гендзу встает до 5 и идет на охоту.

Мы с Гришей встали в 7. Завтрак. Выстрогал 4 рамки. Снизу приехали 4 лодки со стариком Мафу и его сыном,

шаманом (фото) и его братом.

Сфотографировал Мафу (78 лет), глаза плохие и о[чень] прищуренные, правым не видит, здоровый, чрезвычайно покрыт морщинами. Следующим снял Дангдзелу — сына Мафу. (Измеряли в Хунгари 1). Затем вложил клише в кассеты.

Около 1 приехали с охоты, шли 10 верст за лосем, которого вчера ранил Николай, и в конце концов след потеряли. На обед 2 утки, купленных за 2 [фунта] сахара. Перед обедом отпустил Гришу с Батой и орочами на дальнейшие поиски вчерашнего лося. После обеда наводим порядок в палатке, потом чинил одежду, потом писал дневник. Пришли Гендзу и Мафа (№ 4). Забыл: вчера вечером наш Мафа рассказывал: «когда-то было о[чень], но тогда же была такая большая вода («большое потопление») /наводнение/, что она залила всё, люди и звери погибли. Только на одной горе остались брат с сестрой и зверями. Они долго жили там, но захотели узнать, есть ли другие люди и послали в мир ворону, велел ей вороне вернуться через 7 лет. Ждали 7 лет, и 10, и дольше, но ворона не возвращалась, и тогда они послали в мир ворона, и тоже на 7 лет. Прошло 7 лет, и 10, а он не возвращался, но потом вернулся и поведал, что людей нигде нет и только в одном месте /есть/ много мёртвых людских тел и их поедает ворона, посланная ранее. Видя, что людей не найти и тяготясь жить так, как они жили до той поры, они начали жить как муж с женой и имели сына и дочку. Эти дети отправились на одну реку и там имели сына и дочку. Та пара тоже отправилась жить на другую реку и т.д., и т.д. и таким образом на каждой реке стал один род орочей».

Сидели в палатке: Гендзу, Мафа и я. Расспрашивал их о разном.

110. Боа эзани (хозяин, верховное божество места, тайги) — Прим. Кялундзюга В.Т.

Senge — Mafa = Anduri / Эндური /

Орочи Sekani setani mama¹¹¹ = жена

Sekani setani aniga¹¹² = мать

Boa¹¹³ = Anduri

Гольды Boa = mamani¹¹⁴ = жена
Anduri

Орочи (от Мафы (N.4¹ via Genzu)).

«Buni»¹¹⁵ — и у гольдов, и у орочей находится под землёй, даже один день лучше прожить на земле, чем там.

В «buni» люди через определённый, но длительный срок, умирают и потом идут в «jetao»¹¹⁶, где живут меньше, чем в buni, там умирают и идут на небо «Boa», где живут вместе с Anduri и кормит их Boa mamani, а спустя определённое время их спускают назад на землю, где /они/ становятся людьми, либо животными, либо растениями. Плохие люди в наказание становятся свиньями или собаками, глупцы — сухими палками. У тигра глаза такие, что он в каждом животном сразу видит, что за человек в нем живёт.

Зачем же есть животных, если в них сидит человек?

«Такой закон» (Гендзу). У гольдов такие же верования. В качестве подтверждения их сообщают, что у малых или новорождённых детей есть знаки из их предыдущей жизни, например у одного мальчика было пять дырок в ухе, потому что в предыдущей жизни он был [женщиной] и носил кольца*, а другие дети имели знаки на руках или на теле в местах, где были когда-то ранены и т.д., и т.д.

7 вечера, небо полностью порыто тучами, очень сильный ветер /с низовьев/. Охота на лося вновь была безрезультатной.

Перед обедом ходили в лес, где Гриша нашёл амбар на сваях, т.н. «dzali»¹¹⁸, где /находится/ имущество какого-то ороча. Dzali из грубой коры, работа очень простая. Вместо банок от керосина вверху расположены поперечные кусочки коры.

Такие «dzali» всегда строят в лесу на определённом расстоянии от вигвама. Оставленные вещи никто никогда не трогает, хотя вход открыт, а вещи вну-

111. Секани сетани мама (самая молодая жена, моложе даже детей старшей жены) — Прим. Кялундзюга В.Т.

112. Секани сетани энига (самая молодая мать, даже младше детей старшей жены) — Прим. Кялундзюга В.Т.

113. Боа (вселенная, мир) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

114. Буа нэни (небесные люди, которые после смерти живут на небе (это касается представителей других национальностей, души же самих орочей и их ближайших родственников, по их представлениям отправляются сначала в загробный мир буни, затем на лунную землю бэнани, а потом возвращаются на землю и вселяются в новорождённых)) // Ларькин В. Г. Орочи. — М-Л., 1964.

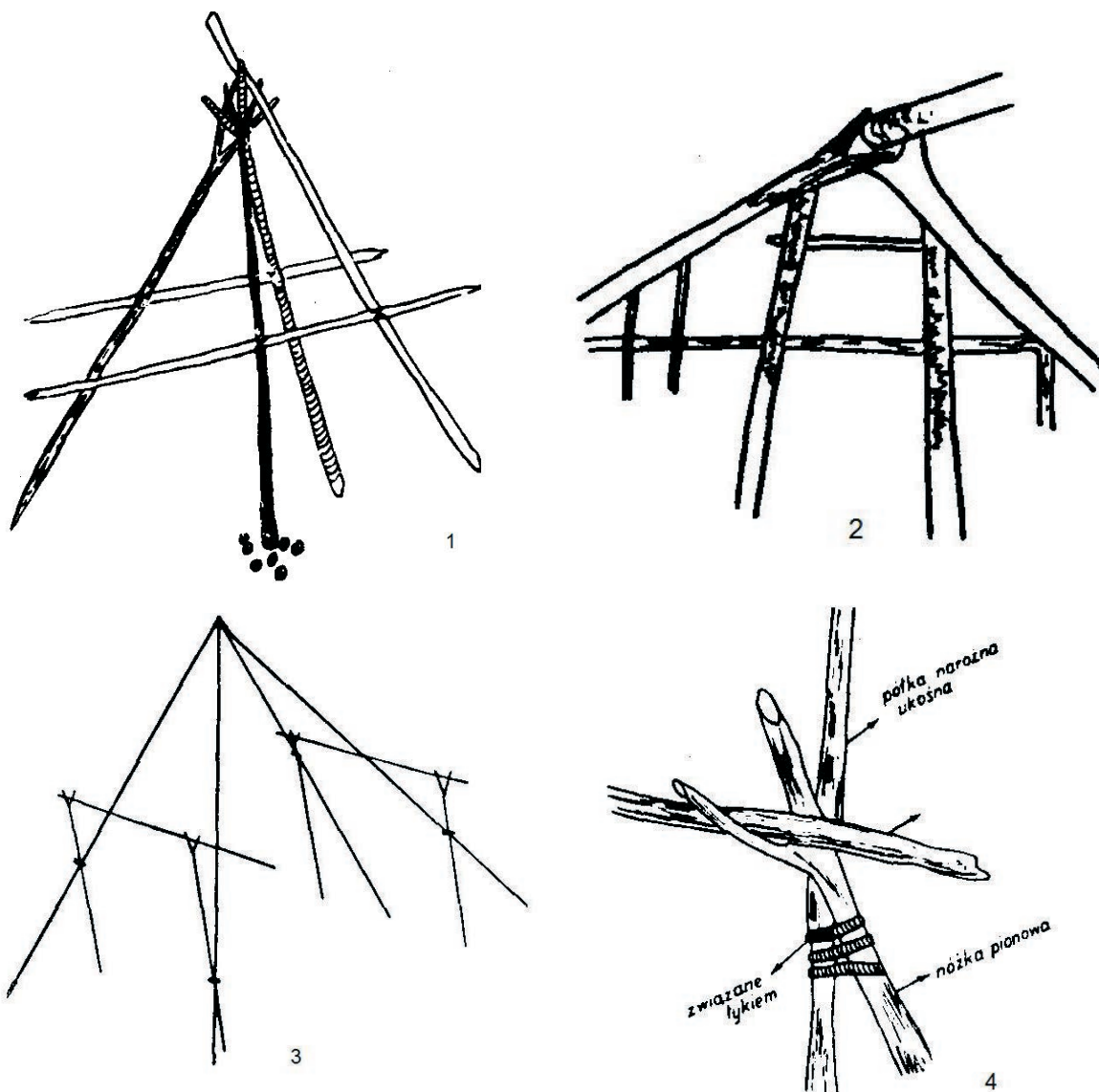
115. Буни (загробный мир) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

116. Джако сугени (пристанище родовых духов) // Ларькин В. Г. Орочи. — М-Л., 1964.

* Возможно, серьги.

117. Дагума (распространённый тип вешала. Состояли из двух пар вертикальных высоких столбов и двух горизонтальных длинных перекладин, поверх которых накладывались поперечные тонкие жерди. На таких вешалах удэгейцы вялили рыбу. Часто под ними разводили костры из гнилушек, дым от которых подкапчивал юколу и разгонял мух) // История и культура удэгейцев. — Л., 1989.

118. Дзали (амбар; небольшой срубный домик, который устанавливали на четырёх вкопанных в землю столбах или же на пнях срубленных деревьев. В них хранили запасы юколы, предметы домашней утвари, охотничье снаряжение, запасную одежду и т.д.) // Ларькин В. Г. Орочи. — М-Л., 1964.

Dagoma¹¹⁷ орочонов

Рис. 11. Горизонтальные палки снаружи.

Рис. 12. Вигвам. Верхняя балка изнутри, способ её крепления.

Рис. 13. Высший тип dagoma. Две верхние палки непосредственно привязаны к 4 несущим, но лежат на вилках, которыми заканчиваются 4 вертикальные ножки /опоры/, вверху привязанные к угловым палкам.

Рис. 14. Подписи к рисунку: палка угловая диагональная, палка вертикальная, ножка вертикальная, связано лыком.

три достаточно ценны для ороча: ружьё, пила, инструмент, одежда и т.д., и т.д.

Мафа сегодня рассказал Гендзу о том, что мужчина, который вчера ехал вверх по реке и не дал себя обмерить, очень ругал тех орочей, которые нас привезли и грозился убить нас, если мы сами туда поедем.

Вчера вечером, когда мы уже легли, Гендзу рассказывал об охоте на «дикого зверя». 10-летний Чоко Оненко из Сакачиалына убил медведя, комичная история о том, как охотился на медведя Пентха (Дмитрий) и т.д., и т.д. («Serc» = шерсть, zwer = зверь, но также и «дверь/ь/», «кура» шкура).

Русский язык Гендзу, примеры: «Зверь спрятался».

«Пугать, испугать» — всегда без «ся», напр. Я столько испугал.

Суббота: 1. VIII. Утром дождь, потом рисовал dagoma (см. рис. 11, 12, 13, 14), фотографировал Nikambu (2 персоны), 1 dzali и 1 dagoma (isolat 12 x 15), складываемся, в 12 в пути. В 4^{1/4} мы уже в 100 шагах от Хунгари. По дороге узнали, что обмеряли кекари¹¹⁹ (Бикин, Иман, Хор), а не орочей, которые, однако, изредка приходят на Амур с верховьев Хунгари, но их мало.

Холодно, сильный ветер с низовьев, по Хунгари к берегу, потому что на Амуре болтанка и ехать на { } нельзя. Пошли с Семёном в посёлок, взяли две подводы и за 2 часа проехали 4 версты до Вознесенского. Дорога опасна, огромные волны заливают лодки, гольды и багаж моknут.

В Вознесенском поужинали* у фельдшера, потом с постелями /пошли/ на земскую квартиру.

На земской квартире прочитал о войне.

Воскресенье: 2. VIII. Завтрак, хотели

пойти в церковь, но она закрыта, потому что поп с дьяком выехали в низовья. Поп, отец Никита, является ольчем¹²⁰, первая жена у него была русская, после её смерти держит экономку, молодую русскую, с которой имеет 3 детей.

Обед у фельдшеров, потом писал письмо, ужин, ночевали на земской квартире.

Понедельник: 3. VIII. Должны были ехать пароходом и оставить лодку, но в конце концов решили ехать в ней и дальше, нанимая гребцов. Утром староста попросил меня осмотреть его больного ребёнка, ну, осмотрел.

Обед у фельдшера, сборы, выехали в 2^{1/2}, через 40 минут заменили русских гребцов 2-мя гольдами. Шли на вёслах без ветра до русского села Орловское (16 верст), после чего оставили гольдов и взяли москаля с мальчиком, которые отвезли нас до гольдского села Хони (21 верста). Москаля в Вознесенском и Орловском и многих других сёлах, т.н. старожилы очень хорошо разговаривают по-гольдски и о гольдах всегда отзываются очень хорошо.

В Хони прибыли после 9, поставили палатку, чай, множество комаров.

Вторник: 4. VIII. Встали поздно, в 8^{1/2} или позже, после завтрака отправились с 1 гольдом за 4 версты до следующего гольдского села. Ехали вдоль правого берега возле холма, поросшего лесом столь густо, что /лес этот/ издали казался травой. Там множество кузнечиков, очень крупных, красных. Они поют так громко, что уже на расстоянии 1/4 и 1/2 версты от берега слышен непрерывный шум.

В селе Berandani¹²¹ взяли 2 гольдов, они везут нас следующие 13 вёрст, откуда мы, пользуясь ветром, выехали уже сами, двигаясь вдоль правого берега и оставляя Пермское побоку по левой стороне.

119. Так называли удэгейцев орочи и некоторые другие соседние народы.

* Ели китайскими палочками, либо самодельными из кости без рисунков, либо очень простыми.

120. Ульч.

121. Значение слова неизвестно.

Прошли возле возвышенного правого берега, ветер вскоре ослабел и мы довольно медленно дотащились до Верхне-Тамбовского около 7 вечера. Забрали письма, поехали дальше, стемнело, но ночь лунная, решили двигаться ночью, отдав лодку на волю течения. Шли правым руслом, в 10 Гриша и Семён пошли спать, я сел на руль. В 11^{1/2} разбудил Семёна, так как мы вышли к островам и нужно менять направление. Семён немного гребёт, потом нас снова несёт вода. В 12^{1/2} /пристали/ к берегу и поставили палатку. Чай.

Только заснули, как Семён во сне увидел дьявола, начал кричать, Гриша пришёл в ужас, а потом мы покатывались со смеху.

Остановились в школе. Учитель Дмитрий Семёнович, недавно, три недели назад, женившийся на дочери местного батюшки отца Иннокентия.

У них гостил учитель миссионерской школы в Наани¹²² на Горине Александр Петрович Н., симпатичный старый пьяница, «наанский чудотворец». Н. старый холостяк по причине ранения, которое получил в ночном бою при переходе через Дунай во время русско-турецкой войны. Он несколько лет болел, затем, став народным учителем, «пошёл в народ». В Сибири находится с 1897 г., когда приехал на Амур к своему брату, политическому ссыльному.

Второй брат — российский генерал.

Познакомились с батюшкой и стариком Потариным, одним из тех немногих людей, которые живут в селе со времени его основания. Версия Коппеля о большой могиле оказалась ошибочной, советуют подняться на 3 версты вверх, где недавно было гольдское селение и на 2 [версты] вниз, где сейчас стоит «. . .».

Потарин рассказал об истории села. На зиму построили несколько времен-

ных домов, причём желание работать поощряли розгами, которые урядник с солдатами каждый вечер отмеряли лениво работавшим.

На следующий год начали строить отдельные дома. Через несколько лет из 50 семейств осталось только 17, некоторые перешли на новое место и zaloжили Ни[жнее] Тамб[овское], В[ерхнее] Тамб[овское] и Орловское. В первые годы сеяли хлеб, получали очень хорошие урожаи, в настоящее время никто хлеб не выращивает, принялись только за лёгкий заработок: держать почтовых лошадей (правительство за 4 зимних месяца платит 550 руб. за наём 2 лошадей), поставляют дерево в качестве топлива для паровозов, а главное, ловят рыбу осенью.

Крестьянство о[чень] зажиточное, но очень спившееся и деморализованное, буйно расцвело хулиганство.

Пришли 2 гольда с Горина.

Учитель рассказал о горинских гольдах. Неинтересные как смешение с антропологической точки зрения, они интересны с этнографической, хотя тоже /представляют собой/ смесь.

Четверг 6. VIII. Утром с батюшкой и одним из местных жителей пошли за 3 версты в гору. Искали могилы в лесу, но тщетно, вернулись к обеду. После полудня укладывали вещи, читали газеты с военными новостями. Буря. Читал книгу Поссе. Брак, семья и школа. Известия не новы, но книга вполне культурна и достойна перевода на польский язык.

Пятница 7. VIII. Сборы закончены. Выехали в 10^{1/2} при слабом верховом ветре. Писал дневник в лодке.

Около 2 миновали Н[ижнее] Тамбовское, писем нет. Поехали дальше, задержались в селе Хольсан, (четыре дома «летника» из коры), а потом в стойбище Ады, где гольды /рода/ Gejhar¹²³ называют себя гиляками, а гиляков — «Gilami».

122. Значение слова неизвестно.

124. Вероятно, Гейкер.

Ветер низовой, ночевать!

Пообедали в 5, поставили палатку, потом пошли на прогулку.

Суббота 8. VIII. Завтрак. Объявил о возвращении. Сборы. Сильный низовой ветер, выехали в 4^{3/4}.

Исследования закончены.

Около 6 останавливаемся на земской квартире в Нижнем Тамбовском.

Воскресенье 9. VIII. Сборы. Записывал обмеры. Ждём судно.

Понедельник 10. VIII. Сборы. Записывал обмеры. Ждём судно.

Вторник 11. VIII. Ночь с 10-го на 11-е на берегу в дождь под узким навесом сарая в ожидании судна. В 3 сели на судно, лодку отдали гольду.

Путешествие на судне. Познакомился с Балогом¹²⁴.

Среда 12. VIII. В Хабаровск прибыли в 5, в 7 остановился в Эспланаде, в 10 к Арсеньеву, заблудился. Нашёл его в 11, вернулся около 12.

Четверг 13. VIII. Телеграмма от Янки. Доставил вещи с пристани. Балог не имеет права покинуть Хабаровск. Напрасно искал тёмное помещение.

Пятница 14. VIII. Выслал деньги, визит к Лопатиным, пришёл Арсеньев. Ездили к Балогу, обед у Лопатиных, вечером проявил 7 клише: 2 хороших, 5 испорченных.

Суббота 15. VIII. Проявлял: клише совершенно испорчены жарой и влажностью.

Воскресенье 16. VIII. Костёл. Визит к Закревскому. Обед; расчёты.

Д-р Вацлав Брун дал 275 руб. — на закупку коллекций потратил 27.47, осталось 247.43, которые я взял в долг на свои нужды. От Хрдлички осталось 642.24.

Понедельник 17. VIII., **Вторник** 18, **Среда** 19, **Четверг** 20: упаковал коллекции для Хрдлички, приводил в порядок вещи, оставленные у Арсеньева, с которым составил план исследований на

1915—1916 годы.

Пятница 21. VIII. Суббота 22. VIII: Слушал лекцию Балого о новой фонетической транскрипции.

Воскресенье 23. VIII. Ждали Азадовского и молодого Балого, но напрасно.

Понедельник 24. VIII. В 10 вечера выезд из Хабаровска вместе с К.К. Белкиным.

Вторник 25. VIII. Вечером в Никольске Уссурийском.

Среда 26. VIII. Дорога.

Четверг 27. VIII. Пятница: 28. VIII. ночью в Маньчжурии.

Суббота 29. VIII. Дорога Маньчжурия — Иркутск.

Воскресенье 30. VIII. Вечером в 7^{1/2} остановка в Иркутске, до 12^{1/2} ночи ждал поезда.

Понедельник 31. VIII. Утром /отправил/ из Тулуна открытку маме, потом /писал/ дневник за период с 17. VIII. [1914 г.]

3. Дополнение, II редакция дневника с 10. V – 16. VI. 1914 г.

Оставив на вокзале вещи, я пошёл в город, где в отеле на углу Невского и Владимирского /проспектов/ снял номер. Вечером того же дня привез вещи в гостиницу и отправился к г. Эдварду Пекарскому, к которому по рекомендации Чекановского я обратился ещё в феврале или январе и который занимался /вопросом/ моего принятия в члены Петербургского Географического общества.

На следующий день утром зашёл за письмами на почту, оттуда отправился в Географическое общество, где встретился с секретарем Достоевским и вице-президентом Шокальским. Оказалось, что они не получили моё прошение о командировке и что сейчас, перед каникулами, таких командировок выдать не могут, так как нельзя собрать правле-

125. Бенедикт Балок Баратоци — венгерский исследователь этнограф (1878—1945).

ние. Однако Шокальский пообещал мне послать от своего имени Приамурскому генерал-губернатору Гондатти письмо с просьбой поддержать мою экспедицию. Днём ходил в Музей Александра III к В.Н. Васильеву, который дал мне очень много ценных советов и указаний относительно путешествия. Вечером смотрел палатки на складе Альберса и Кеббе на Садовой улице.

В среду утром ездил на окраину города на фабрику Кеббе, где заказал палатку с затемнением, оттуда — в Этнографический музей Академии Наук. Там познакомился со «старшим этнографом» Штернбергом, помощником директора Радлова. Штернберг, как политический ссыльный, провёл несколько лет на Сахалине, где занимался этнографией гиляков. Позже, уже по заданию музея, он на несколько месяцев выезжал на исследования гиляков и гольдов. Я отдал ему рекомендательное письмо и книги от Кривицкого*, от него получил рекомендательное письмо к Арсеньеву, директору музея в Хабаровске. Затем осмотрел богатые музейные коллекции, познакомившись при этом с экс-химиком Лемешевским и молодым этнографом Петри. Вечером того же дня напрасно пытался узнать в Горном институте адрес {.....}.

На следующий день купил на Невском карту и путеводитель по Сибири и несколько книг в Географическом обществе, где осматривал также подробную карту Амура и откуда взял с собой в гостиницу Шренка: «Об инородцах Амурского края» для того, чтобы выписать определённые данные с карты.

В пятницу безрезультатно пытался раздобыть в Министерстве путей сообщения подробную карту Амура, потом был у Ильина, после чего отправился в

Археологический музей Академии Наук, где встретился со Штернбергом, Пекарским, Лемешевским и Петри. Штернберг дал мне т.н. опросные листы Сибирского отдела И.Р.Г.О.

В субботу утром в публичной {.....} получил присланные Хрдличкой схемы для /проведения/ исследований, вернул Шренка в библиотеку Географического общества, там же купил «Тунгусские племена Сибири» Потканова, затем взял билет на понедельник и пошёл в музей Александра III, где познакомился с Волковым и ещё раз увиделся с Васильевым. После обеда мелкие покупки, потом вечер у гг. Пекарских. Очень приятный визит; Пекарский рассказал свою историю: он родом из-под Минска, в Королевстве никогда не был, с I или со II курса то ли университета, то ли ветеринарного института пошёл как «народовольцы в народ» и под вымышленным именем стал /работать/ волостным писарем где-то в Тамбовской губернии. Оттуда он сбежал в последний момент перед арестом и несколько месяцев скрывался в разных местах. Был арестован — несправедливо заподозрен в участии в подготовке покушения на Александра III: он не мог объяснить своё пребывание и выдать этим укрывших его людей. Спустя год или более тот, кому грозила смертная казнь, получил благодаря собственной защите только пожизненное поселение среди якутов.

У последних Пекарский провел 18 лет, когда главным образом благодаря Штернбергу и Радлову ему удалось вернуться в Россию и попасть прямо в Этнографический музей Академии Наук. Пекарский является «хранителем» Петровского отделения этнографического отдела Музея Александра III и лучшим знатоком якутов. Он собрал обширный

* Из книг, прочитанных перед отъездом, наиболее полезной была Шрейдер Д.И. «Наш Дальний Восток», Петербург — 1897, книга, написанная с большим литературным талантом. Автор провёл на Дальнем Востоке 3 года во время строительства железной дороги Владивосток — Хабаровск. — *Прим. автора.*

словарный материал, на основе которого начал издавать огромный всеобщий словарь Академии Наук. Первоначально Пекарский жил у якутов вместе с другими ссыльными, но уязвлённый колкостями якутов, что живёт у них из милости, потребовал себе земли и, несмотря на извинения и просьбы, не отступил от своего решения. В первые годы он вёл свое хозяйство с большими трудностями, так как богатые якуты, притеснявшие бедных, недоброжелательно относились к нему из-за того, что Пекарский часто брал последних под свою защиту. В конце концов он завоевал огромное уважение со стороны якутов, ввёл среди них третейский суд, помогал во взаимоотношениях с административной властью и т.д. Прощались с ним оч. восторженно и с большим сожалением. У него был сын монгольского типа от якутки, который во время моего пребывания являлся студентом I курса факультета восточных языков Петербургского университета. Впоследствии Пекарский женился на русской из Якутска, но детей у них не было. В 1913 г. он ездил в свои родные места, а в 1914 выбрался в Варшаву, но лучше бы он туда не ездил. По-польски говорит оч. плохо, да и то благодаря Чекановскому, который начал его доучивать и под влиянием которого он выписал себе Петербургскую газету. Говорил с ним о «12 лет в стране якутов» Серошевского. Пекарский видит там множество ошибок, возникших вследствие недостаточного владения языком. Мы наметили план второго издания этой книги под редакцией и с примечаниями Пекарского, если Серошевский согласится на это.

На следующий день, в воскресенье, зашёл в костел на позднюю обедню, затем прошёлся по залам Эрмитажа и Музея Александра III. На осмотр как тех, так и других коллекций времени не было, после обеда собирал свои оч. многочисленные манатки: 2 сундука, 1 оч. большой

чемодан, 1 средний чемодан, 1 маленький с аппаратом, 1 сумка с аппаратом, 1 узел с палаткой и 1 пол /подстилка/ к ней, 1 свёрток и 1 ящик с весами; 1 узел с постелью и кажется еще 2 каких-то более мелких свёртка. Вообще я взял с собой слишком много вещей, ошибочно полагая, что на месте, вернее в городах по пути следования, многого нельзя будет достать.

В понедельник 18 мая в 10 утра я выехал из Петербурга в вагоне II класса, идущем без пересадки в Иркутск через Вологду, Вятку, Пермь, Челябинск. Билет до Хабаровска с пленкартой до Иркутска стоил только 111 руб., совместно же с дальними пленкартами около 120 руб. за 8799 вёрст. Вечером следующего дня мы были уже в Вятке, в среду ночью в Перми, ночью в четверг в Челябинске. Через северную Россию дорога почти все время идёт лесами, молодыми либо не оч. старыми. Леса сырые, преимущественно болотистые, т.к. в то время там было начало весны. Большие реки, через которые мы проезжали, особенно Вятка, Ветлуга, Кама чрезвычайно разлились, особенно Вятка — так сильно, что более часа мы ехали как бы по плотине огромного озера, берегов которого даже видно не было.

За Пермью начались невысокие отроги Урала. Леса реже, местами на холмах, кое-где во впадинах и в лесах ещё лежат большие пласты снега. На железнодорожных станциях, особенно больших, повсюду /встречаются/ магазинчики с изделиями народных промыслов и уральскими камнями. Последние очень дороги.

До Вятки мы /ехали/ вчетвером: внизу инспектор (общества) кооперативов, интеллигентный передовой москаль, напротив него скромный молчаливый тип, который оказался глуховатым почвоведом, направляющимся в Туркестан, наверху напротив меня петербургская сту-

дентка из Вятки. Первый день /прошёл/ в молчании, на второй общество разговорилося; после Перми мы с почвоведом остались вдвоём, я переселился вниз. За Челябинском познакомился с Адольфом Осиповичем Горном, лесным инспектором Приамурского края, едущим /в соседнем купе/ с женой до Хабаровска. Он немного проинформировал меня относительно Хабаровска и Приамурского края. Познакомился также с норвежской экспедицией, направляющейся в верховья Енисея, 4 молодыми естествоведами: руководителем, доцент-зоолог, немного знает русский язык; ботаник, студент-геолог и препаратор. Затраты на питание минимальные, у меня на столике постоянно стоит чайничек с чаем, иногда покупаю провизию на базарах, находящихся почти на каждой станции, время от времени съедаю обед в бутылках, а иногда дважды в день «{.....}» с куском мяса за 50 коп. Путешествовать, таким образом, вполне удобно и дёшево.

От Челябинска и почти до Красноярска 2000 верст дорога идёт степью, вернее, лесостепью, потому что повсюду разбросаны большие или меньшие кучки невысоких берёёзок. Пейзаж очень однообразный.

В субботу ночью прибыли в Красноярск. За Красноярском начинается оч. разнообразная дорога по возвышенной, а то и слабо гористой местности. Дорога проходит лесами, при этом многие его участки выгорели, часто лес тлеет по обеим сторонам дороги.

В понедельник утром 25-го прибыли в Иркутск, я купил пленкату в одно купе от {.....} до Маньчжурии, после чего 2 часа ожидали поезд. Давка, толчея, на станции полно переселенцев, которых везут поездами из вагонов 4 класса либо из переоборудованных товарных.

Время от времени на станциях проезжаем мимо поездов с этими эмигрантами. На каждой станции вывешена большая доска «для ходоков», т.е. для делегатов, высланных группками эмигрантов, обычно из одного села, с тем, чтобы занять небольшой земельный участок. Соответственно, на досках и указывается, сколько незанятых участков находится сейчас в каждом из нескольких существующих колонизационных округов. На одной из станций я насчитал в сумме более миллиона этих участков, следовательно для каждого из этих семейств уже подготовлены отмеренные наделы. Естественно, ежегодно готовятся всякий раз новые участки земли.

За Иркутском над Ангарой пошла красивая дорога до Байкала, который мы объезжали то ли до 5, то ли до 6 часов полудни. Байкал великолепен. На востоке тянется череда заснеженных гор, в то время как спускающиеся к воде склоны покрыты зеленью, много цветов, местами всё кажется тёмно-синим от заячьей капусты. На самом южном конце озера, кажется, возле станции {.....} поезд задержали, говоря, что обвалилась скала и засыпала путь. Около 2 часов ждали, пока путь очистят. Я поднимался за цветами на гору, потом спустился к воде. Вода в Байкале очень чистая и холодная. Дно у берега в обломках эрратических валунов¹²⁵, я осмотрел скалу и нашёл на берегу очень правильные овальные кусочки дерева. Дорога вокруг Байкала на протяжении 244 вёрст имеет 40 тоннелей, 224 моста, она зачастую бежит, постоянно поворачивая, на расстоянии нескольких или нескольких десятков саженей¹²⁶ /от скал/; виды прелестны, поэтому всё время просидел у окна. За Байкалом появились леса, но выжженные, всё чаще можно было видеть тлеющий лес вблизи

125. Эрратические валуны — геол. валуны, перенесённые ледником на большие расстояния и состоящие обычно из пород, отсутствующих в местах их отложения. // Словарь иностранных слов. — М., 1989.

126. Сажень — мера длины ≈ 2,134 м; польская сажень ≈ 1,7 м.

железнодорожного полотна либо вообще сильные пожары на расстоянии нескольких вёрст от дороги.

На следующий день, во вторник 26-го, после полудня мы прибыли в Читу, за которой дорога в течение нескольких часов идёт красивой долиной Ингоды. В среду прибыли в Маньчжурию. Показал свою командировку англичанину, сидящему в китайской таможне и не отдающему мой багаж. Взял купе с каким-то артиллерийским офицером из Никольска Уссурийского. Вагоны новые и вполне удобные. Дорога по Маньчжурии страшно однообразная: от Маньчжурии до Харбина тянется степь либо пустыня без малейшего, даже кустика. Только за Харбином начинаются покрытые лесом «сопки» (возвышенности), а на них и в долинах между ними ухоженные поля и китайские сёла. Везде масса свежей зелени и всё это было довольно красиво, но также и очень однообразно до самого Никольска Уссурийского, куда мы прибыли в пятницу 29 около 5 вечера. Едва успел купить планкарту до Хабаровска, как узнал от Горна, что Гондатти сейчас находится во Владивостоке. Вследствие этого часть ручного багажа я оставил в камере хранения на железнодорожной станции в Никольске, купил билет и планкарту и поехал во Владивосток. В этот раз ехал вместе с двумя немцами и молодым парнем, посланным в Китай и Австралию какой-то швейцарской фабрикой по производству часов и толстым фабричным мастером, едущим во Владивосток прямо из Франкфурта или Магдебурга.

Порядком измученный, я приехал во Владивосток в 12 ночи и остановился в каком-то очень скверном отеле «Эрмитаж» на «1 морской». На следующий день, в субботу 30/V, отправился в город. Получил на почте письмо от Хрдлички, потом заказал визитные карточки, которые мне сделали к послеобеденному

времени. Осмотрел местный музей; этнография и зоология Приморской провинции представлены в целом неплохо, но первая хуже, чем в Хабаровске, во всяком случае стоило бы поосновательнее изучить тамошние предметы. Осмотрел шкафчики с гольдскими бурханами, собранными Лопатиным, и узнал от старого сторожа, кто такой Лопатин. Этот сторож знаком с Пилсудским и живо о нём расспрашивал. После обеда я ходил по городу, сидел над заливом, глядя на море. Владивосток — довольно безобразный городишко, над которым доминируют голые холмы, центр города занят портом. Красивы виды на бухту Золотой Рог, в которой много кораблей, а также на море.

Воскресенье 31/V. Утром костёл, маленький, деревянный, публика в основном солдаты. Евангелия на трёх языках: польском, французском, немецком. Затем поехал на вокзал пообедать: подали краба, но он не очень-то мне подошёл. После обеда немного походил по городу, объедался бананами, фунт которых стоил то ли 8, то ли 9 копеек. Все магазины закрыты, напрасно пытался найти в городе сахар, так и вернулся домой. Болел, посылая «в Ригу» крабы и бананы.

Понедельник 1/VI. В 9 утра пошёл на вокзал к Гондатти. Во время своих приездов во Владивосток он живёт в вагоне на станции и в том же вагоне принимает посетителей. Перед вагоном уже ждала группа людей, но, отдав свою визитную карточку, я недолго дожидаясь, меня пригласили раньше других. Гондатти закончил /факультет/ естествознания в Москве, где занимался антропологией у {.....}, потом однако закончил факультет права и занялся административной карьерой. 4 года он был даже начальником уезда на Чукотском полуострове и выслал оттуда {.....} солидную коллекцию чукотского антропологического материала. Карьерист,

питающий глубокую симпатию к науке и играющий роль покровителя по отношению к исследователям Восточной Сибири. Он принял меня чрезвычайно любезно, расспрашивал о намерениях, давал малозначительные советы и просил в случае надобности обращаться к нему, обещал сделать всё возможное, чтобы помочь мне. Естественно, я вышел в большом восторге от такого внимания и только потом, в Хабаровске, узнал, что по сути это было просто бахвальство, на которое не стоит рассчитывать в случае необходимости. Поскольку Гондатти сказал, что в его канцелярии для меня уже подготовлен {«.....»}, я решил, не теряя времени, в полдень ехать в Хабаровск. Сходил ещё в американское консульство узнать, не получил ли консул письма от Хрдлички, которого я просил уведомить консула о моей экспедиции и разрешить мне высылать в консульство коллекции на хранение. Оказалось, что письма консул еще не получил, от хранения коллекций отговорился отсутствием сухого помещения. Из консульства я пошёл на главную улицу Светланскую, чтобы купить сетку от комаров. Встретился с Бродлинским, братом Столыхвы, который на год раньше, чем Столыхва отправился на Енисей, а затем остался в Сибири. Купил с Бродлинским сетку, смотрел «ичиги» (длинные ботинки с мягкими подошвами, их используют в Тагуре), потом он отвел меня в мою гостиничку; я собрал пожитки и /отправился/ на поезд. В 12 выехал в Хабаровск. Дорога вначале идёт вдоль самого берега залива. Превосходный вид на море, я не отрывался от окна. В 6 забрал вещи, оставленные в Никольске, и поехал дальше. В моём купе сидит только какой-то мужчина с подозрительной физиономией, поэтому я не спал всю ночь, держа наготове револьвер в кармане. Лишь около 4 утра «тип» вышел в Уссури и я немного поспал.

Вторник 2/VI: Великолепный весенний солнечный день, всё время стою у окна, потому что дорога до Хабаровска очень красива. То едем степью с группами деревьев, то через тайгу, которая в общем не кажется дикой чащобой, скорее похожа на запущенный парк.

Вечером прибыли в Хабаровск, получил вещи и поехал в город, лежащий как минимум в 2 верстах от вокзала. Остановился в самой изысканной гостинице «Эспланада» в самом центре города.

Среда 3/VI. Погожий солнечный день. Из 2 окон моего номера открывается вид на город, собственно, на крыши, и далее на поворот Амура, на Уссури и голубеющую за ней вдали цепь Хехцира.

Ходил в канцелярию генерал-губернатора, познакомился там с начальником канцелярии. Это господин Виталий Александрович Закревский, вероятно т.н. «перекинчик», потому что рассказывал мне, что ходил в школу, а потом изучал право в Варшаве и приятельствовал с комедиографом Пшибыльским, с которым и в России поддерживал переписку, расспрашивал меня о Варшаве, актрисах из «Новинки» и т.д. Он чрезвычайно любезно подарил мне свою работу «Сельское хозяйство Приамурского края», которую написал, как участник т.н. Амурской экспедиции, имевшей, впрочем, сугубо практические и административные цели. Получив «открытый лист», я пошёл не почту в конце главной улицы Муравьёва-Амурского, но туда ещё ничего для меня не пришло. Пообедал в Эспланаде, где столовался во всё время пребывания моего в Хабаровске, и пошёл в музей. Я уже заходил туда перед канцелярией, но Арсеньева не застал, только оставил записку и рекомендательное письмо от Штернберга. Застал Арсеньева в музее. Сухощавый, немного выше среднего роста, лет сорока, так он мне сам позже сказал, с немного суровым, но очень симпатичным выра-

жением лица. Мы разговорились, причём сразу возникла атмосфера как между хорошими знакомыми. Арсеньев провёл меня по музею, объяснял, рассказывал немного о собственных исследованиях. Музей очень богат местными предметами. Занимает отдельное двухэтажное здание, построенное Гродековым, одним из бывших генерал-губернаторов, имя которого и носит музей. Музей имеет небольшую галерею картин в зале заседаний, залы природы, этнографии, археологии, последний в основном состоит из результатов собственных исследований Арсеньева. Перед музеем находятся старые китайские надгробные памятники, один из которых в виде огромной черепахи (символ бессмертия), привезён из Никольско-Уссурийского, где был найден в земле.

В отношении этнографии богаче всего представлены ороحوны, в их отделе находится чрезвычайной ценности изваяние шамана со всевозможными аксессуарами, пожертвованное Арсеньеву с могилы шамана его сыном. Осматривал коллекции с 4-х до 7¹/₂, там же в музее познакомился с паном Винцентом Домбровским. Этот обрусевший поляк с Украины уже почти не понимает по-польски, так что я вынужден был говорить с ним на русском. Он по образованию агроном, в настоящее время хранитель музея. Домбровский слышал, что якобы в определённом месте в городе при копании земли найдены кости. Мы с Арсеньевым и Домбровским договорились пойти на то место в 12 часов следующего дня. После этого возвращаюсь в отель к чаю, который обычно пью в номере.

Четверг, 4/VI. В 12 пошли с Арсеньевым и Домбровским копать мнимые кости. Ничего подобного нет и не было; возвращаясь, встретили ороحوнов. Арсеньев остановил их и мы пошли на постоянный двор, собственно, сарай, в котором

они остановились. Арсеньев приглашает их придти в музей утром следующего дня. Начинается дождь, пошли обедать с Арсеньевым, потом до 5 вечера он сидел у меня, в конце концов поехали к Лопатиным, которые живут недалеко за почтой. Они, занимали там, кажется, 3 очень скромно обставленных комнаты. Ему около 26-ти — 27 лет, он светлый блондин, с виду напоминает весёлого «приказчика». Любовь Григорьевна тоже светлая блондинка с длинным носом и узкими глазами, довольно симпатична. Летом 1913 года они выезжали к ороحوном и гольдам на Иман, но там у них не очень получилось, после этого они подались на Амур, были в нескольких или даже в более десятка селений между Хабаровском и Догошем¹²⁷. Средства на это Иван Алексеевич получил во Владивостоке, следовательно туда в музей и отдал бурханы, о которых говорилось выше. Мы были у Лопатиных около 2-х часов, я получил немного нужных мне сведений. Оказывается, что и в этом году они собираются к гольдам, начиная от Сикачи-Аляна, причём берут с собой двух учеников местного реального училища, в котором Лопатин преподаёт естествознание. Лопатин по происхождению сибиряк, учился в хабаровском реальном училище, затем получил естественное образование в Казани, где также занимался этнографией у Адлера. Поскольку у Лопатина была лекция, Арсеньев предлагает Лопатиной и мне кино, где тоже проводим вечер на {.....} плохой программе.

Пятница 5/VI. Утром искал гипс, пригодный для /изготовления/ масок, но напрасно. Потом пошёл в музей с инструментами, которые несёт «Байка» — китайский носильщик. Несколько таких всегда стоят перед местными универсальными магазинами Кунста и Альберса, Чурина. Это мощные, самые крупные фирмы на Востоке, каждая из них име-

127. Значение слова неизвестно.

ет большие универсальные магазины во всех сравнительно крупных городах Восточной Сибири. В музее, кроме Арсеньева и Домбровского, были Лопатины, зато нас обманули орочоны, потому делаю напоказ маску с ученика, потом демонстрирую свои инструменты и мартиновскую технику /проведения антропометрических/ измерений. После обеда сборы, чувствую небольшой озноб (весь день дождь). Но я напился чаю с лимоном, намазался мазью Борге, которую Штернберг вместе с другими лекарствами выписал мне перед отъездом, и на следующий день встал здоровым.

Суббота 6/VI.: Нужно обратить внимание на погоду, так как мне сказано, что вскоре начнутся дожди, продолжающиеся несколько недель, которые приходят в начале лета. Сходил на почту, где получил письмо от американского консула во Владивостоке, не содержащее в себе ничего важного. Потом пошёл в управление водного сообщения за общей картой Амура, но там её не захотели продать. Вернулся домой и только тогда стал писать дневник, начиная со времени выезда из Варшавы.

Пришёл Арсеньев, советовал в качестве подстилки для сна купить китайское одеяло за рубль. Договорились после обеда идти к Лопатыным. Пообедал, потом в китайских магазинчиках искал одеяло, но его нет. В 6 вечера пошли с Арсеньевым к Лопатыным, где немного /слушали/ граммофон, потом пошёл к Арсеньеву. Арсеньев жил в так называемой офицерской слободке за мостом на даче своего приятеля-топографа, полковника Ахмаметова. Собственное жильё недавно оставил, жену отослал в своё имение в Тамбовской или в Саратовской губернии, поскольку собирался ехать в экспедицию к орочонам и гольдам. Ждал окончательного решения Гондатти, который еще в марте обещал выделить ему средства, а сам тем временем постоян-

но вводил его в заблуждение, и в конце концов, как оказалось вскоре, ничего не дал, отложив экспедицию до 1916 года.

Арсеньев — сын земского обывателя, окончил реальное училище, потом отец отдал его в военное училище, хотя он сам этого не хотел, желая заняться естествознанием. Закончив военное училище, служил в Островенке, а позже в течение двух месяцев на Повонзках под Варшавой. Уже будучи офицером, принялся всерьёз изучать естествознание по книгам университетского курса, завёл у себя аквариум и {...}, разводил зверушек, собирал коллекции и т.п. В общем, ничем другим и не интересовался. Например, служа на Повонзках, он едва ли несколько раз побывал в Варшаве, которую, естественно, так совершенно и не узнал. В то время он усердно занимался пауками, которых ловил по углам и разводил у себя дома. Рассказывал, что его уже тогда постоянно интересовала и очень притягивала к себе Восточная Сибирь, куда он переехал, кажется, году в 1900. Сначала он осуществлял экспедицию за свой счёт, а потом добился пособия от властей. Во время японской войны находился во Владивостоке, как «начальник охотничьих команд», после чего вновь вернулся к исследованиям и экспедициям. Во время своих экспедиций изучал Уссурийский край, как никто до него, провёл множество топографических съёмок, собрал зоологические, геологические, этнографические, археологические коллекции. Он сделал опись и планы, провёл раскопки на месте крупных поселений предположительно времён так называемого средневекового государства «Бохай», составил огромный словарь орочонов-удэхе, причём не зная других фонетических транскрипций, придумывает собственную. Вообще он собрал множество первоклассного материала из всех отраслей. Он с успехом справился с этим, потому

что, как сам мне наивно поведал, из 33-х больших учебников курса естественных наук российских университетов весьма основательно проштудировал 28 или 29 из них, несомненно гораздо более основательно, чем средний студент. Бывший генерал-губернатор Унтербергер, солидный немец, понимающий значение исследований Арсеньева, обеспечивал ему значительные средства на экспедиции из своего {.....} фонда. Средства эти были немалые, так как одна из последних экспедиций, длившаяся около двух лет, стоила 14000 рублей.

Как один из результатов своих исследований Арсеньев издает книгу «Военно-исторические и географические очерки Уссурийского края»¹²⁸, где кроме геологии, географии, ботаники, зоологии, этнографии и т.п. напрасно вставил замечания стратегическо-топографического характера, вследствие чего книга была издана как «секретная» и следовательно недоступная для общественности. Сам автор получил едва ли не единственный экземпляр. Помимо текстов в книге есть атлас с множеством собственных карт Арсеньева первостепенной ценности. Капитальнейшие дневники его путешествий, опубликованные в хабаровских газетах, он готовил тогда к печати в виде книги. Сидели у Арсеньева до 11 вечера, рассматривали его карты, карту Амура и обсуждали возможный совместный выезд и пребывание в Сакачиаляне.

Воскресенье 7/VI. Встал поздно, в 10¹/₂ завтрак, к 11 пошёл в костёл. Деревянный, крошечный, перед ним сбоку в оградке на чём-то вроде виселицы / висят/ три русских колокола. Публика, в значительной своей части, — солдаты. Процессия: японец с солдатами несут балдахин, москали и китайцы, переходящие улицу, сняли шапки и с интересом приглядываются.

Вернулся к обеду, потом выдал английское письмо к Хрдличке, /писал/ аж до 7¹/₂ вечера. Отнёс его в почтовый ящик, поужинал и пишу письмо, написал письмо Янке.

Понедельник 8/VI. К 11-ти пошёл к Лопатиным, где Лопатин под моим руководством сделал гипсовую маску Арсеньева, позже обсуждали экспедицию. Обед, после которого читал данную мне Арсеньевым брошюру «Материал по истории Уссурийского края»¹²⁹.

Около 5-ти пришёл Арсеньев, поболтали, он рассказывал мне о некоторых приключениях из его экспедиций, я слушал его рассказ с огромным интересом. Он говорил о старом гольде Дерсу Узала, который как-то ночью вышел, оголодавший, к его таёжной стоянке, и с тех пор на протяжении нескольких лет был ему товарищем в экспедициях, разделял общие приключения и не раз спасал жизнь. Рассказывает о нём с подлинным волнением: «не могу без тоски вспомнить об /этом/ кристаллически-чистом человеке».

Однажды поздней осенью они стояли лагерем вблизи устья реки Лефу, впадающей в озеро Ханка. Арсеньев предложил старику вместе пойти охотиться на уток. Дерсу отговаривал, так как было достаточно ветрено, и указывал на какие-то далекие тучки, но поскольку Арсеньев сказал, что уйдёт один, то Дерсу отправился с ним. Охота длилась несколько часов, причём они, не раз перепрыгивая через небольшие ручейки, впадающие в Лефу и через её мелкие протоки, достаточно далеко отошли от лагеря. Под вечер, когда нужно было подумать о возвращении, усилился ветер, подгоняя всё ближе чёрную снеговую тучу. Они повернули назад, но было уже поздно, маленькие ручейки, через которые они только что перепрыгивали, превратились в ши-

128. Арсеньев В. К. Краткий военно-географический очерк и военно-статистический очерк Уссурийского края. — Хабаровск, 1912.

129. Арсеньев В. К. Материалы по древнейшей истории Уссурийского края. — Хабаровск, 1913.

рокие реки, потому что дующий с озера ветер всё больше нагонял волну и способствовал их разливу. Вскоре похолодало, стемнело, начал падать всё более густой снег. Оба они были легко одеты и хорошо понимали, что страшная пурга, которая сейчас началась, могла продлиться дня три и не выпустить их отсюда живыми. Дерсу обратился к Арсеньеву со словами: «Если не будешь сейчас слушать меня, погибнем». Он принялся живо срезать охапки камыша и тростника, веля Арсеньеву делать то же самое. Вдвоём, при всё усиливающемся снеге и сгущающемся мраке, они торопливо начали резать тростник и сгребать его в кучу. Арсеньев вскоре потерял нож, Дерсу велел ему рвать камыш руками, но измученный и озябший Арсеньев не мог долго этим заниматься. В конце концов, он начал уже сомневаться в смысле того, что они делали и вскоре полумёртвым упал на землю. И только потом он понял, зачем нужен был тростник. Дерсу начал забрасывать его камышом и тростником, а когда набросал большую кучу, сам заполз под нее и улегся рядом. Снег заваливал их всё сильнее, но лёжа рядом под этой кучей, они были спасены от метели и начали понемногу отогреваться. Почти сутки они так пролежали под снегом, и только на следующий день после полудня пурга прекратилась, ударил сильный мороз и они вернулись в лагерь по уже замерзшим ручьям и мелким озерам.

Снова и снова Арсеньев рассказывал о разных встречах в тайге. Например, как он однажды поздним вечером один ушёл на охоту и набрёл в тайге на одинокую мазанку-избушку. Вошёл в неё и увидел старого китайца, искателя «женьшеня». Старик уже 46 лет одиноко жил в лесных дёбрях, совершенно не видя людей, за исключением китайца, который дважды в год проводывал его и приносил немного пороха, патронов и продовольствия взамен корней «женьшеня», собранных

стариком. Избушка и её убранство являли крайнюю степень нищеты, старик был болен, лежал в горячке на топчане, не имея сил зажечь огонь и приготовить себе пищу. Видя состояние хозяина, Арсеньев остался там на ночь, затопил печь, приготовил старику ужин, тепло укутал его и лёг спать поодаль. С удовлетворением он услышал, как старик стал значительно спокойнее и наконец совсем затих. Утром, не желая будить китайца, Арсеньев тихо встал и вышел из мазанки, не прощаясь с хозяином. Несколькими неделями позже Арсеньеву довелось проходить со своими людьми мимо той самой мазанки. Он захотел посмотреть, как себя чувствует хозяин, случайный его знакомый, вошёл в избушку и с большим удивлением увидел, что внутри неё все осталось так же, как и в ту минуту, когда он вышел из неё, не желая тревожить хозяина. Хозяин и сейчас лежал на топчане на том же месте и так же, как его укутал Арсеньев, только уже мертвый.

А ещё Арсеньев много говорил о высокой этике обитателей тайги, рассказывал о табличках с надписями, размещённых на одиноких тропинках китайцами, искателями женьшеня и охотниками, например: «прохожий, на таком-то расстоянии находится моя избушка, если ты голоден, иди туда, возьми, что тебе нужно», и что подобным гостеприимством никогда не злоупотребляли. Рассказывал об охоте на тигра или оленя, которого они с Дерсу ночью пошли подстергать около поляны, на которую должно было выйти стадо. Вместо оленей невдалеке услышали столь мощный рев тигра, что даже у самого храброго мороз бы прошёл по коже. Арсеньев, ожидая нападения, направил ствол в ту сторону, откуда раздался рык, повторившийся вновь, но Дерсу бросил оружие на землю, упал на колени и обратился к тигру с речью, прося прощения у него за то, что они пришли,

потому что не знали, что это место охоты тигра. Объяснял ему, что тайга велика, места хватит для всех, вот и они пойдут сейчас искать себе другое. У Арсеньева было большое желание схватиться с тигром (позже он всё же убил двоих), но, взглянув на Дерсу, он изменил своё намерение, и они ушли оттуда, и тигр на них не напал. (Гольды никогда не охотятся на тигра, потому что они одного с ним происхождения: см. далее — род Актанко от амба, это их тотем, но уж слишком исключительный.) — И ещё один рассказ о Дерсу. После нескольких лет скитания с Арсеньевым Дерсу показалось, что как-то на охоте он промахнулся, не попал в зверя. Старик помрачнел и начал вполголоса рассуждать, что подходит старость, а он один на свете и скоро некому будет для него добыть на охоте зверя или поймать рыбу. Арсеньев расстрогался и напомнил старику, сколько раз тот спасал ему жизнь и сказал, что за это он его от себя не отпустит. Дерсу ничего не ответил, но когда довелось им в свое время побывать в районе устья Лефу, провёл Арсеньева в тайгу и, указывая на маленькую полянку, сказал: «В это место много лет приносил найденный мной женьшень¹³⁰. Возьми себе всё это за то, что ты мне тогда сказал», и напомнил про свой промах. Дерсу действительно пришёл с Арсеньевым в город, но долго выдержать в нём не мог и уже через пару недель выбрался на охоту в горную цепь Хехцир, расположенную рядом с Хабаровском. Увы, там он пал жертвой, убитый каким-то загородным бродягой или колонистом-москалем, который смог поживиться едва ли двумя рублями и двустовалкой. Убийства москалями китайцев, гольдов или ороочонов, как сказал Арсеньев, стали случаться всё чаще.

После ухода Арсеньева я закончил

шить сетку и выпил чаю.

Вторник 9/VI: После обеда пытался устранить гвозди из ботинок, купленных в Петербурге, но без успеха. В 11½ пошёл в банк, где получил тысячу рублей, в том числе 207 рублей мелочью. Получение мелочи заняло два часа. Вернулся домой, позвонил Арсеньев, что в музей пришёл ороч, в 3 пошёл туда. Ороочон Суленджа Батани с верховьев реки Анюя или из Троицкого (см. «Ороочоны — удэхе» № 1.) Лицо очень индейское, в общем также /индеец/, в одежде и в облике /присутствует/ небольшой налёт, например, волосы острижены. У него чахотка, пришёл получить совет врача, температура, нет сил, болят легкие. Привёл старшего брата, которому медведь страшно исполосовал лицо и разорвал глаз. Из всего дома (2 семьи), их осталось только двое, семьи обоих вымерли в прошлом году от оспы. Эта эпидемия свирепствовала с огромной силой; позднее гольды в Сакачиаляне рассказывали мне, как несколько москалей из Троицкого выбирились на Анюю грабить вымершие стойбища ороочонов. Арсеньев показал ороочонам музей, пригласил их прийти завтра утром. Потом я вернулся домой и укладывал свертки с мелочью.

Среда 10/VI. Утром обмерял ороочона, фотографировал его и старого гольда Джена (Дзяна) из Торгона, который пришёл вместе с ороочонами. Дзян также пришёл к врачу, но денег с собой не взял. Ни он, ни старший ороочон по-русски не понимают, один только Ботани, и тот очень слабо. После обеда закупал провиант у Кунста и Альберса: сгущённое молоко, конфеты, какао, масло в банках, мясные консервы, овощи, компоты, сухари и т.д., всего на сумму около 75 руб. Купил также немного кухонной утвари и лагерных орудий (лопата, чайник, коте-

130. Женьшень — растение, растущее в тайге, очень редко встречающееся, корень которого идёт у китайцев на очень сильное лекарство, действующее подобно «пантам» (молодые рога оленя, налитые /богатой гормонами/ кровью), сильно тонизирующее средство. Корень женьшеня в зависимости от величины стоит от 100 до 300 рублей. — Прим. автора.

лок, ведро, кружки).

Пришёл Стрижевский, учащийся 6-го класса реального училища, который специально остался на второй год, только бы сопровождать Арсеньева в экспедиции. Он сказал мне, что Арсеньев уже получил от Гондатти отрицательный ответ. В связи с этим беру Стрижевского с собой. Мы пошли к Чурину, где я купил плащ и высокие сапоги из резины, потом на минутку зашли в музей. Гриша взял оттуда двустволку с условием отстрелять птиц для музейной коллекции. Оставил Домбровскому деньги для отправки в Варшаву коллекций, закупленных из фонда В. Бруна. Перед выездом доктор Вацлав Бруно вручил мне 275 рублей на покупку коллекций, которые предназначались для этнографического собрания Музея промышленности и сельского хозяйства. Арсеньев дал мне наклейки с маркой хабаровского музея, благодаря чему пересылка моих коллекций в Хабаровск будет бесплатной, а из Хабаровска коллекции должны отправиться опять таки с музейными наклейками в Варшаву. Из музея мы с Гришей вернулись домой к чаю, тогда же нам принесли 3 больших деревянных ящика с провиантом от Кунста и Альберса.

Четверг 11/VI. Утром делал в музее маску орохона, после чего у Кунста докупил немного продовольствия, а также взял 140 [фунтов] гипса в больших жестяных банках. Купил также фонари для палатки. Собираемся, Гриша помогает.

Вечером оставил свою визитную карточку у Горнов, которых не застал дома. Затем прощальный визит к Лопатиным, так как мы с Гришей собираемся ехать в пятницу вечером до Троицкого на пароходе, а оттуда лодкой вверх до Сакачиаляна, в то время как Лопатины со своими учениками должны ехать прямо в Сакачиалян на моторной лодке.

Пятница 12/VI. Утром мы с Гришей купили войлок для палатки, мешки для

провизии и т.д.

Ходил на почту, где получил письмо от Яси. Лихорадочно собираемся, чтобы успеть вечером на корабль, но это не удалось, поэтому мы остались. Следующее судно идёт вниз только в понедельник вечером. После обеда с кратким визитом меня посетил господин Горн.

Суббота 13/VI. Утром закончили сборы, позднее /зашёл/ на минутку в музей. Потом написал 9 писем и открыток, коротко постригся. Провёл вечер у Арсеньева, который читал мне выдержки из своих чрезвычайно интересных дневников. Потом мы с ним пошли к Лопатиным, договорились ехать вместе с ними в понедельник.

Вечером писал дневник и письма.

Воскресенье 14/VI. Утром писал письма, потом костёл в 11-12^{1/2}, затем обед и письма. В 5⁰⁰ пошёл к Стрижевским. Отцу, полностью обрусевшему поляку, около 40 лет, он пекарь-кондитер, мать русская, простая бедная женщина. В доме нищета. Вечером писал письма, пришёл Гриша, мы пили чай и говорили о его учёбе. Парень крупный, сильный, очень любит естественные науки, достаточно хорошо учится, коллекционирует насекомых. Ему не хватает хорошего воспитания, поэтому, позднее я часто должен был резко пресекать его, что всегда хорошо влияло на него. После обеда начал собираться дождь, предвещающая плохую погоду в наступающие дни.

Понедельник 15/VI. С утра /идёт/ дождь. Пришёл Гриша, не знаем, поедут ли сегодня Лопатины, но около 11 пришли их ученики и сказали, что наша моторка будет уходить в 2⁰⁰. Взяли телегу, я рассчитался с гостиницей и мы поехали на т.н. «министерский» /причал/, где стоит моторная лодка, предоставленная в наше распоряжение г. Петром Ивановичем Делле, очень высокопоставленной персоной, управляющим государственным имуществом Приамур-

ской области, отцом одного из едущих с Лопатиными учеников. Его сын Коля, довольно застенчивый спокойный мальчик, только что перешёл в 5 класс, в то время как его коллега Женя Воропаев, сын лесничего, очень весёлый, сильный парень после долгих перипетий и сидения в низших классах перешёл лишь в 4. Приехали на пристань, Лопатины уже ждут, нет только мальчиков.

Грузим вещи на моторку, приехали мальчики и семейство Делле. Она / госпожа Делле/ обратилась ко мне на прекрасном польском, но, как я позже услышал, полькой себя не считает, хотя, похоже, раньше это имело место. Он / господин Делле/ латыш, а дети, естественно, воспитаны по-русски и в православии. Служебная моторка, которую мы получили благодаря господину Делле, представляет из себя довольно большую лодку с каютой. По течению идёт очень быстро, 18 вёрст в час, против течения делает 14 вёрст в час. Обслуживают её кочегар (мотор бензиновый) и рулевой, громко именуемый капитаном. Капитан белорус, католик, в армии служил в Королевстве, много поездил по Амуру и многое мне рассказывал, когда позже мне ещё раз пришлось ехать с ним. У нас множество вещей, ими завалена вся каюта, нос и корма, на которой мы вшестером разместились на своих узлах и ящиках. Поездка очень приятная. Амур — исполинская, красивейшая река. Кроме главного русла шириной 2—4—5 вёрст имеет большое количество боковых ответвлений «проток», отделяющих большие острова от множества мелких. Острова и берега по большей части густо поросли зарослями высокой «ивы», кое-где снова высокая трава, мели и песчаные острова редки. Ехали то главным руслом, то протоками. Небо хмурое, сильный ветер, время от времени начинает накрапывать дождь. Вода в Амуре грязная, жёлтая, вспенен-

ная по причине половодья. Я чувствовал себя прекрасно, всё время стоял на корме, разглядывая реку и берег. Остальные тоже в самом хорошем настроении. Мы грызли колбасу, огурцы, редиску. Мальчики развлекались тем, что обходили каютку по борту лодки.

Ехали, не встречая ни судов, ни рыбаков. Прошли мимо т.н. «базы» военной флотилии в 12 верстах от Хабаровска, перед ней опоры строящегося на Амуре моста, который должен стать самым длинным в Старом Свете, потом миновали русское село Воронежское, после чего берега совершенно опустели. Дорога не утомляла, волна моторку не раскачивала и через 4 часа на правом берегу мы увидели Сакачиалян. Это довольно большое гольдское село, так как насчитывает более 20 домов, которые, как обычно в гольдских сёлах (равно как и /в селах/ русских колонистов), вереницей тянутся над берегом недалеко от воды. Значительно реже, имеются в виду меньшие деревушки на небольших островах, расположение домов другое, как, например, в с. Нижние Мари или в Мунзен /Мухене /?/, где дома размещены довольно нерегулярно. Сакачиалян тянется более чем на $\frac{1}{2}$ версты, стоит на высоком (20-25 шагов) берегу, перед которым тянется узкая (60—100 метров) низкая полоса берега, густо заросшая ивой. Расстояние между домами относительно большее, чем в других деревнях, иногда в несколько десятков и более шагов. Напротив каждого дома на берегу лодка, либо вытянутая из воды, либо привязанная к свае.

Подъезжая к Сикачи-Алян, начали свистом вызывать гольдов. Несколько человек вышли из жилищ на берег. Моторка приблизилась к берегу и села на мель. Гольды в своих лодках перевезли нас на берег, а потом помогли команде спихнуть моторку с мели. Мы поздоровались с гольдами,

говоря «бачкафу»¹³¹ и подавая руку. Их несколько, лица не столь серьёзные, но открытые и спокойные, довольно монгольского вида.

Среди гольдов /находится/ Гаврила, у которого Лопатины проживали в прошлом году. Однако остановиться у него или около его фанзы не можем, так как Гаврила с помощью нанятых китайцев ставит себе новую фанзу, а сам с семьёй временно проживает в амбаре. Пришёл Дмитрий Оненко (Пентха) и предложил остановиться у него. Мы пошли к нему и решили ставить палатку у его дома. Мальчиков с несколькими гольдами мы послали за моторкой с вещами, а тем временем Лопатины, я, Дмитрий и ещё какой-то гольд взялись за лопаты, чтобы расчистить от мусора площадку около амбара, где будем ставить палатку. Разворачиваемся живо, потому что уже смеркается. Ребята привозят вещи и вместе с гольдами заносят их наверх. Часть багажа отдали на хранения Дмитрию в амбар. Ставим палатки, что отнимает много времени, стемнело и одновременно начинает идти дождь. Установку палаток закончили при фонарях, после чего довольно поздним вечером поужинали в палатке Лопатиных. На ужин пригласили Дмитрия и его гостя, шамана Коя из Муху.

Дмитрий (Пентха) Оненко, 38 лет, с очень несимпатичной физиономией, в Сакачиаляне чужак, он пришёл с низовьев реки (так мне позже сказал Гендзу) и прибил к семье старой шаманки. Раньше он 8 лет служил у начальника уезда, поэтому достаточно хорошо говорит по-русски, но на той же службе приобрёл и много недостатков. Утверждает, что ему в деревне со своими живётся лучше, чем в городе.

В доме Дмитрия живёт старуха-шаманка 80-ти с лишним лет, её дочка около 40 лет, кажется Дмитрию она при-

ходится тёткой. Эта тётка делает превосходные орнаменты и великолепно вышивает.

Кроме них /в доме/ живут Сергей и Дмитрий с жёнами. Последней, Пукше, 20 лет, она уже три года является женой Дмитрия, который часто бьёт её, особенно по пьянке, что случается с ним довольно часто.

У Дмитрия возле дома три амбара (из них 2 на сваях), погреб и конюшня для коня, которого он купил себе в Хабаровске за 70 рублей 8 лет назад. Обладание конем — это большой шаг вперёд в хозяйстве гольдов, у которых тягловым животным служат исключительно собаки. В каждом доме их имеется от 5 до 10 штук, /по виду/ они напоминают овчарок. Собак для охоты не используют. Зимой их ещё так-сяк кормят, потому что велики запасы рыбы, но летом, когда пища заканчивается, псы едят через день. Голодные бестии ужасны, они караулят у дома, чтобы что-нибудь украсть.

Мы с ними и в Сакачиаляне, и потом имели много неприятностей.

Для собак не делают никаких будок, они спят, где могут: под сараями, в ворохе сохнувших для отопления веток и т.д.

Кроме коня, другим достижением в хозяйстве Дмитрия является обладание огородом и небольшим полем с картошкой. Эти нововведения постепенно начинают проникать в быт гольдов, которые, впрочем, и овощи, и картофель, как и муку, рис, фасоль и т.п., издавна покупали у китайцев или у русских. Возделыванием картошки у гольдов занимаются преимущественно батраки-корейцы, которым достаётся половина урожая.

Ужин протянулся до 11 часов, после чего /отправились/ спать в палатки. Идёт дождь, но отличная палатка его не пропускает.

Вторник 16/VI. В эту первую ночь в палатке почти не мог спать. В 1/2 4 Гриша

131. Бачигоапу (здравствуйте) // Нанайско-русский словарь. — Хабаровск, 1996.

встаёт и едет с ребятами на охоту. Ему в музее дали двустволку, чтобы отстреливать птиц и делать из них чучела для коллекции. У Коли двустволка, а у Жени франкольт.

Я немного задремал после его отъезда, но уже в 6 меня разбудил сильный дождь, так что встал и пошёл умываться. Вскоре возвратились ребята: стреляли много, но убили только соловья, зато привезли известие о рисунках на скалах над водой, одной верстой выше деревни. С реки пришёл Дмитрий, который на лодке осматривал свой «перемёт» — шнур с удочками на небольшую рыбу, оставляемый на несколько часов или на целый день. Спросил его об этих рисунках на скалах. Он сказал, что когда-то на небе было три солнца, из-за чего вода в реке кипела, а камни были такими мягкими, что люди пальцами и палочками рисовали на них. Однако это были не гольды, а другие люди. Дмитрия интересует оружие ребят, он пробует /стрелять/ из него и попадает довольно прицельно. Потом ребята начали готовить завтрак, а я писал дневник. После завтрака наводил порядок в палатке. Тем временем собралось несколько гольдов, среди них Филимон, Михаил и Николай Оненко, Шурка Оненко и другие, а также множество детишек. Мы достаточно легко общаемся по-русски, поскольку в Сакачиаляне многие гольды уже немного знают этот язык, а среди детей и подростков есть даже и умеющие писать, это либо воспитанники миссионерской школы в Найхе, либо это результат посещения местной маленькой школы. Она размещается в доме некоего Андрея, рядом с Дмитрием, учитель — русский мужик. Однако во время моего пребывания школа была закрыта по причине каникул.

Я угостил взрослых папиросами, а детей — конфетами. Предложил им что-нибудь нарисовать для меня: 12-ти летний Шурка Оненко нарисовал в моём

дневнике солдата, моряка, коня, дом и пароход.

Потом я осмотрел амбар Дмитрия. Гольдские амбары размещаются на четырёх круглых сваях высотой $1\frac{1}{2}$ метра. Амбары эти должны охранять /содержимое/ от мышей и крыс (и от собак, безусловно), причём, чтобы крысы не могли вскарабкаться, на верхнюю часть круглой сваи накладывают жестянки от керосиновых банок. Амбары построены очень примитивно: простой пол из досок, стены из жердей и досок, крыша покрыта соломой. Только изредка встречаются двери, украшенные рисованным или вырезанным из дерева орнаментом. В амбаре складываются самые разнообразные вещи: сети, самострелы, звериные шкуры, домашняя утварь, всякая мелочь в берестяных коробках разнообразнейшей величины и часто красиво орнаментированных и т.д. Я хотел было приобрести одну такую коробку из амбара Дмитрия, но оказалось, что она принадлежит тётке, которая хочет за них рубль, поэтому оставил её в покое.

Выйдя из амбара, я увидел на крыше дома Дмитрия более десятка особых ободов /кругов?/ из веток пурпурной ивы. Узнал, что это так называемые «солбон-бучоны», каждый из которых сделан из 9 веток ивы, заканчивающихся бурханами, изображающими человеческую голову. «Солбон-бучон» сначала перевязан посредине лыком, соединяющим оба плеча /края? по диаметру?/. Шаманка накладывает солбон больному на голову и, опуская его к земле, вынимает у него из-под ног. При этом прохождении больно́го через солбон лыко разрывается, после чего солбон выбрасывают на крышу дома. Дмитрий стянул мне с крыши с десятка этих солбонов. Были там и большие, по крайней мере, метр длиной, и поменьше, наверное, детские, длиной около 50 см. Несколько использованных солбонов висят на плетне, у одного заметил нечто в

виде ободка из длинных ушек. Дмитрий объясняет, что это «giazda», повязка, которую шаманка накладывает на голову во время изгнания болезни (впрочем, не всегда). Духи, вышедшие из больного, должны войти в «giazda» и вместе ней выбрасываются после окончания «камлания», т.е. шаманства. Дмитрий дал мне две новых «giazda», одна из них имеет следующие размеры: (см. колл. В. Бруна).

Потом мы пошли к дому Дмитрия. Он состоит из сеней, в которых находятся два кухонных очага, и комнаты. Вокруг комнаты тянутся невысокие, зато широкие нары, обогреваемые, как обычно в гольдских домах, трубами, которые идут от очага за дом к стоящему снаружи дымоходу. Позднее я нарисовал план гольдского дома, а ниже дал его описание. В сенях висят несколько бурханов. В комнате довольно чисто. Нары покрыты циновками. У каждого есть своё место, на котором в изголовье у стены находится аккуратно сложенная на день постель. На одном из мест стоит «fania»: Бурхан, изображающий человека без рук и ног на четырёхугольной деревянной дощечке. «Fania» изготавливают после смерти каждого члена семьи и устанавливают её на место умершего, за ней кладётся его одежда, свернутая в узелок. Перед «fania» ставятся мисочки с едой, время от времени ей в рот вставляется зажжённая трубка. В доме Дмитрия "fania" изображает умершего несколько месяцев назад отца Сергея.

Обычно «fania» стоит в доме около года, перед ней устраиваются «поминки», а после последних поминок её выносят из дому. Для каждого умершего делают новую «fania».

Вернулся к обеду, его готовили дежурные — Лопатин с Женей. Был бульон, рис с молоком, компот и чай. После обеда мы все поехали на лодке к камням с орнаментами. Они находятся на правом

берегу Амура на расстоянии 1½ вёрст от Сакачиалына вблизи рукава реки, идущего от русского села Малышевское. В этом месте к реке подходят тёмные скалы, на определённом участке образуя обрывистый берег. От этих скал отломались большие валуны, часто правильной угловатой формы, лежащие на берегу на песке, либо выступающие из воды. На ровной поверхности этих валунов неумело запечатлены человеческие лица, животные, орнаменты. Только в нескольких местах валуны лежат на земле, иные же, обычно лежащие в воде, видны только при низком уровне воды в реке.

На берегу за валунами с рисунками густые заросли и буйно заросший луг. Трава местами достигает мне по шею и выше. Проходя под кустами, следует быть очень осторожным: на них сидит множество клещей, которые при первой возможности падают на человека и впиваются в тело. В экспедиции мне удалось избежать такой участи, но несколько раз я все же сбрасывал клещей с шеи, руки или одежды.

Мальчики стреляли в чаек, большое количество которых кружилось у берега, двух убили. По возвращению из поездки к камням мы зашли в заросли нарубить шестов для палатки. Заметив садящихся в лодку 3 маленьких (8—12 лет) гольдов со старшим мальчиком Митрофаном, мы присоединились к ним и отъехали недалеко от берега, чтобы посмотреть, нет ли на «перемёте» касаток. Обнаружили 4 штуки, мальцы снимали их, навесили на крючки свежих дождевых червей, а потом нарубили палок для палатки. Я объяснил им, для чего провожу обмеры людей. Детишки милые и смелые. Митрофан жаловался на учителя: он 3 года ходил в школу и даже не научился читать, хотя в общем-то парень смыслённый.

Вернулись наверх с /нарубленными/ шестами; я заглянул в палатку Лопатиных. Там собралось большое общество:

тётка Дмитрия рассказывает сказки, Дмитрий переводит их записывающему Лопатину, а вокруг сидят на земле гольды, молодые и старые, мужчины и женщины, и с интересом слушают. Под вечер установилась довольно приятная погода, показалось солнце, но с реки дует сильный резкий ветер. Перед нашими палатками открывается далёкий прекрасный вид на обширную реку, на острова, расположенные в верстах от нас, на синий противоположный берег, где на горизонте видны горные цепи.

Я сел на доски, чтобы писать дневник, но возле меня тут же появилось множество детей и несколько взрослых. Попросил их нарисовать для меня. Первым в моём дневнике нарисовал Трофим.

Позже шаман Коя нарисовал левой рукой охоту на оленя и медведя (стр. 35), наконец, карандаш с дневником перешёл к Николаю (стр. 36). Во время рисования другие с интересом присматривались, делали замечания, смеялись, что ничуть не мешало рисующему.

Восстановлению исторической связи времен, интеллектуальной и духовной преемственности поколений посвящено литературно-художественное эссе о создании хрестоматийной песни «Шуми, Амур...», о судьбе песни в культурной жизни советского Дальнего Востока. Статья сочетает свободную форму изложения с индивидуальной позицией автора.

Феоктистова Светлана Сергеевна,
кандидат медицинских наук

Народная песня отца

К 10-й годовщине смерти поэта
С.Г. Феоктистова (1913—1999)

«В амурском краю я не просто прижился:
Я врос здесь корнями, я здесь растворился.

И реквием льётся за мной, не смолкая,
Народная песня любимого края».

1998

**Шуми, Амур, шуми, наш батюшка,
Таёжная река.
Гуляй-гуляй, гуляй, безбрежная,
Э-эх, родная, на века!**

Строки дальневосточного гимна, сохранённые в генетической памяти земляков и ставшие поистине народными, Сергей Георгиевич Феоктистов написал в 1942 году [1, 42, 43]. Тогда Военный Совет Дальневосточного Фронта (ДВФ) объявил конкурс на песню, посвящённую ратному подвигу защитников дальневосточных рубежей:

**Хранят, Амур, тебя отважные
И верные сыны:
Мила им травка, травка каждая,
Э-эх, заветной стороны...**

Песня рождалась в совместном творчестве литературного сотрудника газеты «Тревога» С. Феоктистова и руководителя ансамбля песни и пляски ДВФ В. Румянцева, выпускника Ленинградской консерватории. Работали дружно и ответственно, меняя варианты строк и куплетов после каждой командировки в опорные пункты и заставы ДВ фронта [34].

У каждого был свой график служебных

поездок, и соавторы общались урывками. Ночные бдения и горения напоминали сполохи, в которых песня как бы проходила за-калку и огранку временем, шлифовалась подвигами воинов-дальневосточников на границе и в оборонных боях под Москвой:

**Они за честь, за честь амурскую
Не раз ходили в жаркий бой.
За волю нашу, землю русскую
Стояли насмерть под Москвой...**

В очередных командировках на границу политруки не находили знакомых бойцов и командиров. Обученные, обстрелянные в боях-учениях маршевые роты и дивизии уходили на Западный фронт, где воевали с амурской стойкостью и отвагой:

**У самой Волги, Волги-матушки,
У синего Днепра
Гремело их, да, их таёжное,
Э-эх, гвардейское «Ура-а-а!»**

В годовщину Московской битвы состоялось прослушивание всех песен, созданных хабаровскими поэтами и музыкантами к конкурсу. Оvation жюри и 1-я премия достались «Амуру-батюшке» [18], озвученному заслуженным артистом УССР Андреем Ивановым, баритоном Киевского оперного театра, эвакуированного в ту пору в Хабаровск. Отпечатанная газетой ДВФ «Тревога» песня полетела в дальневосточные дивизии под Сталинград.

В хоровом исполнении ансамбля В. Румянцева величальная песня зазвучала по краевому радио, полетела на корабли Амурской флотилии и Тихоокеанского флота, звенела на армейских концертах и заставах [3, 6, 31—33, 38, 39, 51]. Боевой «Амур-батюшка» объединял и вдохновлял фронтовые бригады труженников пограничного края [46, 49]. Боевые эшелоны солдат Дальневосточного Фронта понесли песню к западным границам [7]:

**Сама Нева, Нева-красавица
И светлый тихий Дон
Тебе, далёкому товарищу,
Шлют дружеский поклон...**

После войны песня, как «символ и связанная далёкого, таёжного края» [2, 17], служила с амурскими призывниками по всей стране [15, 16], в гарнизонах стран Варшавского договора. В радио-концертах «Амур шумел»

по всей Восточной Европе по-русски и в переводах на европейские языки [11]. Больше гонимых в национальных валютах Европы поэта С. Феоктистова волновали письма советских солдат, что несли срочную службу вдали от родного дома: «Батя! Я потерял на войне отца. А Ваша песня о далёкой вольной реке помогает находить земляков. Послушал хор — будто на родине побывал, легче служить и беречь мир».

В Песенниках Воениздата НКО и дружественных странах Варшавского договора песня разлетелась по дальним гарнизонам и посёлкам. В репертуаре Краснознамённого ансамбля песни и пляски Советской Армии А.В. Александрова раздольная песня об Амуре покорила Японию и ещё полмира, была полпредом и музыкальной визиткой дальневосточного края [8, 14]. Особую роль в популяризации песни по Тихоокеанскому региону сыграл хор бывших японских военнопленных «Берёзка» («Сирокаба»), организованный г-ном Китагови. К родным амурским берегам песня возвращалась высокими восточными голосами, и хористы Японии и Китая обращались к отцу: «Мистер Шу-ми А-мур!» [40, 41].

Руководитель Народного хора СССР проф. А.В. Свешников рассказывал: «За Уралом наш концерт открывает песня «Ой, мороз-мороз». Восточнее Омска программу начинают песни «Славное море — Священный Байкал» или «По диким степям Забайкалья». А далее — до Тихого Океана зритель требует «Амур-батюшку», что гуляет и шумит на торжественных концертах и за семейным столом» [28]. Государственный Русский хор исполнял Амурский гимн а cappella, «демонстрируя мелодическое богатство, совершенство и органичность гармонии хоровой фактуры с высокой художественностью стихотворной основы» [24]:

**Кати волну, волну могучую,
Неси в морскую ширь!
На всю тайгу, тайгу дремучую
Э-эх, шуми, наш богатырь!**

Народные хоры Приамурья полвека славят свой край песней-визиткой. Амурский хор Благовещенска, хор ветеранов Хабаровска, военные ансамбли пограничного и военного округов ДВ воспитывают песней любовь

к малой родине [25, 26]. «Амурская композиция» Молодёжного хора г. Комсомольска открывала юбилейные торжества города, краевой конкурс народных хоров и успешно представляла Дальний Восток в Москве на VI Международном фестивале молодёжи и студентов. Тогда же появился новый «вступительный» куплет [22]:

**Шумит Амур, шумит наш батюшка,
Встает в тайге рассвет.
Прими, Москва и Волга-матушка,
Наш ласковый привет!**

Современники называли песню «гимном мужеству дальневосточников на фронтах и в тылу», «песней без примет времени, песней на века» [19, 21, 35], а поэта С. Феоктистова — «Амурским запевалой». Много лет краевое радио начинало утренние передачи запевом этой легендарной песни. Высокая гражданственность, гуманистический оптимизм и эмоциональное богатство обеспечили песне огромную популярность, долгую жизнь и участие в важнейших событиях региона. Поэты младописьменных литератур сделали переводы песни о великой реке-кормилице на языки разных народов Приамурья, и национальные праздники на таёжной реке открывались вокальной здравницей на родных языках [4, 5, 13, 30]:

**Амур родной, зарю встречающий,
Ты ритм России задаёшь!
И в трудный час своим товарищам
Э-эх, и газ, и нефть, и рыбу шлёшь!**

Горд и счастлив поэт, чьё творение стало частицей духовной жизни народа. Патриот родного края подарил землякам десяток песен об Амуре [9, 10], торжественных и лирических, заздравных и шуточных. На поэтических встречах и по радио он взволнованно читал восторженные строки, от которых веяло свежей амурской волной и хвойным воздухом Хехцирских распадков. Величальная песня украшала поэтические и документальные антологии дальневосточной поэзии [20, 43, 44, 45]. Композитор Б.В. Панков составил

немало сборников песен об Амуре, написал на стихи Сергея Георгиевича «Амурский ноктюрн» [29]. Но юбилейные песенники о Приамурье всегда открывает песня-символ с музыкой В. Румянцева:

**Шуми, Амур, под гордой кручею,
Ты славу края в даль неси!
Крепи наш дух волной могучею,
Нам веру в светлое спаси!** [50]

Последние полвека наши праздники украшали многие сочинения краевых композиторов с текстом С. Феоктистова. Но «нет роднее «Амура-батюшки», песни эпической, величавой, напоминающей старинные былины о героях-богатырях, заступниках русской земли» [23].

**Шуми, Амур, зарёй разбуженный,
И силы наши умножай!
Родной мой край, искатель-труженик,
Э-эх, мужай и расцветай!**

Шестьдесят лет прослужил на Амуре ветеран Великой Отечественной войны Сергей Георгиевич как защитник амурских рубежей, как певец дальневосточных героев и тружеников Амурского пароходства [47, 48, 52]. Характером и военной выправкой стареющий Поэт напоминал мудрого бакенщика, что век свой проработал на реке и мечтал быть похороненным на высоком берегу. И в каком бы уголке Отечества ни звучала легендарная музыкальная тема, в памяти людской, как хромосомный код, всплывали строки [12, 54, 55]:

**Твои сыны возносят здравицу,
Отцу-Амуру шлют поклон!**

Тревогой за здоровье Амура-батюшки наполнено завещание Поэта:

**О, как неуютно вам будет
И в роскоши душевных квартир,
Когда не спасёте вы, люди,
Наш вольный и сказочный мир.
Ведь всё это — наша обитель,
Заветный родительский дом,
Отечество, если хотите,
Гнездовье, в котором растём!**

1999

Список использованных источников

1. Автор песни «Шуми, Амур»: к 50-летию поэта // Дал. Восток. — 1963. — № 3. — С. 164.
2. Асламов, М. Первые шаги / М.Асламов, П. Халов //

- Дальневосточная юность: Творчество молодых / Ред. П. Н.Богоявленский. — Хабаровск: кн. изд-во, 1978. — Вып.1.— С. 6.

3. Аршанец, П. Самодеятельность стала более массовой // Тревога. — Хабаровск, 1945. — 26 янв. — С. 2.
4. Бабетов, А. Поёт земля дальневосточная: Всероссийский смотр Художественной самодеятельности / А. Бабетов, Е. Корякин // Мол. Дальневосточник. — 1967. — 15 апр. — С. 1.
5. Белов, М. Амурская мелодия: заметки писателя // Сувор. натиск. — 1977. — 1 сент. — С. 3.
6. Вольхин, П. Когда поют солдаты: рассказ об Ансамбле песни и пляски нашего округа // Сувор. натиск. — 1975. — 20 июля. — С. 3.
7. Вольхин, П. Песня в нашем строю // О тебе поем, Дальний Восток: сб. песен. — Хабаровск: кн. изд-во, 1977. — С. 3—9.
8. Галенко, В. Песня служит вместе с нами / В. Галенко, Ю. Абожин // Сувор. натиск, 1983. — 5 июня. — С. 4.
9. Гребенюкова, Н. П. Шуми, шуми, Амур-река // Хабар. вести. — 2003. — 18 июля.
10. Гребенюкова, Н. П. Шумит его Амур... // Тихоокеан. звезда, 2003. — 17 июля. — С. 3.
11. Гуськов, Л. Два ансамбля — два друга // Красная звезда. — 1961. — 24 декабря. — С. 4.
12. Данилов, Л. По Хабаровскому краю: документальный фильм ЦСДФ // Сувор. натиск. — 1953. — 27 мая. — С. 3.
13. Долженко, А. С песней по Амуру: концерты Хабаровской филармонии в селах края // Тихоокеан. звезда. — 1962. — 10 июля. — С. 3.
14. Дьяченко, Е. Песни над Амуром // Красная звезда. — 1957. — 10 апр. — С. 4.
15. За боевой и интересный репертуар: обзор писем // Советская авиация. — 1957. — 16 марта. — С. 3.
16. Завадский, А. Выступает ансамбль дальневосточников // Красная звезда. — 1958. — 30 сент. — С. 4.
17. Ивагов, П. Песни над Амуром // Мол. Дальневосточник. — 1962. — 26 апр. — С. 3.
18. Измайлов, В. Шуми, Амур... // Приамур. ведомости. — 1997. — 28 марта. — С. 2.
19. Казачков, Э. Музыка региона: к 25-летию создания Дальневосточной композиторской организации // Тихоокеан. звезда. — 1985. — 17 дек. — С. 3.
20. Катеринич, В. Н. Хабаровск поэтический // Дал. Восток. — 1998. — № 5—6. — С. 165.
21. Киричек, П. Далеко на Востоке (из путевых заметок) // Советская музыка. — 1949. — № 11. — С. 68.
22. Кирюхин, Н. Наш фестиваль. — Дальневосточный Комсомольск. — 1957. — 18 июня. — С. 1—2.
23. Красноштанов, С. О святости добрых начал: к 90-летию со дня рождения поэта // Дал. Восток. — 2003. — № 3. — С. 179—183.
24. Ленский, А. О нашей хоровой музыке // Советская музыка. — 1959. — № 5. — С. 28—31.
25. Лучшие песни — тебе! // Тихоокеан. звезда. — 1957. — 3 нояб. С. 3. — [к 35-летию освобождения Хабаровска от интервентов].
26. Николаева, Л. Звучит песня над Амуром // Биробиджан. звезда. — 1963. — 10 февр. — С. 3.
27. Новиков, Ю. Праздник песни // Красная Звезда. — 1952. — 7 сент. — С. 3.
28. Ноздрунов, Б. Прославленный коллектив // Музыкальная жизнь. — 1960. — № 15. — С. 12.
29. Панков, Б. В. Мы храним память о Сергее Феоктистове // Сувор. натиск. — 2007. — 18, 20 декабря. — С. 8.
30. Песни о Дальнем Востоке // Советская культура. — 1955. — 24 сент. — С. 1.
31. Поваров, И., Медведев, Н. Заключительный концерт // Тревога. — 1945. — 31 янв. — С. 4.
32. Произведения композиторов-воинов // Советское искусство. — 1945. — 19 апр. — С. 1.
33. Пятилетие Ансамбля Краснознамённой Амурской Флотилии // Красный флот. — 1945. — 29 мая. — С. 1.
34. Румянцев, В. А. Моим друзьям // Мол. Дальневосточник. — 1953. — 12 дек. — С. 3.
35. Сохор, А. Русская советская песня. — Л.: Сов. композитор, 1959. — С. 432—433.
36. Сторожилов, А. Любимые песни — военные // Сувор. натиск. — 1985. — 8 мая. — С. 4.
37. Творческий вечер хабаровских композиторов. — Сувор. натиск. — 1952. — 11 мая.
38. У воинов дальневосточного фронта: боевые песни // Тихоокеан. звезда. — 1944. — 23 февр. — С. 3.
39. Федотов, А. Песенные километры // Тихоокеан. звезда. — 1983. — 7 авг. — С. 3.
40. Федотов, А. «Шуми, Амур»: из истории песни // Сувор. натиск. — 1984. — 8 апр. — С. 4.
41. Федотов, А. Шумит Амур, шумит: к 85-летию поэта // Тихоокеан. звезда. — 1998. — 11 июня. — С. 3.
42. Феоктистов, С. Шуми, Амур! Песня. / Муз. В. Румянцева. — Мол. Дальневосточник. — 1946. — 14 нояб. — С. 4.
43. Феоктистов, С. Шуми, Амур! // Антология поэзии Дальнего Востока: 1917—1967. / Сост. В. Пузырев, Ю. Иванов; Ред. С. Смоляков и др. — Хабаровск: кн. изд-во, 1967. — С. 318—319, С. 465.
44. Феоктистов, С. Шуми, Амур! Литературный путеводитель: Хабаровские писатели: судьба и творчество: библиогр., проза и поэзия. — Хабаровск: кн. изд-во, 2004. — С. 292.
45. Феоктистов, С. Шуми, Амур! // Дальний Восток в поэзии современников. — Владивосток: Дальне-Вост. кн. изд-во, 1990. — С. 422.
46. Феоктистова, С.С. И, как всегда, шумел Амур... // Тихоокеан. звезда. — 2005. — 4 авг. — С. 3.
47. Фере, В. На Дальнем Востоке // Советская музыка. — 1961. — № 7. — С. 111—112.
48. Фере, В. Г. Впечатления, цели, задачи / В. Г. Фере, Е. П. Макаров // Тихоокеан. звезда. — 1961. — 25 апр. — С. 3.
49. Чернышова, В. И. В суровые годы войны / В. И. Чернышева, Г. Чечулина, А. Сутурин // Хабаровск: 1858—1983: очерки истории. — Хабаровск: кн. изд-во, 1983. — С. 188—190.
50. Чернявский, А. Шумит Амур, шумит наш батюшка... И новой песни ждёт... // Тихоокеан. звезда. — 2003. — 30 окт. — С. 2.
51. Шишкин, К. Новая программа Фронтového ансамбля // Тревога. — 1945. — 22 марта. — С. 4.
52. Шульжик, В. Всегда в пути // Дал. Восток. — 1966. — № 12. — С. 4.
53. Шуми, Амур! Песенник: 65-летию Хабаровского края — 65 песен. / Ред.-сост. Б. В. Панков. — Хабаровск: изд-во «РИОТИП», 2003. — С. 5—7.
54. Шуми, Амур! Песня. Слова С. Феоктистова, Муз. В. Румянцева // Русские народные песни / Исполнитель: Гос. акад. русский хор п/у А. В. Свешникова: Коллекционное издание. — Вып. 2. CD. — 2006.
55. То же // Песни военных лет / Исполнитель Гос. акад. Русский хор п/у А. В. Свешникова. — POWER. ON. — Киев: (Троещина), UA, 2006.

Библиография

Лютова Надежда Константиновна,
заместитель директора Дальнево-
сточной государственной научной
библиотеки

Русское географическое общество: от истоков до начала XX века

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук выпустила в свет монографию «Русское географическое общество и книга. Очерк издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX — начале XX в.» о зарождении и развитии издательской, библиотечной и библиографической работы Русского географического общества и его отделений по всей России.

Монография посвящена памяти учёного-книговеда Сергея Антоновича Пайчадзе.

Первое впечатление от знакомства с монографией Елены Анатольевны Базылевой, научными редакторами которой являются А.Л. Посадсков и Л.А. Кожевникова — восхищение фундаментальностью труда.

Ценность такой работы непреходяща. Способ изложения сочетает академический стиль и личностное отношение, присутствует насыщенность историографическим материалом, особенно — архивными документами, внимание к каждому автору, внесшему свой

Рецензия на книгу: Базылева, Е. А. Русское географическое общество и книга. Очерк издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX — начале XX в./ Е. А. Базылева; Сиб. Отд.—ние Рос. Акад. Наук, Гос. публич. Науч.-техн. Б-ка; науч. ред.: А. Л. Посадсков, Л. А. Кожевникова. — Новосибирск, 2008. — 386 с.: ил.

вклад в развитие настоящей темы.

Особенность и уникальность издания заключается в том, что в нём впервые освещается история издания, распространения и использования книжной продукции Русского географического общества: развитие деятельности во взаимосвязи с государственной политикой и необходимостью вовлечения в экономику страны обширных земель Российской империи, освоения и изучения новых территорий; формирование библиотек, зарождение и развитие библиографической практики, а также распространение изданий общества, как в России так и за рубежом.

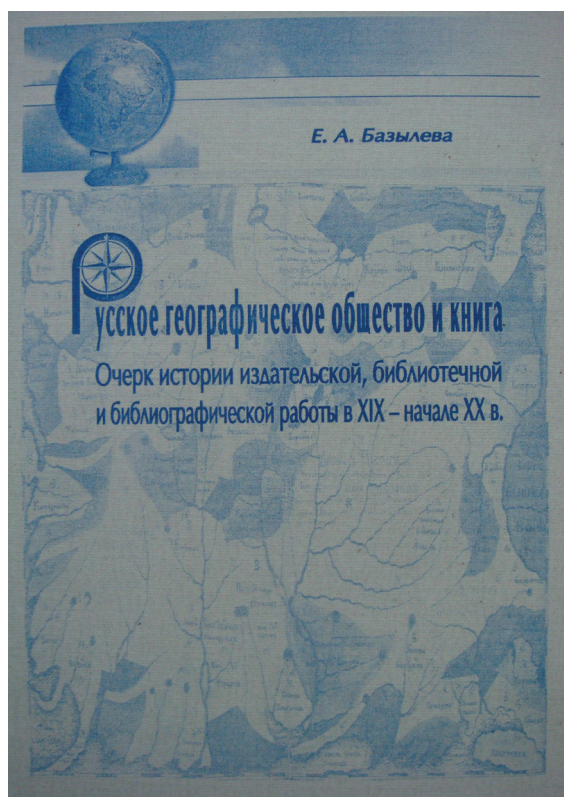
Отсутствие целостной картины эволюции одного из самых известных в России учреждений и его отделений (в том числе дальневосточных), оказавших серьёзное влияние на культурное и научное развитие регионов и в целом страны, обедняло историю книжной культуры России. Поэтому автор поставил цель — рассмотреть книжную продукцию русского географического общества как показатель развития культуры в стране, её регионах, а также как частное доказательство того факта, что история русской книжной культуры и история русской государственности неделимы.

Автор монографии хорошо знаком с предшествующими исследованиями, в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы изучаемой автором темы (их характеристике посвящена часть введения монографии), в то же время историографический анализ, по мнению автора, позволяет говорить о том, что по вопросам, связанным с выпуском, распространением и использованием книжной продукции Русского географического общества в период с 1845 по февраль 1917 гг., а также по проблеме влияния деятельности ИРГО на развитие отечественной книжной культуры, крупных научных трудов и статей обобщаю-

щего характера до сих пор не создано.

В монографии использован широкий круг источников. В «Списке литературы» указаны 244 публикации на русском языке. Кроме того, ссылки на публикации и материалы из архивов даются в подстрочных примечаниях. Ещё одним источником, использованным в настоящей работе, является периодическая печать, большинство изданий просмотрено *de visu*. Информативность библиографической части монографии повысило использование электронных ресурсов, библиографических баз данных.

Основной текст монографии состоит из двух глав.

Глава 1 «Издательская деятельность Русского географического общества». Глава делится на параграфы, в которых последовательно, согласно заявленной нижней хронологической границы — 1845 год и верхней хронологической границе — февраль 1917 года, идёт описание зарождения и развития географического общества в России.

Географические рамки охватывают территорию Российской империи в границах конца первой половины XIX века — февраля 1917 года.

Глава 2 «Библиотеки общества. Распространение книжной продукции РГО» состоит из разделов, в которых рассматривается создание, комплектование библиотек ИРГО; особенности их существования и обслуживания; рассматривается библиографическая деятельность ИРГО, даётся описание отдельно изданных указателей, каталогов. Кроме этого рассматриваются пути продвижения печатной продукции ИРГО к читателю (в большинстве своём безвозмездно): книгообмен, подписка, продажа.

Один из разделов посвящён Дальневосточным отделам и их отделениям, в том числе, есть информация о формировании фонда библиотеки Приамурского Отдела ИРГО.

Все части монографии дополнены таблицами, рисунками, наглядно демонстрирующими идеи и выводы автора.

В целом монография охватывает значительный исторический период развития РГО и огромное количество общих

и частных тем и вопросов, разработанных историками и книговедами. В этом её непреходящее значение. Можно не сомневаться, что она найдет многочисленных читателей, которые будут обращаться к ней не только как к целостному труду, но и как к справочнику по различным вопросам истории отечественной книжной культуры.

Наверное, можно было найти оплошности и недостатки или спорные места в такой объёмной и богатой по содержанию книге, однако у читателя не должно сложиться негативного мнения о ней. Прежде всего, монография даёт огромный историографический материал и оценку проведённых исследований в области истории книжной культуры. Мы должны быть благодарны автору, взявшему на себя столь важную и сложную миссию, как подведение итогов создания и развития на определённом этапе одного из основных учреждений России.

Рецензируемая монография имеет не только историческое значение, она нацелена на будущее развитие истории книжного дела в целом, а также на развитие регионального книговедения.

Владимиров Александр

Высшая школа на Дальнем Востоке: сохраняя отечественные традиции, формируем инновационную систему образования

Рецензия на книгу: В. В. Романов, А. В. Пасмурцев, В. А. Пасмурцев. Совет ректоров вузов Хабаровского края и Еврейской автономной области. Страницы истории. — Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2009. — 132 с.

Более 35 лет назад, в 1973 году, был создан Совет ректоров высших учебных заведений Хабаровского края. Это стало важным и значимым событием, по сути дела, первым шагом к формированию наряду с партийно-государственными и административными структурами, более полувека безраздельно руководившими в советском обществе всей системой высшего образования, также и новых, гораздо более демократических органов, отражавших прогрессивные тенден-

ции развития общества.

Советы ректоров создавались в крупных вузовских центрах, каким уже в начале 70-х годов XX века по праву считался Хабаровск с его мощными вузами, где трудились сотни лучших представителей профессорско-преподавательского состава, обучались десятки тысяч студентов из всех краев, областей и автономных округов Дальнего Востока.

В числе главных целей, поставленных перед Советами ректоров, были всесторонняя координация деятельности вузов, содействие повышению уровня подготовки и квалификации преподавателей, обобщение и распространение накопленного опыта по организации учебного процесса, научно-исследовательской работы, воспитания молодёжи. Решая важные организационные и практические задачи по совершенствованию системы высшего образования, Совет ректоров вузов Хабаровского края, кроме того, уже с первых лет своей деятельности стал авторитетным выразителем мнений и интересов профессорско-преподавательского состава, всей вузовской общественности.

Первым председателем Совета ректоров вузов Хабаровского края был избран Михаил Павлович Даниловский, ректор Хабаровского политехнического института (ныне Тихоокеанский государственный университет). Он оказался именно таким руководителем — авторитетным и демократичным, мудрым и дальновидным, который был жизненно необходим Совету, делавшему первые нелегкие шаги. Заложенные им и его соратниками традиции на долгие годы определили направления деятельности Совета и даже сам дух взаимопонимания и сотворчества, и сегодня характерный для этого органа.

Разумеется, созданные в конкретных исторических условиях, Советы ректоров далеко не сразу оформились в качестве органов истинно демократических.

Однако в них был заложен мощный организационный, интеллектуальный и творческий потенциал, который раскрылся и реализовался спустя два десятилетия, уже в новой, демократической России. Причем одной из важнейших и труднейших задач, вставших в тот период перед Советом ректоров вузов Хабаровского края и Еврейской автономной области, стала задача сохранения в условиях экономического коллапса и деградации многих ранее влиятельных общественных структур самой системы высшего профессионального образования и вузовской науки на Дальнем Востоке России. И сегодня можно со всей ответственностью утверждать, что задача эта была успешно решена именно под руководством Совета ректоров.

Идея создания этой книги, что называется, витала в воздухе, а главное — в умах многих руководителей вузов и представителей вузовской общественности, чьи судьбы в разные периоды истории оказались связанным с деятельностью Совета ректоров. Но, как известно, от рождения любой идеи до её практической реализации путь тернист, и не всегда, в силу различных объективных и субъективных причин, удаётся пройти его столь быстро и успешно, как хотелось бы, далеко не всегда реализовать задуманное удаётся в полной мере. Тем не менее, книга об истории Совета ректоров Хабаровского края и ЕАО была подготовлена и в январе 2009 года представлена на суд вузовской общественности.

Особую роль в появлении её на свет сыграли Валентин Викторович Романов, профессор, кандидат исторических наук, действительный член Академии социальных и гуманитарных наук РФ, и Сергей Николаевич Иванченко, профессор, доктор технических наук, ректор Тихоокеанского государственного университета, председатель Совета ректоров вузов

Хабаровского края и Еврейской автономной области.

Большую помощь в сборе документального и фотоматериала для книги оказали руководители и преподаватели многих вузов региона, и прежде всего, Тихоокеанского государственного университета, Дальневосточного государственного гуманитарного университета, Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Хабаровской государственной академии экономики и права, Дальневосточной академии государственной службы, Дальневосточной государственной академии физической культуры, Дальневосточного государственного медицинского университета, Хабаровского государственного института искусств и культуры, Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Кроме того, ценные фотоматериалы для книги были предоставлены Л.Ф. Обуховой, А.В. Левченко, И.В. Дмитренко.

Книга состоит из четырех разделов.

В первом разделе «Страницы истории Совета ректоров вузов Хабаровского края и Еврейской автономной области» представлены исследования профессора В.В. Романова («Семидесятые годы: первые шаги к демократизации отечественной системы высшего образования», «Девяностые годы: борьба за сохранение высшего образования на Дальнем Востоке») и журналиста А.В. Пасмурцева («Восьмидесятые годы: новые задачи, новые возможности »).

Второй раздел «Строкой официаль-

ных документов» составлен на основе документальных первоисточников, сохранившихся в личных архивах профессора В.В. Романова и профессора В.Г. Григоренко. Здесь, в частности, представлена переписка руководителей Совета ректоров вузов Хабаровского края и ЕАО с органами высшей государственной власти Российской Федерации, выдержки из их выступлений на съездах Российского Союза ректоров и отчетов о работе Совета ректоров. Разумеется, с учетом объема книги авторы имели возможность использовать лишь небольшую часть из огромного массива сохранившейся архивной информации. Но и она позволяет высоко оценить поистине подвижническую деятельность Совета ректоров по сохранению системы высшего образования на Дальнем Востоке в переломные 90-е годы XX века и в начале нового века.

В третьем разделе «Мы делали нужное, важное дело...», подготовленном журналистами А.В. Пасмурцевым и В.А. Пасмурцевым, собраны воспоминания ряда руководителей и членов Совета ректоров вузов Хабаровского края.

Завершающий раздел «Главная цель — формирование инновационной системы образования на Дальнем Востоке» представлен в форме интервью с председателем Совета ректоров вузов Хабаровского края и Еврейской автономной области С.Н. Иванченко. В нем рассказывается о тех важнейших задачах, которые руководители 19 высших учебных заведений и вузовская общественность региона решают сегодня, отвечая на интеллектуальные и технологические вызовы нового тысячелетия.

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию

Общие требования к авторским материалам

Предоставляемые материалы должны быть оригинальными, т. е. не публиковавшимися ранее, на русском языке в виде статей, сообщений, рецензий, информационных и других материалов. Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты — выверены. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Статьи отбираются для публикации с учётом их актуальности, научно-практической значимости, чёткости, логичности изложения, в соответствии с профилем журнала и его стилем. Срок рассмотрения присланных статей — один месяц.

Требования к содержанию и объёму

В оригинальных авторских текстах должна быть обоснована актуальность темы, чётко определены цели и задачи исследования. Статьи и другие материалы должны быть научно аргументированы, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью. Максимальный объём:

- ключевой статьи, аналитического материала, эссе не должен превышать 40 000 знаков;
- учебные и методические материалы, обзоры литературы — 20 000 знаков;
- рецензии — 8 000 знаков.

Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух или более номерах журнала. Готовая статья должна иметь название, быть чётко структурированной и содержать подзаголовки. Статья должна снабжаться аннотациями, раскрывающими её содержание (одна — краткая, для «Содержания», вторая — более развернутая, помещается перед статьёй).

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. основных понятий, используемых в статье.

Обязательно наличие фото в цифровом виде (требования к фотографии: портретное фото в формате TIFF или PSD с разрешением не менее 300 pixels)

и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- сфера профессиональных интересов (не обязательно);
- контактный телефон;
- e-mail.

Технические требования

Текст статьи должен быть набран в соответствии с правилами компьютерного набора с одной стороны белого листа бумаги стандартного формата (A4). На

странице рукописи должно быть не более 28 строк, 60 знаков в каждой строке, отпечатанных через 1,5 интервала (это относится к таблицам и примечаниям). Авторы представляют в редакцию 1 экз. статьи и идентичный вариант на электронном носителе. Текст должен быть набран в редакторе Word for Windows, шрифт Times NR, размер 14. Желательно не использовать колонтитулы, встроенные номера страниц, даты, шаблоны.

Заглавие статьи печатается строчными буквами. Фамилия, имя, отчество автора(ов), должность, учёная степень и учёное звание пишутся над заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов — в конце статьи).

В тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок даётся ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточником и визируются автором статьи на оборотной стороне последней страницы: «Цитаты и фактический материал сверены». Подпись, дата.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обрашаем Ваше внимание на необходимость использования буквы «ё»; правильное использование тире (—), дефиса (-). Требуется обязательная расшифровка: «Г» — «год», «чел.» — «человек» и другие. «%» и «№» следует писать раздельно.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку.

Рукопись в конце обязательно подписывается автором. Проставляется дата.

Оформление списка литературы

Все публикации, которые цитируются или упоминаются в тексте, должны быть представлены в списке использованной литературы в конце статьи. В тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках «[1]», соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы.

Список литературы составляется по алфавиту и оформляется согласно ГОСТ 7.1.—2003. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. Обязательно должны быть указаны: фамилия и инициалы авторов, полное название книги (сборника), город, издательство, год издания. Желательно также указывать номера цитируемых страниц и общее количество страниц в издании. При оформлении библиографических данных журнальных статей должны быть указаны: фамилия и инициалы автора, полное название статьи, название журнала, год издания, номер журнала, номера страниц. Ссылки на иностранную литературу следует давать на языке оригинала без сокращений.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

© Дальневосточная государственная научная библиотека

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «История и культура Приамурья» обязательна.

Отпечатано: издательский центр ИП Кузнецов Д.Г.,
г. Хабаровск, пр. 60 лет Октября, 164.
Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. __
Заказ № __. Тираж: 1000 экз.

Выходит 4 раза в год.
Распространяется бесплатно.